

**МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ПО ПОДГОТОВКЕ И ОСВОЕНИЮ
ЛЕКЦИОННОГО КУРСА
«СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА»**

**Составители: Суворов Михаил Николаевич, доктор филологических наук
Джандосова Заринэ Алиевна, кандидат филологических наук**

Настоящие Методические указания предназначены для помощи преподавателю в подготовке лекционного курса «Современная литература Ближнего и Среднего Востока», а также для помощи учащимся в его освоении. Поскольку учебного пособия по дисциплине «Современная литература Ближнего и Среднего Востока» в настоящее время не существует, при подготовке курса лекций целесообразным является использование имеющихся отечественных научных исследований и переводов соответствующей литературы на русский язык. Совокупность этих материалов предоставляет преподавателю и студенту практически всю необходимую информацию по предмету. Эти материалы можно использовать выборочно, в полном или сокращенном виде – в зависимости от проявленного учащимися большего или меньшего интереса к тем или иным аспектам курса, и исходя из временного плана занятий.

В структурном отношении настоящие Указания разбиты на два раздела: «Арабская литература» и «Литература стран Среднего Востока». Два раздела охватывают 30 лекций – в соответствии с Рабочей программой дисциплины. Материал к каждой лекции состоит из трех частей: тезисов лекции, базовой литературы по лекции и дополнительной литературы. Базовая литература включает основные исследования, необходимые для подготовки лекции, с указанием страниц (если необходимо), на которых содержится соответствующий материал. Дополнительная литература включает второстепенные исследования, а также переводы изучаемых произведений.

В конце Указаний даны общие списки литературы – отдельно по каждому из двух разделов курса.

Указания также снабжены тремя Приложениями (к лекциям 1-3, 14 и 15), представляющими собой научные статьи по темам соответствующих лекций.

РАЗДЕЛ I. АРАБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЛЕКЦИЯ 1. Периодизация современной арабской литературы. Литература Египта и Сирии (1800-е – 1850-е гг.)

Периодизация современной арабской литературы. «Новая» и «новейшая» литература. Неравномерность развития современной литературы в разных частях арабского мира. Идеино-художественные этапы развития современной арабской литературы: неоклассицизм, просветительский сентиментализм, романтизм, реализм, модернизм и постмодернизм. Выход арабской литературы к концу XX века на один стадийный уровень с литературой стран Запада.

Изучение современной арабской литературы в СССР и в постсоветской России: проблемы, достижения и перспективы.

Начало культурных связей Египта с Европой (1798 г.). Мухаммед Али и его реформы. Обновление системы образования. Формирование национальной интеллигенции. Переводческая деятельность и Школа языков. Университет аль-Азхар и идеи возрождения арабской культуры. Первые египетские просветители: Хасан аль-Аттар и Ибрахим ад-Дасуки. Рифа' ат-Тахтави и его «Извлечение чистого золота в описании Парижа». Просветительство в Сирии: роль американских протестантских и французских католических миссионерских учебных заведений. Создание просветительских обществ, пропаганда достижений мировой цивилизации и арабского культурного наследия. Преподавательская, научная и литературная деятельность Насыфа аль-Йазиджи. Борьба за чистоту языка, филологические труды. Стихи и макамы. Просветительская деятельность Бутруса аль-Бустани. Создание Сирийской национальной школы. Словарь нового языка. Энциклопедия. Газеты «аль-Джанна» и «аль-Джунейна», журнал «аль-Джинан». Просветительская роль жанра рихля. «Описание России» Мухаммеда ат-Тантави. Ахмед Фарис аш-Шидьяк и его роман-путешествие «Сак аля сак...». Научная и публицистическая деятельность аш-Шидьяка. Зарождение арабского театра и драматургии. Спектакли в миссионерских школах. Марун ан-Наккаш – первый арабский драматург.

Базовая литература:

Али-заде Э.А. История литературы Сирии XIX – XX веков. М.: Восточная литература, 2007. С. 25-48.

Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX вв. Т.1. М.: восточная литература, 2002. С. 18-94.

Дополнительная литература:

- Джабарти А. Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776-1798). М.: Изд-во восточной литературы, 1978.
- Джабарти А. Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798-1801). М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
- Джабарти А. Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий. Египет под властью Мухаммеда Али (1806-1821). М.: Изд-во восточной литературы, 1963.
- Кахарова Н. Путешествие в Париж Рифаа ат-Тахтави. Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1968.
- Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. В 6-ти тт. Т.3. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- Крымский А.Е. История новой арабской литературы (XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1971.
- ат-Тахтави Рифаа Рафи. Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже. М.: Наука, 2009.

ЛЕКЦИЯ 2. Литература Египта и Сирии (конец 1850-х – середина 1890-х гг.)

Общественно-политическая ситуация в Египте и Сирии в 1960-70-е гг. Эмиграция из Сирии. Формирование философской просветительской концепции: Франсис Марраш и его философские повести «Чаща права» и «Жемчуг раковины», идеи свободы, разума, просвещения и общественного долга. Мусульманская «реформация» («модернизм в исламе») – призыв к возрождению «первоначальной чистоты» ислама. Противоречивый характер реформации: сочетание панисламских идей с просветительскими. Деятельность Джамаль ад-Дина аль-Афгани, Мухаммеда Абдо и их учеников. Развитие прессы; Египет как центр арабской прессы. Крупнейшие публицисты: Адиб Исхак, Абдаллах ан-Недим, Йа‘куб Санну‘. Становление жанра «макаля» (публицистической статьи), возрождающей традиции ораторской речи и послания. Влияние европейской публицистики. Формирование публицистического стиля. Господство классического направления в поэзии, влияние французского классицизма. Использование традиционных форм для отражения актуальной тематики. Патриотическая поэзия Махмуда Сами аль-Баруди и Ибрахима аль-Йазиджи. Первые женщины поэтессы: Варда Турк, Марьяна Марраш, Аиша Теймур. Просветительство и обновление прозы в Сирии и Египте. Нравоучительные и исторические романы Селима аль-Бустани. Воспитание и образование как основная тема его нравоучительных романов. Роль исторических сюжетов в просветительском романе: идеализированная история как источник назидания и возрождения арабского национального самосознания. Исторический роман Джамиля аль-Мудаввара в эпистолярной форме «Мусульманская цивилизация в Багдаде». Тематическое развитие и новые функции

жанра «рихля». Просветительская деятельность Али Мубарака; его роман-путешествие «Алам ад-Дин», энциклопедический характер романа и его связь с жанром макамы. Переводы европейской литературы; интерес к произведениям, отвечающим текущим потребностям арабского общества. Развитие арабской драматургии. Классическое направление, его связь с поэзией. Театр Йа'куба Санну', обработки Мольера и комедии на разговорном языке. Театр Адиба Исхака и Селима Наккаша. Переводы трагедий Корнеля и Расина. Первые арабские национальные трагедии: «Кайс и Лейла» Селима аль-Бустани, «Мужество и верность» Халиля аль-Йазиджи. Наджиб аль-Хаддад – переводчик «Ромео и Джульетты» Шекспира.

Базовая литература:

Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX вв. Т.1. М.: восточная литература, 2002. С.95-178.

Дополнительная литература:

- Арабская романтическая проза XIX-XX вв. Л.: Художественная литература, 1981.
- Борисов В.М. Современная египетская проза. М.: Издательство АН СССР, 1961.
- Долинина А.А. Очерки истории арабской литературы нового времени (Египет и Сирия). Просветительский роман 1870-1914. М.: Наука, 1973.
- Долинина А.А. Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. Публицистика 1870-1914. М.: Наука, 1968.
- Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. В 6-ти тт. Т.3. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- Крымский А.Е. История новой арабской литературы (XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1971.
- Стихи поэтов Египта. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.
- Ходжаева Р.У. Очерки развития египетской поэзии (конец XIX – 60-е гг. XX в.). Ташкент: Изд-во «ФАН» УССР, 1985.

ЛЕКЦИЯ 3. Литература Египта и Сирии (середина 1890-х – середина 1920-х гг.)

Национальное движение и пресса в Египте и Сирии. Развитие публицистики: Мустафа Кямиль, Вали ад-дин Йекун. Шейх аль-Кавакиби и его сочинения: «Мать городов» и «Природа деспотизма». Борьба за женскую эмансипацию: труды Касема Амина «Освобождение женщины» и «Новая женщина». Развитие классической традиции в поэзии. Ахмед Шауки – путь от «поэта эмиров» к «эмиру поэтов». Мухаммед Хафиз Ибрахим – «поэт Нила». Патриотические касиды с исторической тематикой. Перевод «Илиады» Сулеймана аль-Бустани как памятник арабского классицизма и образец просветительской литературы. Зарождение

романтизма в арабской поэзии: творчество Халиля Мутрана. Просветительская проза: египетская и сирийская школы. Джирджи Зейдан – классик арабского исторического романа. Его публицистическая, научная и просветительская деятельность. Изложение истории арабов в цикле романов Зейдана. Основные истоки романного творчества Зейдана: традиции адаба, традиции народного повествования, черты арабской просветительской повести, черты европейского исторического романа XIX века. Творчество Фараха Антуна: сочетание исторического романа с философским. Ориентированность писателя сирийской школы на массового читателя. Стремление к простоте стиля. Переводы европейской литературы. Попытка египетских писателей использовать жанр макамы для создания произведений на современные темы. «Рассказ Исы ибн Хишама» Мухаммеда аль-Мувейлихи как сочинение ярко выраженного переходного типа: соединение форм «макамы» и «рихли» с чертами сатирического романа. Отход аль-Мувейлихи от позитивистских воззрений ранних египетских просветителей. Роль «Рассказа Исы ибн Хишама» в модернизации арабской прозы. Начало арабского сентиментализма: от чувствительности к сочувствию. Интерес к внутреннему миру «маленького человека». Мустафа Лутфи аль-Манфалуты, его публицистическая деятельность и «новый стиль» в прозе. Попытки синтеза восточной и европейской эстетики. Зарождение реалистического направления в прозе: роман Мухаммеда Хусейна Хайкаля «Зейнаб». Мухаммед Теймур как первый египетский теоретик театра; зарождение египетской новеллы в его творчестве. Реалистические тенденции в театре Джорджа Абйада. Поэты-романтики «нового поколения» – группа «Диван»: Абдаррахман Шукри, Аббас Махмуд аль-Аккад, Ибрахим аль-Мазини. Критика последователей классицизма. Требование правдивого отражения чувств поэта. Интеграция бейтов. Влияние английского и французского романтизма.

Базовая литература:

Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX вв. Т.1. М.: восточная литература, 2002. С. 179-243.

Дополнительная литература:

Али-заде Э.А. Египетская новелла. М.: Наука, 1974.

аль-Кавакиби Абд ар-Рахман. Природа деспотизма и гибельность порабощения. М.: Наука, 1964.

Арабская проза. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.

Арабская романтическая проза XIX-XX вв. Л.: Художественная литература, 1981.

Араслы Э.Г. Джирджи Зейдан и арабский исторический роман. М.: Наука, 1967.

Борисов В.М. Современная египетская проза. М.: Издательство АН СССР, 1961. С. 3-24.

Долинина А.А. Очерки истории арабской литературы нового времени (Египет и Сирия). Просветительский роман 1870-1914. М.: Наука, 1973.

Долинина А.А. Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. Публицистика 1870-1914. М.: Наука, 1968.

Зейдан Джирджи. Аль-Амин и аль-Мамун. Л.: Художественная литература, 1977.

Зейдан Джирджи. Сестра Харуна ар-Рашида. Л.: Художественная литература, 1970.

Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. В 6-ти тт. Т.3. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

Крымский А.Е. История новой арабской литературы (XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1971.

Стихи поэтов Египта. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.

Хайкал Мухаммед Хусейн. Зейнаб. Л.: Художественная литература, 1973.

Ходжаева Р.У. Очерки развития египетской поэзии (конец XIX – 60-е гг. XX в.). Ташкент: Изд-во «ФАН» УССР, 1985.

Хусейн-Заде М.Ш. Феллах в литературе Египта. Душанбе: Дониш, 1973.

ЛЕКЦИЯ 4. Сиро-американская литературная школа

Эмиграция из Сирии. Арабские культурные общества и союзы в США. Рождение арабской прессы в Америке. Противоречивость мировоззрения сиро-американских писателей, их принадлежность к арабской, французской и американской культурам. Ностальгические мотивы и романтические настроения. Критика западной цивилизации и отсталости Востока. Неприятие религиозной косности и бесправия женщины в арабском обществе. Формирование художественных вкусов под влиянием литературы Запада. Новые жанры в творчестве сиро-американских писателей: эссе, повесть, новелла, стихотворение в прозе. Обновление поэтической формы: строфика, верлибр. Двуязычие сиро-американских писателей; влияние их творчества на литературу арабского Востока. Крупнейшие представители романтического направления: Амин ар-Рейхани, Джебран Халиль Джебран, Ильяс Абу-Мады. Романтические и художественно-философские произведения ар-Рейхани: сборник «ар-Рейханийат» и повесть «Книга о Халиде». Положение мусульманской женщины и цивилизационный конфликт между Востоком и Западом в повести «Вне стен гарема». Описания путешествий ар-Рейхани по арабским странам в книге «Арабские монархи» и в ее английских парафразах. Бунтарские настроения Джеброна в сборниках романтических новелл «Невесты лугов» и «Мятежные души» и в повести «Сломанные крылья». Создание в годы войны «Лиги за освобождение Сирии», ее преобразование в «Ассоциацию пера» в 1920 г. Послевоенные философские повести Джеброна на английском языке: мотивы созерцательного пессимизма Шопенгауэра и героического пессимизма Ницше. Стремление Джеброна соединить литературу и живопись.

Реалистическое направление в сиро-американской прозе: творчество Михаила Нуайме и Абд аль-Масиха Хаддада. Влияние русской литературы и литературной критики на творчество Нуайме: пьеса «Отцы и дети», сборник новелл «Было ли, не было» и критических статей «Сито». Переезд Нуайме после смерти Джебрана в Ливан, публикация его книги о Джеброне – первой в арабской литературе художественной биографии. Противоречивая реакция критики на книгу. Романтические мотивы в поэтическом творчестве Ильяса Абу-Мады.

Базовая литература:

Имангулиева А.Н. «Ассоциация пера» и Михаил Нуайме. СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 2011.

Дополнительная литература:

- Арабская проза. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.
- Арабская романтическая проза XIX-XX вв. Л.: Художественная литература, 1981.
- ар-Рейхани Амин. Избранное. Л.: Художественная литература, 1988.
- Джебран Халиль Джебран. Избранное. Л.: Художественная литература, 1986.
- Джебран Халиль Джебран. Слеза и улыбка. Избранное. М.: Художественная литература, 1976.
- Джебран Халиль Джебран. Сломанные крылья. Избранные произведения. М.: Гослитиздат, 1962.
- Джебран Халиль Джебран. Странник. Притчи и речения. М.: Сфера, 2002.
- Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. В 6-ти тт. Т.3. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- Левин З.И. Философ из Фурейки. М.: Наука, 1965.
- Нуайме М. Ливанские новеллы. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.
- Поэты Ливана. Илия Абу Мады. Саид Акль. Шафик Маалюф. М.: Прогресс, 1967.
- Рассказы писателей Ливана. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
- Современная арабская новелла. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963.

ЛЕКЦИЯ 5. Литература Египта во второй четверти XX века

Новый этап развития египетской прозы: формирование реалистического направления. Проявление тенденций к созданию национальных литератур. Египетские «обновители»: Таха Хусейн, Аббас Махмуд аль-Аккад, Салама Муса и их взгляды на соотношение традиционного и нового в литературе. Лозунг «египтизации литературы» и его связь с реалистическими тенденциями. Вопрос о языке и стиле литературы, использование разговорного языка. Влияние

европейской и русской литературы на становление современной египетской новеллы. «Новая школа» новеллистов: творчество Махмуда Тахера Лашина, Махмуда Теймура и Йахьи Хакки. Черты сентиментализма и реализма в творчестве «обновителей», использование юмора, народного анекдота и мотивов средневекового адаба, развитие психологического анализа в их произведениях. Отход Махмуда Теймура от «национального колорита» с конца 20-х годов, обращение его к анализу психологических состояний личности, ее внутренним противоречиям. Отказ от классических форм в романтической поэзии 30-40-х годов. Творчество поэтов содружества «Аполлон»: Ахмед Заки Абу-Шади, Ибрахим Наги, Али Махмуд Таха. Авангардизм в египетской поэзии 30-40-х годов: александрийская Ассоциация искусств и свободы. Любовные романы, заимствования из европейской литературы. Двойственность позиции египетских романистов: утверждение права на любовь и осуждение порока. Формирование национальных черт и психологизма «большой» прозы: «Рагаб-эфенди», «Сальва в порывах ветра» и «Зов неведомого» Махмуда Теймура, «Ева без Адама» Махмуда Тахера Лашина, «Дни», «Литератор» и «Зов горлицы» Таха Хусейна, «Возвращение духа» и «Птичка с Востока» Тауфика аль-Хакима, «Писатель Ибрахим» Ибрахима аль-Мазини, «Сара» Аббаса аль-Аккада, «Светильник Умм Хашим» Йахьи Хакки. Автобиографизм как способ создания «египетской личности» в романе («Дни», «Возвращение духа», «Писатель Ибрахим», «Сара»). Разрушение просветительского мировосприятия в романах на тему Восток-Запад («Литератор», «Птичка с Востока», «Светильник Умм Хашим»): проблема цивилизационного разрыва. Новый интерес к арабскому прошлому: исторические романы Али аль-Гарима, Мухаммеда аль-Ариана, Мухаммеда Абу Хадида, Нагиба Махфуза. Социальная критика в романах: «Миллим аль-Акбар» Адиля Камиля и «Записки провинциального следователя» Тауфика аль-Хакима. Цикл городских романов Нагиба Махфуза как кульминация формирования арабского реалистического романа.

Базовая литература:

Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX вв. Т.1. М.: восточная литература, 2002. С. 270-344, 364-378.

Дополнительная литература:

Али-заде Э.А. Египетская новелла. М.: Наука, 1974.

Али-заде Э.А. Махмуд Теймур. М.: Наука, 1983.

аль-Хаким Тауфик. Избранное. М.: Академия поэзии «Московский писатель», 1998.

ас-Сибай Юсуф. Водонос умер. Ташкент, 1968.

ас-Сибай Юсуф. Земля лицемерия. М., 1973.

- ас-Сибай Юсуф. Мы не сеём колючек. М.: Прогресс, 1973.
- Борисов В.М. Современная египетская проза. М.: Издательство АН СССР, 1961. С. 24-69.
- Кирпиченко В.Н. Нагиб Махфуз – эмир арабского романа. М.: Наука, 1992
- Махфуз Нагиб. Родопис. Л., 1990.
- Махфуз Нагиб. Шахразада. Рассказы. М.: Наука, 1991.
- Новая арабская поэзия. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958.
- Рассказы арабских писателей. М.: Издательство иностранной литературы, 1955.
- Современная арабская новелла. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963.
- Стихи поэтов Египта. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.
- Теймур Махмуд. Синие фонари. М.: Художественная литература, 1970.
- Тикаев Г.Г. Египетский исторический роман (30-40-е гг. XX века). М.: Муравей, 2003.
- Усманов Н.К. Проза Тауфика аль-Хакима. М.: Наука, 1979.
- Ходжаева Р.У. Очерки развития египетской поэзии (конец XIX – 60-е гг. XX в.). Ташкент: Изд-во «ФАН» УССР, 1985.
- Хусейн Таха. Дни. М.: Изд-во восточной литературы, 1958.
- Хусейн Таха. Избранное. М.: Художественная литература, 1989.
- Хусейн-Заде М.Ш. Феллах в литературе Египта. Душанбе: Дониш, 1973.

ЛЕКЦИЯ 6. Сиро-ливанская и иракская литература в 1920-40-е гг.

Основание первой Арабской академии наук (Дамаск) и первого арабского научного историко-филологического журнала. Развитие национальной научной и литературной прессы. Деятельность литераторов – членов Арабской академии наук: Мухаммед Курд Али, Шафик Джабри, Абд аль-Кадир аль-Магриби. Влияние сиро-американской школы и египетских обновителей на литературу Сирии, Ливана и Палестины. Деятельность членов сирийской Литературной ассоциации. Черты романтизма в поэзии: Мухаммед аль-Бизм, Хейр ад-Дин аз-Заркали, Халиль Мардам-бек, Шафик Джабри. Проза малых форм: творчество Субхи Абу-Ганимы и Сами аль-Кайали. Исторические романы Ма'руфа аль-Арнаута. Тема Восток-Запад в романах Шакиба аль-Джабири. Влияние русской и европейской социально-философской мысли на формирование реалистических черт сиро-ливанской литературы. Деятельность бейрутских журналов «ат-Тали'а» и «ат-Тарик»: популяризация иностранной литературы. Зачинатели реалистического рассказа в сиро-ливанской литературе: Тауфик Йусуф аль-Аввад, Омар Фахури, Али Хулки, Мухаммед ан-Наджжар, Фуад аш-Шайиб, Лийан Дейрани, Абд ас-Салям аль-Уджейли. Распространение просветительских идей в Ираке в начале XX века.

«Пробуждающая повесть» Сулеймана Файди – первая национальная пьеса. Переводы иностранной литературы. Социально-политические темы в неоклассической поэзии: творчество Абд аль-Мухсина аль-Кязими, Джамиля Сидки аз-Захави, Ма'руфа ар-Русафи. Социальная революция в неоклассической поэзии: творчество Мухаммеда Махди аль-Джавахири 20-40-х годов. Просветительская проза: творчество Махмуда Ахмеда ас-Сеййида, Джа'фара аль-Халили, Анвара Шауля. «Джаляль Халед» Махмуда Ахмеда ас-Сеййида – первый иракский роман. Деятельность мосульского журнала «аль-Маджалля» и формирование реалистической новеллы. Творчество Зу-н-Нуна Айюба: сборники «Апостолы культуры», «Жертвы», «Трудящиеся», роман «Доктор Ибрахим». Сентиментально-романтическая проза 40-50-х годов: творчество Абд аль-Маджида Лутфи и Абдаллаха Нийязи. Формальные новации в поэзии конца 40-х годов: «вольный стих» в творчестве Бадра Шакера ас-Саййяба, Назик аль-Малаяика, Абд аль-Ваххаба аль-Байяти; их влияние на арабскую поэзию. «Прозаическая поэзия» Хусейна Мардана.

Базовая литература:

Али-заде Э.А. История литературы Сирии XIX – XX веков. М.: Восточная литература, 2007. С. 83-178.

Чуков Б.В. Статья с веком наравне. История арабской литературы в Ираке. М.: ИВ РАН, 1997.

Чуков Б.В. С веком наравне: история арабской литературы в Иракском королевстве и Иракской Республике. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006.

Дополнительная литература:

Акбарова М.Х. Сирийский рассказ. Становление и пути развития. Ташкент: Изд-во «ФАН» УССР, 1975.

Бахшалиева Г.Б. Абд ас-Салам аль-Уджейли: очерк жизни и творчества. Баку: ЭЛМ, 1989.

Королевство деда. Современная иракская повесть. М.: Радуга, 1985.

Новая арабская поэзия. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958.

Нуайме Михаил. Встреча // Встреча через века. М.: Терра, 1998. С. 5-66.

Письмена на дереве. Иракский рассказ 1908-1980 гг. М.: Наука, 1983.

Поэты Ливана. Илия Абу Мады. Саид Акль. Шафик Маалюф. М.: Прогресс, 1967.

Рассказы арабских писателей. М.: Издательство иностранной литературы, 1955.

Рассказы иракских писателей. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961.

- Рассказы писателей Ливана. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
- Рассказы сирийских писателей. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
- Современная арабская новелла. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963.
- Соловьев В., Фильштинский И., Юсупов Д. Арабская литература. М.: Наука, 1964.
- Тимофеев И.В. «Новая поэзия» в зеркале арабской критики 60-х годов // Литературы зарубежной Азии в современную эпоху. М.: Наука, 1975. С. 323-335.
- Цветок лимона. Рассказы писателей арабских стран. М.: Детская литература, 1973.
- Юсупов Д.И. Творческий путь Омара Фахури. М.: Издательство восточной литературы, 1958.

ЛЕКЦИЯ 7. Литература Египта, Сирии и Ливана в 1950-е годы

Подъем национально-патриотических настроений в Египте и революция 1952 г. Расцвет литературной жизни, новые имена в литературе. Мелодраматическая проза Йусуфа ас-Сибба'и, Ихсана Абд аль-Куддуса, Мухаммеда Абд аль-Халима Абдаллаха. Социально-патриотическая проза Абдаррахмана аш-Шаркави и Абдаррахмана аль-Хамиси. «Новые реалисты» и диспуты об ангажированности литературы. Кульминация формирования арабской социальной реалистической новеллы в творчестве Йусуфа Идриса. Углубление социально-реалистической традиции в романе: «Земля» Абдаррахмана аш-Шаркави, трилогия («Бейн аль-Касрейн», «Каср аш-Шаук», «ас-Суккарийя») Нагиба Махфуза, «Грех» Йусуфа Идриса, «Открытая дверь» Латыфы аз-Зайат. Трилогия Нагиба Махфуза – национальная египетская эпопея. «Грех» Йусуфа Идриса – кульминация развития сельской темы в египетской литературе. Повесть Йахьи Хакки «С добрым утором» как отражение противоречий послереволюционного египетского общества. Предвестие отхода литературы от социальной ангажированности: романы «Сыны нашей улицы» Махфуза и «Беленькая» Идриса. Расцвет литературной жизни в Сирии и Ливане, столкновение идеологий социализма и экзистенциализма в диспутах о литературе. Переводческая деятельность; особая роль творчества А.П. Чехова в формировании литературных вкусов сирийских писателей. Создание Ассоциации сирийских писателей, популяризация советской литературы и развитие жанра реалистического рассказа: творчество Саида Хуранийи, Хасиба аль-Кайали, Адиля Абу-Шанаба, Васфи аль-Бунни, Шауки Багдади, Мавахиба аль-Кайали, Самима аш-Шарифа, Фадыля ас-Сибба'и. Развитие «большой» реалистической прозы: «Синие лампы» Ханны Мины, «Басима в слезах» Абд ас-Салима аль-Уджейли. Черты социалистического реализма в прозе Жоржа Ханны. Автобиографические и мистико-философские произведения Михаила Нуайме. Идеи экзистенциализма в литературе конца 50-х годов: публицистика и рассказы сирийца Мута' ас-Сафади, романы «Латинский

квартал» и «Глубокий ров» ливанца Сухейля Идриса, сборник рассказов «Корабль тоски к луне» и роман «Я живу!» ливанки Лейлы Ба'альбаки.

Базовая литература:

Али-заде Э.А. История литературы Сирии XIX – XX веков. М.: Восточная литература, 2007. С. 179-234.

Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX вв. Т.2. М.: восточная литература, 2003. С. 11-52.

Николаева М.В. Гора и метафора. Очерк исторического развития литературы Ливана. М.: ИВ РАН, 1999. С. 106-120.

Дополнительная литература:

19 египетских рассказов. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.

Акбарова М.Х. Сирийский рассказ. Становление и пути развития. Ташкент: Изд-во «ФАН» УССР, 1975.

Али-заде Э.А. Махмуд Теймур. М.: Наука, 1983.

Бахшалиева Г.Б. Абд ас-Салам аль-Уджейли: очерк жизни и творчества. Баку: ЭЛМ, 1989.

Борисов В.М. Современная египетская проза. М.: Издательство АН СССР, 1961. С. 70-125.

В моем городе идет дождь. Новеллы писателей Сирии, Ливана, Иордании. М.: Наука, 1966.

аз-Зайат Латифа. Открытая дверь. М., 1964.

Идрис Юсуф. Грех. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.

Идрис Юсуф. Четвертый пациент и другие рассказы. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.

Карьера доктора Фануса. Рассказы современных египетских писателей. М.: Наука, 1977.

Кирпиченко В.Н. Нагиб Махфуз – эмир арабского романа. М.: Наука, 1992

Кирпиченко В.Н. Юсуф Идрис. М.: Наука, 1980.

Махфуз Нагиб. Предания нашей улицы. Вор и собаки. Путь. М.: Радуга, 1990.

Махфуз Нагиб. Шахразада. Рассказы. М.: Наука, 1991.

Мина Ханна. Синие лампы. М.: Детгиз, 1958.

Непобежденное молчание. Рассказы сирийских писателей. М.: Художественная литература, 1977.

Нуайме Михаил. Мои семьдесят лет. М.: Наука, 1980.

Рассказы арабских писателей. М.: Издательство иностранной литературы, 1955.

Современная арабская новелла. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963.

Султанова Л.Ф. Писатель и борец за мир Жорж Ханна // Народы Азии и Африки. 1972. №2. С. 136-140.

Усманов Н.К. Проза Тауфика аль-Хакима. М.: Наука, 1979.

аль-Хаким Тауфик. Лотерея. Рассказы и драматические сценки. М.: Наука, 1983.

аль-Хаким Тауфик. Пьесы. М.: Искусство, 1979.

Хусейн-Заде М.Ш. Феллах в литературе Египта. Душанбе: Дониш, 1973.

Цветок лимона. Рассказы писателей арабских стран. М.: Детская литература, 1973.

Шесть гиней. Новеллы египетских писателей. М.: Наука, 1964.

ЛЕКЦИЯ 8. Египетская литература в 60-90-е годы XX в.

Отход от реалистической традиции: сдвиги в системе образов и структуре произведения, распад цельности видения мира и человека, утрата общественной перспективы. Экзистенциализм в рассказах Эдвара аль-Харрата. Влияние западных направлений модернизма и неореализма. Драматургия 60-70-х годов: сочетание реализма и модернизма, «театр абсурда» в творчестве Тауфика аль-Хакима. Модернизм в позднем творчестве Йусуфа Идриса: повести «Гариб» и «Черный солдат», сборники «Сирена» и «Дом плоти»; торжество инстинктов над разумом, моралью и верой в его новых рассказах. Распространение авангардистских творческих методов, новеллистика «новой волны»: Хафиз Рагаб, Ибрахим Аслан, Дийа аш-Шаркави, Эдвар аль-Харрат, Мухаммед аль-Бусати, Баха Тахер, Йахйя Абдаллах, Гамаль аль-Гитани. Культурный и социальный регресс 70-х годов и его влияние на литературную жизнь. Общественные условия формирования нового мироощущения. «Новая чувствительность» (по аль-Харрату) в литературе, опора на развитие индивидуальных стилей. Новые имена в прозе: Ибрахим Абд аль-Магид, Сальва Бакр, Абдо Губейр. Мухаммед аль-Махзанги и жанр «очень короткого рассказа». Субъективное видение мира в новом египетском романе. «Новый реализм» в «романах пути» Нагиба Махфуза. Неореалистические и неотрадиционалистские романы: «Ночи тысячи ночей», «Путешествие Ибн Фатумы» Нагиба Махфуза, «Всюду этот запах», «Комитет», «Затун», «Шараф» Сун'аллаха Ибрахима, «аз-Зейни Баракат», «События на улице аз-Заафарани», «Зов неведомого» Гамалы аль-Гитани, «Траур», «Вести с хутора аль-Миниси», «Жалобы красноречивого египтянина» Йусуфа аль-Ку'аййида, «Ловкачи», «Приключения торговца маринованными огурцами и сладостями» Хайри Шалаби, «Рама и дракон», «Камни Попилло» Эдвара аль-Харрата, «Любовь в изгнании» Баха Тахера, «Поля убийства» Фатхи Эмбаби, «Никто не спит в Александрии» Ибрахима Абд аль-Магида. Рост изданий романов в 90-е годы. Женщины-романистки 90-х годов, их выход за пределы традиционной женской проблематики: творчество Радвы Ашур, Сальвы Бакр, Галы аль-Бадри,

Мираль ат-Тахави, Мейй ат-Телемсани. Романы «Шатер» Мираль ат-Тахави и «Дунйазада» Мейй ат-Телемсани. Постмодернистские тенденции в египетской прозе 90-х годов: сборник «Полосы на окружностях».

Базовая литература:

Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX вв. Т.2. М.: восточная литература, 2003. С. 132-250.

Дополнительная литература:

- аль-Гитани Гамаль. Аз-Зейни Баракят. М.: Радуга, 1986.
- Кирпиченко В.Н. Нагиб Махфуз – эмир арабского романа. М.: Наука, 1992
- Кирпиченко В.Н. Современная египетская проза. 60-70-е гг. М.: Наука, 1986. С. 111-236.
- Кирпиченко В.Н. Юсуф Идрис. М.: Наука, 1980.
- аль-Куайид Мухаммед Юсуф. Происшествие на хуторе аль-Миниси. М.: Художественная литература, 1983.
- Махфуз Нагиб. Вор и собаки. М.: Художественная литература, 1965.
- Махфуз Нагиб. Зеркала. М.: Прогресс, 1979.
- Махфуз Нагиб. Избранное. Л.: Художественная литература, 1990.
- Махфуз Нагиб. Избранные произведения. М.: Панорама, 1992.
- Махфуз Нагиб. Любовь под дождем. М.: Прогресс, 1975.
- Махфуз Нагиб. Осенние перепела. М., 1964
- Махфуз Нагиб. Пансионат Мирамар. Любовь под дождем. М.: Прогресс, 1975.
- Махфуз Нагиб. Под навесом. СПб., 1994.
- Махфуз Нагиб. Предания нашей улицы. Вор и собаки. Путь. М.: Радуга, 1990.
- Махфуз Нагиб. Путешествие Ибн Фаттумы. М.: Центр гуманитарного сотрудничества, 2009.
- Махфуз Нагиб. Торжество возвышенного. М.: Центр гуманитарного сотрудничества, 2008.
- Махфуз Нагиб. Уважаемый господин. Л., 1990.
- Махфуз Нагиб. Шахразада. Рассказы. М.: Наука, 1991.
- Современный египетский рассказ. М.: Наука, 1988.
- Тахер Баха. Любовь в изгнании / Ибрагим Саналлах. Комитет. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, ИВ РАН, 2010.
- аль-Хаким Тауфик. Лотерея. Рассказы и драматические сценки. М.: Наука, 1983.
- аль-Хаким Тауфик. Пьесы. М.: Искусство, 1979.
- Хетата Шериф. Железное око. В сетях. М.: Радуга, 1988.

аш-Шаркави Абд ар-Рахман. Феллах. М.: Прогресс, 1973.

Юнусов К.О. Драматургия Тауфика аль-Хакима. М.: Наука, 1976.

Юнусов К.О. Последние пьесы Тауфика ал-Хакима // Восток. 1999. №4. С. 91-94.

Юнусов К.О. Элементы иррационализма в современной египетской драматургии (по пьесе Тауфика ал-Хакима «Взбирающийся на дерево») // Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып.1. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1971. С. 136-143.

ЛЕКЦИЯ 9. Сирийская и ливанская литература в 60-90-е годы XX в.

Популяризация эстетики экзистенциализма, деятельность бейрутского журнала «аль-Адаб». Переводы произведений западных модернистов. Противостояние и синтез реализма и модернизма в художественной культуре 60-70-х годов, субъективное видение мира в новой сиро-ливанской прозе. Пессимизм в реалистической прозе Адиля Абу-Шанаба, Наср ад-Дина Бахры. Отчуждение, абсурдность бытия и иррационализм в новеллах сирийцев Закарии Тамера, Жоржа Салима, Валида Ихласи, в романе «Безобразные боги» Лейлы Ба'альбаки. Соединение социального реализма и эстетики экзистенциализма в романах Хайдара Хайдара, Гаде ас-Самман и Ханан аш-Шейх. Бунт поколения в романах «Побежденные» сирийца Хани ар-Рахиба и «Бейрутские мельницы» ливанца Тауфика Йусуфа аль-Аввада. Национально-патриотическая тематика, национальная история и культура в реалистической большой прозе сирийцев: «Когда снова пойдет дождь» Адиба Нахви, «Рыцарь из города аль-Кантара» Абд ас-Саляма аль-Уджейли, «Мятежники» Сыдки Исмаила, «Парус и буря», «Снег падает через окно», «Солнце в пасмурный день», «Картины прошлого», «Болото» Ханны Мины, «Город не падет», «Хасан Джабаль» Фариса Зарзура. Расцвет «новой поэзии» в Сирии и Ливане 60-70-х годов. Творчество Низара Каббани и Али Ахмеда Саида (Адониса). «Политический театр» Са'адаллаха Ваннуса. Гражданская война и израильская оккупация в ливанской прозе 80-х годов. Социально-философский реализм в творчестве Йусуфа аль-Ашкара. Отражение событий арабо-израильской войны 1973 г. в сирийской прозе: «Кровавые цветы Октября» Абд ас-Саляма аль-Уджейли, «Наблюдательный пункт» Ханны Мины. Социальные проблемы города и деревни в сирийской прозе 80-90-х годов, спад экзистенциальных настроений. Национально-историческая тематика в «большой» прозе: «История моряка», «Весна и осень», «Трагедия Димитру», «Сбор урожая» Ханны Мины, «Последний танец акробата» Хайри аз-Захаби, «Утренняя звезда» Мухаммеда Ибрахима аль-Али, «Голанская скала» Али Окля Орсана, «Чума» Хани ар-Рахиба. Поэзия в Сирии и Ливане в 80-е годы: многообразие направлений, форм и стилей. Переводческий процесс: возобновление интереса к русской литературе.

Базовая литература:

Али-заде Э.А. История литературы Сирии XIX – XX веков. М.: Восточная литература, 2007. С. 235-371.

Николаева М.В. Гора и метафора. Очерк исторического развития литературы Ливана. М.: ИВ РАН, 1999. С. 120-164.

Дополнительная литература:

аль-Али Мухаммед Ибрагим. Произвол. М.: Военное издательство, 1988.

аль-Али Мухаммед Ибрагим. Утренняя звезда. М.: Военное издательство, 1985.

Аввад Тауфик Юсеф. Бейрутские мельницы. М.: Прогресс, 1978.

Бахшалиева Г.Б. Абд ас-Салам аль-Уджейли: очерк жизни и творчества. Баку: ЭЛМ, 1989.

Мина Ханна. Парус и буря. Судьба моряка. М.: Радуга, 1985.

Непобежденное молчание. Рассказы сирийских писателей. М.: Художественная литература, 1977.

Тамер Закария. Дамаск пожарищ. Рассказы. М.: Прогресс, 1977.

Ханна Жорж. Жрецы храма. М., 1955.

ЛЕКЦИЯ 10. Иордано-палестинская литература в XX веке

Понятие иордано-палестинской литературы. Палестинские просветители начала XX века, их литературно-издательская и переводческая деятельность: Халиль Бейдас, Халиль ас-Сакакини, Искандер аль-Хури аль-Битиджали. Рождение современной иордано-палестинской прозы: творчество Халиля Бейдаса. Становление жанра просветительской новеллы: творчество Махмуда Сейф ад-Дина аль-Ирани, Исы ан-На'ури, Мухаммеда Адиба аль-Амири. Большая просветительская проза: «Сыны Гассанидов и Ибрахим-паша» Рукса аль-Узейзи, «Где защитники добродетели?» Тайсира Зубйана, «Путь к спасению» Сулеймана аль-Машины, «Марс укрощает свое чрево» Исы ан-На'ури, «Путями времени» Шукри Ша'ша'а, «Приключения кающейся» Хусни Фариза. Палестинская трагедия 1948 года и начало формирования реалистического направления в прозе. Первые реалистические произведения большой прозы: «Девушка из Палестины» Абд аль-Халима Аббаса, «Дом за границей» Исы ан-На'ури, «Крик в долгой ночи» Джабры Ибрахима Джабры, «Люди под солнцем» Гассана Канафани. Палестинская проблема и женская тема новеллах Махмуда аль-Ирани, Исы ан-На'ури, Самиры Аззам, Гассана Канафани. Политизация иордано-палестинской литературы с середины 60-х годов; становление героико-романтического и реалистического направлений в прозе и поэзии; атмосфера пессимизма после поражения 1967 г. «Поэзия сопротивления»:

творчество Махмуда Дервиша и Самиха аль-Касема. Палестинская проблема в большой реалистической прозе: «Умм Саад» и «Возвращение в Хайфу» Гассана Канафани, «Новые раны» Исы ан-На‘ури, «Плач на груди любимой» Рашада Абу-Шавера, «Странные события, связанные с исчезновением Саида Абу-н-Нахса аль-Муташаиля» Эмиля Хабиби, «Наджран ниже нуля» Йахьи Йахлюфа, «Подсолнух» Сахар Халифы, «Вернись домой, Халиль» Кафы аз-Зу‘уби. Реализм и модернизм в творчестве нового поколения новеллистов (с 70-х гг.): Тауфика Файада, Йахьи Йахлюфа, Мухаммеда Наффа‘, Валида Раббаха, Фахри Ка‘вара, Йусуфа Дамры, Махмуда Шукейра, Халиля ас-Савахири, Мустафы Салеха, Ибрахима аль-Абси, Ибрахима аль-Хатыба. «Новый» роман в иордано-палестинской литературе: «Ты сегодня» Тайсира Субуля, «Осколки и мозаика», «Когда просыпаются мечты» и «Живые в Мертвом море» Му‘ниса ар-Раззаза, «Птицы осторожности» и «Охранник исчезнувшего города» Ибрахима Насраллаха, «Три лица Багдада» Галеба Халасы.

Базовая литература:

Ковыршина Н.Б. Проза Иордании. М.: Изд-во РУДН, 2005. С. 124-169.

Дополнительная литература:

Ашихмина Н.П. Гассан Канафани // Писатели Азии и Африки в борьбе за мир и социальный прогресс. Ташкент, 1990. С.209-212.

Ашихмина Н.П. Некоторые особенности развития палестинской литературы // Востоковедение. Научные труды. Вып. 456. Ташкент, 1973. С. 68-73.

Ашихмина Н.П. Палестинская проблема в рассказах сборника «Печальная земля апельсинов» Гассана Канафани // Востоковедение. Научные труды. Вып. 456. Ташкент, 1973. С. 74-79.

Бсису Муин. Визитная карточка. М.: Наука, 1974.

В моем городе идет дождь. Новеллы писателей Сирии, Ливана, Иордании. М.: Наука, 1966.

Ганиханова Е.Э. Махмуд Дервиш // Писатели Азии и Африки в борьбе за мир и социальный прогресс. Ташкент, 1990. С.205-208.

Горсть родной земли. Современная палестинская новелла. М.: Прогресс, 1981.

Дервиш Махмуд. Птица изгнания. Избранные произведения. М.: Радуга, 1987.

Живой мост. Рассказы арабского сопротивления. М.: Прогресс, 1972.

аль-Зооби Кафа. Вернись домой, Халиль. М.: Библос консалтинг, 2009.

Канафани Гассан. Люди под солнцем. М.: Радуга, 1984.

аль-Касем Набих. О жизнь! СПб: Фонд восточных культур, 2001.

Махамид Омар. Сто и один рассказ. СПб: Лаборатория оперативной печати факультета журналистики СПбГУ, 2004.

Мост возвращения. Стихи современных поэтов Палестины. М.: Правда, 1978.

Намитоква З.А. Арабские писатели в борьбе за освобождение Палестины // Литературы зарубежной Азии в современную эпоху. М.: Наука, 1975. С. 309-322.

Новая арабская поэзия. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958.

Поэзия борьбы. Стихи поэтов арабского сопротивления. М.: Художественная литература, 1984.

Пропать терпения. М.: Молодая гвардия, 1981.

Халифа Сахр. Подсолнух. М.: Молодая гвардия, 1984.

Яхлюф Яхья. Наджран в час испытаний. М.: Известия, 1983.

ЛЕКЦИЯ 11. Арабоязычная литература Северной Африки (Тунис и Алжир)

Деятельность первых тунисских просветителей: культурные инициативы Хейр ад-Дина ат-Туниси, неоклассическая поэзия Махмуда Кабаду. Ранняя просветительская проза Салеха аль-Кайруани, дидактические функции произведений жанра «рихля». Патриотическая поэзия Мухаммеда Хазнадара. Романтизм в поэзии Абу-ль-Касима аш-Шабби. Национальный подъем 30-40-х годов и обновление прозы. Зачинатели жанра новеллы: Зейн аль-Абдин ас-Снуси, Мухаммед аль-Башруш, Махмуд Байрам ат-Туниси, Али ад-Дуаджи, Мухаммед аль-Ариби. Частичное сохранение в малой прозе макамого стиля. Формирование реалистической новеллы: творчество Али ад-Дуаджи. Женская тема в новеллах аль-Ариби. Философские романы Махмуда аль-Масади: синтез западного символизма и исламского мистицизма. Отмена режима протектората, роль журнала «аль-Фикр» в обновлении тунисской литературы, рост числа писательниц-женщин. Реалистическая тенденция при сохранении некоторых черт просветительства и романтизма; развитие модернизма. Романтика пустыни в новеллах Мухаммеда аль-Марзуки. Первые реалистические романы: творчество аль-Башира Храйефа. Антиколониальная борьба в романах Мухаммеда аль-Матви, Абд ар-Рахмана Аммара, Мухаммеда аль-Джанната. Черты экзистенциализма в реалистических новеллах Хасана Насра. Модернизм в творчестве Изз ад-Дина аль-Мадани, Джалула Азуны, Самира аль-Айади, Нафилы Захаб, Мустафы аль-Фариси, ат-Тахира Гиги. Экспериментальные романы Мустафы аль-Мадаини. Социально-политические проблемы независимого Туниса в романах Мухаммеда аль-Джабири, Омара бен Салима, Мухаммеда аль-Барди, Мухаммеда аль-Хади бен Салиха.

Религиозно-просветительская деятельность алжирской Ассоциации мусульманских улемов во второй четверти XX века, рождение алжирской национальной прессы и публицистики. Просветительская художественная проза Ахмеда Рида Хуху в 50-е годы. Проза революционного времени: переход от просветительства к реализму в новеллах Абдаллаха Ркиби и Зухур Ваниси. Формирование реалистической новеллы в творчестве Абдельхамида Бенхедуги и ат-Тахера Ваттара 60-70-х годов; их романы о национально-освободительной войне и послереволюционных социально-культурных проблемах алжирской деревни. Аллегорический реализм в романах Ваттара 80-х годов.

Базовая литература:

Ализаде Э.А., Асадуллин Ф.А., Прожогина С.В., Юнусов К.О. Литература Туниса. М.: Наука, 1993.

Демкина О.Н., Прожогина С.В. Литература Алжира. М.: Наука, 1993.

Дополнительная литература:

Арабская романтическая проза XIX-XX вв. Л.: Художественная литература, 1981.

Бенхедуга Абельхамид. Избранные произведения. М.: Радуга, 1987.

Ваттар ат-Тахир. Туз. Землетрясение. М.: Прогресс, 1980.

Ваттар ат-Тахир. Туз. Любовь и смерть в смутное время. М.: Радуга, 1984.

Десять лет и одна ночь. Современная тунисская проза. М.: Радуга, 1989.

Дорогая наша земля. Новеллы писателей Марокко, Туниса, Ливии. М.: Главная редакция восточной литературы, 1967.

Земля и кровь. Современная проза Алжира. М.: Художественная литература, 1983.

Из алжирской поэзии XX века. М.: Художественная литература, 1984.

Избранные произведения писателей Северной Африки. М.: Прогресс, 1980.

Лабиринты ночи. Повести и рассказы. М.: Радуга, 1983.

Никифорова И.Д. Литература национального возрождения. О творчестве современных писателей Марокко, Туниса, Алжира. М.: Знание, 1968.

Новая арабская поэзия. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958.

Новое лицо. Новеллы писателей Туниса. М.: Главная редакция восточной литературы, 1974.

Пантучек С. Тунисская литература. Краткий очерк. М.: Наука, 1969.

Поэзия Магриба. М.: Прогресс, 1978.

Поэты Алжира. М.: Прогресс, 1965.

Поэты Северной Африки. М.: Молодая гвардия, 1986.

Саадалла Абу аль-Касим. Победа Алжиру! Стихи. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.

Современная арабская новелла. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963.

Страшная ночь. Новеллы алжирских писателей. М.: Главная редакция восточной литературы, 1966.

Утро моего народа. Современная алжирская поэзия. М.: Художественная литература, 1977.

ЛЕКЦИЯ 12. Арабоязычная литература Северной Африки (Марокко и Ливия)

Литература Марокко. Распространение идей мусульманского модернизма в Марокко в начале XX века, развитие мусульманского образования и появление арабоязычной прессы. Распространение французского языка и культуры в период протектората (1912-1956). Преобладание традиционной поэзии в первой трети XX века. Появление современной прозы в конце 40-х гг.; франко-арабское двуязычие литературы. Историко-просветительские повести Абд аль-Азиза Бенабдаллаха. Патриотическая тема в новеллистике конца 40-х – 50-х годов; героико-романтические сюжеты. Новеллистика 60-80-х годов: реалистическое и модернистское направления. Романы Абд аль-Карима Галляба о проблемах марокканского общества эпохи антиколониальной борьбы. Романы Мубарака Раби': от психологического реализма к неотрадиционализму. Судьбы марокканской интеллигенции в романной тетралогии Абдаллаха Ляруи. Экзистенциальные мотивы в романах Мухаммеда Зефзафа. «Дно жизни» в натуралистической прозе Мухаммеда Шукри.

Литература Ливии. Религиозно-просветительская деятельность сенуситов в Киренаике во второй половине XIX в., культивирование поэзии классического типа. Первые триполитанские религиозные просветители: Мухаммед Камиль ибн Мустафа, Ахмед ан-Наиб аль-Ансари, Ахмед ибн Шитван, их связь с Турцией и Египтом. Развитие неоклассической поэзии: творчество Ахмеда аль-Факиха Хасана, Мустафы ибн Зикри, Ибрахима Бакира. Развитие триполитанской прессы, ее просветительская роль и патриотический характер. Просветительская деятельность и религиозно-патриотическая поэзия Сулеймана аль-Баруни. Усиление итальянского культурного влияния в период колонизации (1911-1943). Традиция хадусы и неоклассическая патриотическая поэзия Ахмеда Рафика аль-Махдави, его поэма «Сирота Гейс». Новая поэзия 50-60-х годов: творчество Али ар-Ракыйа и Али Сидки Абд аль-Кадера. Становление ливийского театра: творчество Абдаллаха аль-Кувейри и Абд аль-Хамида аль-Миджраба. Политизация культурной жизни в 60-е годы; становление жанра новеллы и формирование реалистического направления в творчестве Али аль-Мисурати, Абдаллаха аль-Кувейри, Ахмеда Ибрахима аль-Факиха, Халифы ат-Тикбали, Камиля аль-Макхура. Ускорение

развития литературы после революции 1969 г. «Из Мекки сюда» Садека ан-Нейхума – первый национальный роман. Мрачный модернизм в новеллах Халифы Хусейна Мустафы. Духовная культура туарегов в новаторской прозе Ибрахима аль-Куни.

Базовая литература:

Асадуллин Ф.А. Очерк истории ливийской литературы XIX – XX вв. М.: Наука, 1993.

Власова О.А., Дербисалиев А.Б., Прожогина С.В. Литература Марокко. М.: Наука, 1993.

Дополнительная литература:

Асадуллин Ф.А. Проблемы развития современной ливийской литературы // Современные литературы стран Азии и Африки. М., 1988.

Барабаны пустыни. Современная ливийская новелла. М.: Радуга, 1985.

Дорогая наша земля. Новеллы писателей Марокко, Туниса, Ливии. М.: Главная редакция восточной литературы, 1967.

Еще одна попытка выжить. Современная марокканская проза. М.: Радуга, 1988.

Избранные произведения писателей Северной Африки. М.: Прогресс, 1980.

аль-Куни Ибрагим. Глоток крови. М., 1988.

Никифорова И.Д. Литература национального возрождения. О творчестве современных писателей Марокко, Туниса, Алжира. М.: Знание, 1968.

Поэзия Магриба. М.: Прогресс, 1978.

Поэты Северной Африки. М.: Молодая гвардия, 1986.

ар-Ракии Абд аль-Кадер. Ливийские стихи. М.: Прогресс, 1964.

ЛЕКЦИЯ 13. Развитие литературы в странах Аравии (Саудовская Аравия)

Обретение Саудовской Аравией в 1927 г. государственности; признаки обновления в литературе: романтические мотивы в поэзии. Роль журнала «аль-Манхаль» в популяризации современной арабской прозы. Первые назидательные повести: «Близнецы» Абд аль-Куддуса аль-Ансари, «Воскресение» Мухаммеда Магриби, «Девушка из Мекки» Ахмеда Хуху, «Мысль» Ахмеда ас-Сибба'и. Стремление авторов к улучшению общественных нравов, пропаганда образовательных и культурных реформ. Распространение реалистического метода освоения действительности с 1950-х гг., формирование современных жанров. Социальные и культурные изменения в жизни страны в романах «Цена жертвы» Хамеда Даманхури и «Прореха в покрове ночи» Ибрахима аль-Хумейдана. Ключевая тема: конфликт обладающих разным жизненным опытом «отцов» и «детей» в вопросах модернизации общественных нравов. Реалистические

новеллы Ибрахима аль-Хумейдана, Абд ар-Рахмана аш-Ша'ира, Сибат'и Усмана, Наджат Хайят (р. 1944). Автобиографизм в романах «Нет тени под горой» Фуада Анкави, «Синьора» Исама Хаукира, «Навес в Сафе» Хамзы Баукари, «Шелуха» Омара Зейля', «Квартира свободы» Гази аль-Кусейби, «Призраки в безлюдных переулках» Турки аль-Хамада. Распространение модернистской новеллы со второй половины 1970-х гг.: творчество Мухаммеда Альвана, Хусейна Али Хусейна, Джараллаха аль-Хамида, Са'да ад-Даусари, Абдаллаха Бахашвейна, Абдо Халя, Нуры аль-Гамеди, Бадрии аль-Бишр, Лейлы аль-Ухайдиб. Неотрадиционализм в творчестве Мирьям аль-Гамеди, Хасана ан-Ни'ми, Султаны ас-Сидейри. Широкий спектр модернистский стилей в романе (с 1990-х гг.). Смещение реалий современной жизни с мотивами арабского средневекового наследия и народных преданий в романах «Крепость» Абд аль-Азиза Мишри и «Шелковый путь» Раджи Алем, поток сознания полубезумного повествователя в романе «Возвращение» Варды Абд аль-Малик, мозаика тщательно выписанных частных, выхваченных из разных точек пространства и времени, в романе «Рейхана» Ахмеда ад-Дувейхи. Номинация романов «Она мечет искры» (2008) Абдо Халя и «Ожерелье голубок» (2010) Раджи Алем на премию за лучший арабский роман.

Базовая литература:

За дюнами. Антология современной саудовской литературы. М.: «Восточная литература» РАН, 2009.

Дополнительная литература:

Даманхури Х. Любовь и долг. М.: Прогресс, 1966.

Богари Х.М. Под сенью святынь. М.: Институт востоковедения РАН, 2006.

Суворов М.Н. Реализм и модернизм в художественной прозе стран Аравии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 13. Вып. 4. С. 61-68.

Суворов М.Н. Специфика просветительского этапа в развитии современной художественной прозы стран Аравии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 13. Вып. 3. С. 63-71.

ЛЕКЦИЯ 14. Развитие литературы в странах Аравии (Йемен)

Распространение идей «ан-нахды» в Адене (с 20-х гг.), деятельность аденских просветителей. Газета «Фатат аль-Джазира» Мухаммеда Лукмана и первые просветительские рассказы. Новое содержание поэзии классической формы: творчество Мухаммеда Махмуда аз-Зубейри. Романтическое направление в аденской поэзии; творчество Лутфи Джа'фара Амана.

Начало формирования национального характера литературы: черты реализма в повести «Дневник контрабандиста» Абдаллаха ат-Теййиба Арслана и в рассказах Мухаммеда Мисвата. Национально-освободительное движение в Адене (с сер. 50-х гг.) и политизация литературы. Становление реалистической новеллы: творчество аденских писателей 60-х годов. Кульминация развития реализма в большой и малой прозе Мухаммеда Абд аль-Вали, проблема эмиграции в его творчестве. Образование двух йеменских государств: НДРЙ и ЙАР и развитие культуры в 70-80-е годы. Обновление поэзии: творчество Абдаллаха аль-Бараддуни, Абд аль-Азиза аль-Макалеха, Абд ар-Рахмана Фахри. Просветительские черты и политическая ангажированность большой прозы НДРЙ и ЙАР. Национальный колорит в большой и малой прозе Зейда Даммаджа, дореволюционный Йемен в его романе «Заложник». Мрачный модернизм в новелле: творчество Ахмеда Махфуза Омара, Мухаммеда Салеха Хайдары, Майфа, Абд ар-Рахмана, Хасана аль-Ляузи, Абд аль-Фаттаха Абд аль-Вали, Зейна ас-Саккафа. Объединение двух частей Йемена в 1990 г.; критический взгляд на предыдущий период истории страны в рассказах и романах Саида Аулаки, Абдаллаха Бавазира, Хабиба Сарури и Али Мухаммеда Зейда. Магический реализм в рассказах Абд аль-Карима ар-Разиhi. Критика ситуации в объединенном Йемене в творчестве Абдаллаха Бавазира, Хабиба Сарури, Абд аль-Карима ар-Разиhi, Надии аль-Каукабани, Ахмеда Зейна. Расширение спектра модернистских стилей: творчество Самира Абд аль-Фаттаха, Набили аз-Зубейр, Мухаммеда Ахмеда Усмана, Ахмеда Зейна, Мухаммеда Абд аль-Вакиля Джазема. Распространение жанра очень короткого рассказа. Черты постмодернистской пародии в рассказах Мухаммеда аль-Гарби Амрана. Постмодернистское творчество Ваджди аль-Ахдаля, его рассказы и романы-пародии «Горные челны» и «Философ аль-Карантины». Обращение к средневековой арабской истории в постмодернистской прозе Хинд Хейсам.

Базовая литература:

Суворов М.Н. Художественная проза Йемена (1940 – середина 2000-х годов). СПб., 2010.

Дополнительная литература:

Абдель-Вали Мухаммед Ахмед. Сана – открытый город. М.: Прогресс, 1981.

аль-Ахдаль Ваджди. Страна без Неба // Четки. 2011. 3 (13). С. 71-116.

Даммадж Зейд Мути. Заложник / Ибну Муса Ульд. Город ветров. М.: Библос-консалтинг, 2012.

Исмаилова Ю.А. Абд ал-Азиз ал-Макалих // Писатели Азии и Африки в борьбе за мир и социальный прогресс. Ташкент, 1990. С.192-196.

Суворов М.Н. «Большая» проза Йемена во второй половине первого десятилетия XXI века // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 13. Вып. 4. С. 83-91.

ЛЕКЦИЯ 15. Литература Египта в начале XXI в.

Рост числа публикуемых романов с начала XXI века и новые авторы; многообразие индивидуальных авторских стилей, отсутствие четко выраженных идейно-художественных направлений. Неотрадиционализм и постмодернизм как два взаимодействующих полюса. Возобновление интереса к эпическому, реалистическому повествованию; отход на второй план интроспективного романа и возврат к «роману действия». Возрастание роли разговорного языка в текстах романов. Широкий срез современного египетского общества в романах «Дом Якубяна» Аля аль-Асуани, «Прервемся и увидимся» Мухаммеда аль-Фахрани, «Лебединая песня» Макави Саида, «Разговоры в такси» Халеда аль-Хамиси. Мир людей как мир животных в романе Мухаммеда аль-Махзанги «Животные наших дней». От дневника умирающего человека к роману: любовь к жизни в романе Усамы ад-Динасури «Мой старый пес, мой любимый пес». Продолжение творчества романистов-шестидесятников. Роман «Подглядывание» Сун'аллаха Ибрахима как полотно жизни Египта в 40-е годы. Исторические судьбы Египта в форме приключенческого романа: «Оазис, где заходит солнце» Баха Тахера, историческая и культурологическая подоплека сюжета. Популярность «американской» темы в египетском романе начала XXI века, ее причины. Стремление осмыслить национальную судьбу Египта через взгляд на Америку. Сочетание черт документализма, просветительской «фрихли» и постмодернистской «игры» в романе Сун'аллаха Ибрахима «Американли». Египетская «идентичность» в условиях свободного общества Америки: роман «Чикаго» Аля аль-Асуани. Тема секса в романах «Американли» и «Чикаго» как проявление общей тенденции разрушения табу в современной арабской прозе. Стремление к осмыслению западной цивилизации в эмигрантском романе Гамалы Амри «Наша латинская деревня». Одиночество как цена индивидуальной свободы в эмигрантском романе Мираль ат-Тахави «Бруклинские высоты». Черты постмодернизма в романах Мухаммеда Наги «Утренняя песня», «Арабские макамы» и «Аль-Эфенди». Постмодернистская структура и эстетика «палестинского» романа Саида Нуха «Ангел последнего шанса». Роман Йусуфа Зейдана «Азазель»: гимн индивидуальной свободе в постмодернистском обращении к теме раннего христианства. Роман Мухаммеда ас-Саламави «Крылья бабочки» как предсказание событий «Арабской весны».

Базовая литература:

Приложение к лекции 15.

Дополнительная литература:

- Кирпиченко В.Н. Новые явления в египетском романе начала XXI века // Восхваление: Исааку Моисеевичу Фильштинскому посвящается. М.: ИСАА МГУ, 2008. С. 417-444.
- аль-Асуани Аля. Дом Якобяна. М.: Центр гуманитарного сотрудничества, 2008.
- аль-Асуани Аля. Чикаго. М.: Центр гуманитарного сотрудничества, 2012.

СПбГУ

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРА СТРАН СРЕДНЕГО ВОСТОКА

ЛЕКЦИЯ 16. Индийский стиль в персидской поэзии (XVII – XIX вв.)

Индийский стиль господствовал в центрах персидской литературы в XVII – первой трети XVIII в. Причины появления стиля (политические, религиозные и иные факторы). Расцвет персидской литературы в государстве Великих Моголов. Характеристика индийского стиля: использование тюркской и индийской лексики и диалектных форм, акцент на смысле и содержании, а не на форме стиха, внимание к аллюзии, аллегории и притче в ущерб ритмике стиха и формальному украшению поэтической речи. Главный жанр индийского стиля – газель (с акцентом на смысле и афористичности каждого конкретного байта). Лаконизм поэзии индийского стиля, склонность к абстракции. Сочинения религиозно-эпического и исторического плана. Иранские поэты, писавшие индийским стилем: Калим Кашани (ум.1651) – автор *маснави Зафар-нама* и *дивана* газелей, написанных простым, афористичным языком (его строки часто становились поговорками); блестящий Са'иб Табризи (ум. 1669) – автор самого большого числа газелей в персидской поэзии (музыкальность в сочетании со склонностью к абстракции и сюрреалистической образности (*ма'на-йи бигана*)). Индийские поэты: Амули (ум.1626), автор *касид* и газелей с необычными метафорами; Гани Кашмири (ум. 1668) – автор сложных мистических сочинений, предтеча Икбала. Вершина индийского стиля – творчество суфийского поэта и мыслителя Мирзы 'Абд ал-Кадира Бидила Дихливи (ум.1720), оставившего богатое наследие (в поэзии – газели, *маснави* и *руба'и*). Газели Бидила используются в музыкальной практике афганского и индийского (пакистанского) суфизма. Стиль Бидила: сочетание утонченных мыслей, изощренных фантазий, богатый язык, склонность к парадоксам и абстрактным образам. Мировоззрение Бидила – суфийский поиск (философско-дидактические сочинения *'Ирфан*, *Тилисм-и хайрат*, *Тур-и ма'рифат*, *Чахар унсур* и *Рука'ат*).

Базовая литература:

Пригарина Н.И. Индийский стиль и его место в персидской литературе. – М., 1999.

Тамимдари Ахмад. История персидской литературы. СПб, 2007.

Дополнительная литература:

Алиев Г.Ю. Персоязычная литература Индии. М. 1968.

Бертельс Е.Э. Бидил и его учение об эволюции // Избранные труды в пяти томах. Т.V. – М., 1988. – с.343 – 351.

Бертельс Е.Э. Некоторые замечания о Бидиле // Избранные труды в пяти томах. Т.V. – М.,1988. – с.352 – 362.

Бертельс Е.Э. К вопросу об «индийском стиле» в персидской поэзии // Избранные труды в пяти томах. Т.V. – М.,1988. – с.437 – 440.

Магомеди М.А. К вопросу об индийском стиле в персидской поэзии (на материале Саиба Табризи) // История и традиционная культура народов Востока. Ч.II. М.,1989. – с. 106 – 114.

Ризаев З.Г. Индийский стиль в поэзии на фарси конца XVI – XVII в. Таш., 1971.

ЛЕКЦИЯ 17. Движение «Базгашт» и персидская литература второй половины XVIII – XIX вв.

Эпоха «Возвращения» (*Базгашт*) в персидской поэзии. Полный отказ от индийского стиля и возвращение к хорасанскому стилю (*касида*; представители Саба, Ка'ани, Суруш) и иракскому стилю (газель Фуруги, Нишат, Миджмар). Концепция: новаторство в возвращении. Основной прием: замена слов и оборотов в стихах прошлых веков и изменение благодаря этому формы и содержания «исходника»; подражания; цитирование строк классиков, стремление удивлять читателя абсолютным сходством с классикой. Связь с шахским двором, распространение панегириков. Муштак (ум. 1757) – основатель «Базгашт», 6 тыс. байтов (газель). Хатиф Исфাহани (ум.1783) – суфийские идеи (жанр – таркиббанд). Нишат Исфাহани (ум. 1828) – создатель общества поэтов, канцлер Фатх-‘Али-шаха, автор сборника *Ганджина-йи диван*. Миджмар Исфাহани (ум.1810) – активный член движения Базгашт, придворный поэт. *Касиды*, отражающие исторические события, и газели о любви с суфийским оттенком. Ка'ни Ширази (ум. 1853) – лидер Базгашта, человека трагической судьбы; *касиды*, газели, два *маснави*, проза *Паришан*. Фуруги (ум. 1858) – 25 тыс. байтов в классическом стиле. Следуя за Ка'ни, пытался достичь простоты в выражении чувств и мыслей. Газели Фуруги исполняются как *макамы*. Саба Кашани – ведущий мастер *касиды*. Ягма Джандаки – последний крупный сатирик классической школы. Проза этого периода: *Тазкира-и хазин*, Азар Бидгули; «искусственно-усложненная»: *Дарра-йи Надира*, *Джахангуша-йи Надири* Махди-хана; Садик Нами; *Муджмал ат-таварих*. Стилевая эклектика. Распространение «вычурного» стиля (Абд ар-Раззак Данбали, Абд ал-Ваххаб Нишат). От этого движения отличается Каим-макам Фарахани «Санаи» (ум. 1835) – новатор и мастер лучшей со времен Гулистана прозы, человек, повернувший поэзию к социальным вопросам (сатирические *касиды*, *Джалаир-наме*). Фатх Аллах-хан Шайбани (ум. 1891) – писал в классическом стиле, но на социальные темы и о реальной жизни. Проза – Риза Кули-хан Хидайят, Мухаммад Таки Сипихр. Перевод «1001 ночи» на фарси (Абд ал Латиф Тасуджи).

Базовая литература:

Комиссаров Д.С. (рук. проекта). История персидской литературы 19 – 20 вв. М. 1999.

Дополнительная литература:

Муллоахмедов Мирзо. Литературное направление «Базгашт» («Возвращение») в Иране конца XVIII – начала XIX вв. А/р дисс. на соискание степени д.ф.н. <http://cheloveknauka.com/literaturnoe-napravlenie-bazgasht-vozvrashchenie-v-irane-kontsa-viii-pervoy-pолоviny-xix-v> (там же список работ автора диссертации, включая монографии об отдельных поэтах «Базгашта», на таджикском яз.)

Hanaway, Jr. William L. Bāzgašt-e adabī - “literary return,” a movement for a return to writing poetry in the Qorāsānī and ‘Erāqī styles, which began in the mid-18th century and continued into the 20th century. - <http://www.iranicaonline.org/articles/bazgast-e-adabi-literary-return-a-movement-for-a-return-to-writing-poetry-in-the-korasani-and-eraqi-styles-that-b>

Kubičková V. Qāānī, le poète persan du XIXe siècle, Prague, 1954.

ЛЕКЦИЯ 18. Персидская литература эпохи «Пробуждения» (конец XIX – нач. XX в.).

Участие литературы в социальном движении в эпоху Конституционной революции (1905 – 1911). и «просветительства». Влияние Запада и новое понимание «свободы». Упрощение литературного языка под влиянием развития прессы, типографского дела, всеобщей грамотности, связей с Европой, создания университетов и развития переводов. Манифесты Мирзы Фатх ‘Али Ахунд-зада (Ахундова) (ум. 1878), Мальком-хана (ум. 1908), Мирзы Ага-хана Кирмани (ум.1897): критика классической литературы и панегириков, призыв к реформам во всех сферах жизни, в т.ч. в литературе, выступление за новый жанр (роман и драму), за реформу письменности. Сатирические пьесы – высмеивание взяточничества и пороков чиновничества. Сатирические и просветительские журналы. Зайн ал-Абеди Марагеи: обличительный роман «Путешествие Ибрагим-бека, или Несчастья, терзавшие его». ‘Абд ар-Рахман Наджар-зада Талибов (Талиб-зада, ум.1910): просветительские сочинения. Главные поэты эпохи – Адиб ал-Мамалик, Са‘ид Ашраф (*Насим-и Шимал*), Малик аш-шу‘ара Бахар, Диххуда. Творчество Бахара и Диххуда. Резкие изменения в содержании поэзии: поэзия выходит «на улицу и базар», связана с реальной жизнью. Новые темы: родина, свобода и закон, новая культура и образование, слава современной науке, вопрос женского равноправия, критика традиционной морали, выступления против господства религии. Изменения в языке поэзии (разговорный язык, европейская лексика, неологизмы). Народный романс тасниф (Ариф

Казвини). Возникновение жанра сатирического рассказа-памфлета (Диххода). В 1905 г. – персидский перевод сатирического романа Джеймса Морьера «Хаджи-баба Исфাহани», много раз переиздавался.

Базовая литература:

Комиссаров Д.С., Пригарина Н.И. История персидской литературы XIX - XX веков. М., 1999.

Дополнительная литература:

Гамидов Г. Жизнь и творчество Зейн аль-Абедина Марагаи. А/р . дис.к.ф.н. Ташкент, 1968

Дорри Дж. Персидская сатирическая поэзия. М. 1965.

Касим-заде Ф. С. Очерки по истории азербайджанской литературы XIX века. — Баку, 1962

Рафили М. М.Ф. Ахундов. Баку. 1957

ЛЕКЦИЯ 19. «Новая» персидская поэзия (*ши‘р-и-нау*)

Хронологические рамки: с начала 1920-х годов до настоящего времени. Радикальное изменение поэзии в 1920-х годах, появление «новой поэзии». Первый поэт-реформатор – Нима Йушидж, его стихотворение Афсана («Легенда», 1921) Новаторство во всем: форма, техника, содержание, мелодика, язык, образность. Освобождение персидского стиха от просодии, от формальных ограничений, большая свобода выражения. *Ши‘р-и нимаи* – это свободный стих, написанный в одном из размеров *‘аруза*, но с неравной длиной строк и нечеткой рифмой. Выдающийся поэт Ахмад Шамлу, последователь Нима Йушиджа, автор более 200 поэтических сборников, работал в технике белого стиха (сохранение ритмичности при отсутствии постоянного размера). К новой поэзии относятся и экспериментальные стихи «новой волны», в которых нет ни размера, ни ритма, ни рифмы (отличаются от прозы особой манерой декламации). Темы новой поэзии: лирическая, социально-воспитательная, детская. Отличие современной поэтики от традиционной. Единица поэзии – *банд* (строфа), а не *байт* (двустушие). Главные имена: Нима Йушидж, Парвин Итисами (1920 – 1930-е гг.) Ахмад Шамлу (1940 - 1950-е гг.), Махди Ахаван Салис («невольный» последователь Нима, «мост» между хорасанским стихом и стихом Нима, новый эпический стиль), Фуруг Фаррухзад (лирическая поэтесса, художница и кинорежиссер (1950 - 1960-е гг.), Сухраб Сипихри (1970-е гг.), Надир Надирпур. Поэты, тяготевшие к классической традиции (Симин Бабахани, Ферейдун Мушири)

Базовая литература:

Кляшторина В.Б. Современная персидская поэзия. М., 1962.

Кляшторина В.Б. «Новая поэзия» в Иране. М. 1975.

Комиссаров Д.С., Пригарина Н.И. История персидской литературы XIX - XX веков. М., 1999.

Дополнительная литература:

Дорри Дж. Персидская сатирическая поэзия. М. 1965.

Послание с пути. Переводы Виктора Полещука из персидской поэзии XX века. Ахмад Шамлу, Надер Надерпур, Сохраб Сепехри, Форуг Фаррозад. Киев. 2014.

Современная персидская поэзия. М. 1959.

ЛЕКЦИЯ 20. Персидская проза первой половины XX в.

Становление персидской художественной прозы в начале XX в. Роль переводов европейской литературы. Развитие двух жанров – романа и короткого рассказа (*дастан-и кутах*, новелла). Исторический роман под влиянием французского авантюрного романа, «приправленного» Низами. Трилогия М. Б. Хусрави «Шамс и Тугра» (1910), романы Шайха Мусы Насри, Х. Бади, Р. Сафави, Пуре Кашани, Сан'ати-заде Кирмани, Х. Масрура. Национальный романтизм в духе эпохи, условность, схематизм, идеализация героев прошлого. Социальный роман: критика «грязного города», тема падшей женщины. Противопоставление города и деревни, «развратного горожанина» и невинной крестьянской девушки. «Страшный Тегеран» (1922) М. Мушфика Казими, «Черные дни» (1924) и «Мечь» Аббаса Халили, «Шахрназ» (1926) С. Й. Даулатабади, «Я тоже плакал» (1934) Джахангира Джалили. Наиболее яркий представитель жанра – Мухаммад Мас'уд Дехати, автор мрачных романов «Ночные развлечения» (1932), «В поисках пропитания» (1932), «Прекраснейшее создание» (1934). Беллетристика М. Хеджази («Зиба» 1931 и др.) и Али Дашти («Джаду»). Жанр короткого рассказа и повести. М. 'А. Джамал-зада – основоположник жанра («Были и небылицы», 1921), характеристика его рассказов: сюжетность, типологизация, ирония, разнообразие языковых средств. Садик Хидайат (1903 – 1951) – классик модернистской литературы. Биография Хидайата. Характеристика его ранней прозы: эксперименты с сюжетом, языком, психологической характеристикой персонажей, стилем (от натурализма до сюрреализма). Усложнение формы и содержания в крупной («Слепая сова») и поздней прозе Хидайата: совмещение реальное и нереального пластов, нелинейное повествование, поток сознания, «дебри души». Работы Хидайата в области науки и non-fiction. Всплеск литературной жизни в сороковые годы: вступление в литературу прозаиков «второй волны». Часть авторов следовала за Джамаль-заде (сюжет, реализм), часть – за Хидайатом (модернистские эксперименты,

сюрреализм). Начало творческого пути Садика Чубака (1916 –1998) – сборники натуралистических рассказов о жизни «маленького человека»: «Театр марионеток» (1945), «Обезьянка, у которой умер поводырь» (1950). Увлечение многих писателей коммунистическими идеями (Бузург Алави, автор рассказов, реалистически описывающих пребывание в тюрьме).

Базовая литература:

Дорри Дж. Персидская проза XX в. М. 1998.

Комиссаров Д.С., Пригарина Н.И. История персидской литературы XIX - XX веков. М., 1999.

Дополнительная литература:

Джамаль-заде Мохаммад Али. Всякая всячина. М. 1967.

Джамаль-заде Мохаммад Али. Чудеса в решетке. М. 1989.

Джамаль-заде Мохаммад Али, Шахани Хосроу Тонкабани Феридун. Трое под одной крышей. Рассказы / пер. с перс. М. 1976.

Дорри Дж. Мохаммад Али Джамаль-заде. М. 1983.

Дорри Дж. Персидская сатирическая проза. М. 1972.

Каземи Мортаза Мошфег. Страшный Тегеран (роман) / Пер.с перс. В.Г. Тардова. М. 1960

Кешелава Т. Художественная проза Садека Хедаята. Тбилиси, 1958.

Комиссаров Д.С. Пути развития новой и новейшей персидской литературы. М. 1982.

Комиссаров Д.С. Садек Хедаят. Жизнь и творчество. М., 1967.

Комиссаров Д.С. Садек Хедаят. Жизнь после смерти. М. 2001.

Комиссаров Д.С., Уфимцева Н.М. Саид Нафиси. М. 1984 («Писатели зарубежных стран»).

Кор-Оглы Х. Современная персидская литература. М., 1965.

Розенфельд А.З. Садек Хедаят и иранский фольклор // Востоковедение 17. Л., 1991. С.83-100.

Хедаят Садек. Избранное / Предисл. Д. Комиссарова и А.Розенфельд, пер. с перс. Д. Комиссарова. А. Розенфельд, А. Самедова. М., 1957.

Хедаят Садек. Избранное. М. 1985.

Хедаят Садек. Бродяга Аколь. Избранные произведения. М., 1960.

Хедаят Садек. Избранные произведения / Предисл. А. Е. Бертельса, А. З. Розенфельд, пер. с перс. И.К. Бенедиктова, А. Е. Бертельса, Д.С. Комиссарова, А.З.Розенфельд, А.Р.Самедова. М., 1969.

ЛЕКЦИЯ 21. Персидская проза 1950 – 1970-х годов

Хронологические рамки: от переворота 1953 г. до Исламской революции 1979 г. Период серьезных социальных изменений. Интенсивная литературная жизнь, творчество писателей «второй волны», влияние американского модернизма и французского экзистенциализма. Пятидесятые годы – господство пессимизма и разочарования в литературе, отказ молодых писателей от социального реализма. Эмиграция ряда писателей. Шестидесятые годы: деятельность литературных журналов, создание Ассоциации иранских писателей в 1968 г. Писатели-реалисты: Бехазин (Махмуд И‘тимад-зада): короткие рассказы и роман «Дочь крестьянина» (1951); Бузург Алави: роман «Ее глаза», 1958; Садик Чубак: романы «Тангсир», 1963 (реализм), «Камень терпения» (1966) – роман в технике потока сознания и внутреннего монолога анти-героя; Джалал Ал-и Ахмад: романы «Директор школы» (1958), «Хлеб и перо» (1961), «Проклятие земли» (1966); социальная критика (системы образования в первом романе, аграрной реформы в третьем), оригинальный «эксцентричный» стиль, эссе на общественные темы, путевые записки; Симин Данешвар – жена Джалала Ал-и Ахмада, первая в Иране женщина – писатель (сборники рассказов «Погасший огонь», 1948, «Город, похожий на рай» 1961, роман «Савушун» (1969) об истории персидской семьи в эпоху Второй мировой войны, выдержавший множество переизданий и ставший классикой; А. М. Афгани – роман «из буржуазной жизни» «Муж Аху-ханум» (1961). Гуламхусайн Са‘иди – реалист, драматург и прозаик, с успехом работавший в разных жанрах, противник шахского режима. Писатели-модернисты: Ибрахим Гулистани – сценарист и режиссер, экспериментировал с прозой (применение в прозе техники кино); Таги Мударисси – роман на библейскую тему «Якулия и ее одиночество», 1956; Бахрам Садеги – короткие рассказы и «хидаятовско-кафкианский» роман «Царство небесное» (1961). Ахмад Махмуд – исторические романы; Ирадж Пизишкзад – юмористический роман «Дядюшка Наполеон» (1964). Исмаил Фасих – «Слепое сердце» (1970). Крупный писатель эпохи – Хушанг Гулшири – романы сложной структуры и экспериментальной нарративной техники: «Принц Ихтиджаб» (1968), «Кристин и Малыш» (1971), сборники рассказов «Моя маленькая молельная комната» (1975) и «Последняя овечка пастуха» (1977). Считается первым писателем пост-модернистом Ирана.

Базовая литература:

Дорри Дж. Персидская проза XX в. М. 1998.

Дорри Дж. Современная персидская проза. М. 1992.

Комиссаров Д.С., Пригарина Н.И. История персидской литературы XIX - XX веков. М., 1999.

Дополнительная литература:

- Дидевар М. Недолгое чудо (роман) / Пер. с перс. Д. Комиссарова. М. 1979.
- Дорри Дж. Персидская сатирическая проза. М. 1977.
- Комиссаров Д.С. О современном иранском литературоведении. М. 1980.
- Комиссаров Д.С. Очерки современной персидской прозы. М. 1960.
- Кор-Оглы Х. Современная персидская литература. М., 1965.
- Пезешк-Зод И. Дядюшка Наполеон (роман) / Пер. с перс. Н. Кондыревой и А. Михалева. — М.: Художественная литература: 1981. — 464 с. (Зарубежный роман XX века). 2-е изд. М., 1990.
- Персидские юмористические и сатирические рассказы (М.А. Джамаль-заде, Г. Саэди, Ф. Тонкабони, Х. Шахани и др.). М. 1988.
- Садеки Джамал Мир. Долгая ночь / Пер. с перс. Д. Комиссарова. М. 1976.
- Садеки Джамал Мир. Ветры, возвещающие о переменах / Пер. с перс. Д.С. Комиссарова. Повесть. М. 1989.
- [Саэди Голамхосейн] Мурад Гоухар. Траур в Баяле (роман и рассказы) / Пер. с перс. М. 1975.
- Саэди Голамхосейн. Страх / Пер. с перс. А.М. Михалева. М. 1976. («Современная зарубежная повесть»).
- Сквозь пелену тумана (рассказы иранских писателей). М. 1974.
- Современная иранская новелла (60 – 70 годы) (А. Махмуд, Э. Рахбар, Г. Саэди, Ф. Тонкабони, Х. Шахани, Н. Эбрахими и др.) М. 1980.
- Тонкабони Феридун. Новеллы / Пер. с перс. М. 1979.
- Тугой узел. Новеллы иранских писателей (М. Бехазин, Б. Аляви, М. Дильмагани, Р. Парвизи, К. Иджтимаи, А. Пайанде) / Предисл. А.З. Розенфельд, пер. с перс. З.Н. Ворожейкиной, Н.П. Рычковой, А.З. Розенфельд, Л. П. Смирновой. М. 1968 («Современная восточная новелла»).
- Чубек Садек. Избранное / Пер. с перс. Д. Комиссарова и З. Османовой. М. 1972.
- Чубак Садек. Камень терпения. Роман и рассказы. М., 1981.

ЛЕКЦИЯ 22. Поэзия и проза периода Исламской республики

После кратковременного затишья – всплеск литературной активности, продолжающийся поныне. В этот период написано больше романов и рассказов, чем до этого. Среди тем:

революционная полемика, описание тюрем и пыток, критика шахского режима, опыт ирано-иракской войны. Среди новых стилей: магический реализм. Среди новых жанров: детектив, сентиментальный («женский») роман. Эмиграция писателей – противников революции и их творчество за рубежом (Г. Са‘иди, Р. Барахени, Б. Шу‘лавар). Появление писателей, сторонников революции, пришедших в литературу после революции. Новые романы писателей, начинавших до революции (Махмуд Даулатабади – Келидар (в десяти томах, 1979 – 1984) – эпопея из жизни хорасанской деревни; Исма‘ил Фасих «Сурайя в коме», 1983 – об эмиграции, «Зима шестьдесят второго», 1987 – первый роман об ирано-иракской войне), Гулшири, Мирсадеги, Барахени («Из колодца в колодец», 1983)). Первый роман в стиле магического реализма – «Туба и значение ночи» (1988) Шахрнуш Парсипур. Крупный современный писатель – ‘Аббас Ма‘руфи – «Симфония мертвецов» (1989) написал фрейдистский роман на тему Каина и Авеля, написанный в сложной технике (с разных углов зрения), а также «Год катастроф» и 1992, «Пейкар-и Фархад» (1996) (роман, рассказывающей историю женщины из «Слепой совы» Хидайата «ее глазами»). Джаф‘ар Мударрис Садеги – техника французского «нового романа» («Земля Нигде», 1990 – исследование коллективного бессознательного нации, уходящего корнями в доисламскую эру). Шахрияр Маданипур – автор двух постмодернистских шедевров современной литературы, «Любящее сердце» (1998) и «Любовь и цензура в Иране» (2009). Исторический роман: Хасан Чихилтан, Риза Джулаи, Газала ‘Али-зада («Дом Идриси», 1992). Автобиографический роман Симин Данешвар «Остров смятения» (1992). Зоя Пирзад – выдающийся роман «Я погашу свет», 2001, переведенный на многие языки.

Базовая литература:

Комиссаров Д.С., Пригарина Н.И. История персидской литературы XIX - XX веков. М., 1999.

Дополнительная литература:

Амирхани Реза. Ее Я (роман) / Пер. с перс. А. Андрюшкина. М. 2013.

Байрами Мохаммад Реза. Жертвы заветного сада (роман) / Пер. с перс. А. Андрюшкина. М. 2014.

В ту ночь, когда шел снег. Новеллы иранских писателей. М., 1964. («Современная восточная новелла»).

Иранский калейдоскоп. Современная иранская проза (Дж. Але-Ахмад, С. Бабахани, Х. Гольшири, Г.Тарагги, Дж. Ханеян, Н. Эбрахими) / Под ред. А.С. Андрюшкина. Пер. А. Андрюшкина, Д. Дорри, В. Богданова, В. Васильева, В. Дроздова, Е. Ивановой и др.). СПб, 2005.

Сатрапи Маржан. Персеполис. М. 2013.

Сераджи Махбод. Крыши Тегерана (роман) / Пер. с перс. М. - СПб, 2012.

Современная иранская проза. Антология иранского рассказа. В 2-х кн. СПб, 2010.

ЛЕКЦИЯ 23. Турецкая литература первой половины XX в.

Движение «Новая литература» (1891 – 1901): прогрессистский журнал «Сервет-и фунун»; поэты-декаденты Тевфик Фикрет и Дженаб Шехабеддин, писатели Халит Зия Ушаклигиль (реалист) и Мехмед Рауф (психологическая проза); староосманский язык и ориентация на западную литературу). Движение «Заря будущего», 1909: манифест «Искусство лично и священо» (поэт Ахмет Хашим (1884 – 1933) и прозаик Якуп Кадри (1889 – 1974), отмежевание от предыдущей группы). Пантюристское движение «Национальная литература» (журнал «Гендж Калемлер», радикальное крыло – Зия Гёкалп, Омер Сейфеттин (прозаик и поэт, который считается одним из создателей современного турецкого языка, «очищенного» от арабизмов и фарсизмов), Али Джанип Ёнтеме) – провозглашение националистической ориентации в литературе, внедрение турецкого «национального» стиха (хедже) в поэзии. К движению присоединились Якуп Кадри, Решат Нури Гюнтекин (1889 – 1956), феминистка Халидэ Эдип Адывар (1889 – 1964). Проза первых лет республики стилистически продолжала движение «Национальная литература» (преобладание реализма и национализма, отражение новейшей истории). Крупнейшим турецким национальным писателем стал Р. Нури Гюнтекин. Первая повесть «Старый друг» (1917), наиболее известен роман «Птичка певчая» (1922), романы «Зеленая ночь» (1928), «Листопад» (1930), пьесы, всего более ста книг (реалистическое изображение жизни людей разных классов, турецкой провинции; ясный стиль, внимание к деталям). Пеями Сафа (писатель консервативного направления; в романистике реалистические черты соседствуют с элементами модернизма; романы «Девятая инородная камера», 1930 и «Фатих Харбие», 1931). Якуп Кадри – роман «Чужак», 1932, на основе которого развились как реалистический роман, так и «деревенская проза» более позднего периода. Сабахаттин Али (1906 – 1948) – его биография, рассказы (сборники «Мельница», «Арба», «Голос», «Стеклянный дворец», 1947) и романы («Юсуф из Куюджака», 1937, «Дьявол внутри нас», 1940, «Мадонна в меховом пальто», 1943). Жанр короткого рассказа: Саит Фаик Абасыянык (1906 – 1954). Сборники: «Самовар» (1936), «Водоем» (1939), «Лишний человек» (1948), «Кофейня в квартале» (1950): реализм, резкое, но гуманистическое изображение жизни бедняков, внутренний мир «маленького человека». Неджип Фазыл Кысакюрек. Основные произведения, влияние на современную литературу. Поэзия: Назым Хикмет, человек легендарной судьбы, который революционизировал турецкую поэтику. Выдающиеся поэты-реформаторы Орхан

Вели Каньк, Джевдет Мелих и Октай Рыфат: в сороковых годах выступили с манифестом обновления («Странное», 1942), создав группу «Треножник»; как и у Хикмета – социальные мотивы в содержании. Другие поэты (Ахмет Хамди Танпынар, Зия Осман Саба, Кемалеттин Каму, Ахмет Мухип Дранас) работали в стиле *хедже*.

Базовая литература:

Меликли Т.Д. История литературы Турции. М. 2010.

Дополнительная литература:

Айзенштейн Н.А. Из истории турецкого реализма. Заметки о турецкой прозе (70-е годы XIX в. — 30-е годы XX в.). М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1968.

Андай Мелих Джевдет. Обреченные (роман) / Пер. с тур. М. 1970.

Гюнтекин Решад Нури. Клеймо. Листопад. Мельница (романы) / Пер. с тур. М. 1969.

Гюнтекин Решад Нури. Королек - птичка певчая (роман) / Пер. с тур. М. 2011.

Гюнтекин Решад Нури. Листопад (роман) / Пер. с тур. Ю. Аверьянова. М. 2008.

Гюнтекин Решад Нури. Зеленая ночь (роман) / Пер. с тур. М. 1963 («Проза зарубежного Востока»).

Гюрсель Недим. Любовь после полудня (сборник рассказов) / Пер. с тур. М. 2010.

Киреев Н.Г. Сабхаттин Али. М. 1957.

Сабахаттин Али. Дьявол внутри нас / Пер. с тур. М. 1955.

Сабахаттин Али. Избранное / Пер. с тур. М. 1990.

Сабахаттин Али. Мадонна в меховом мантио / Пер. с тур. М. 2013.

Сабахаттин Али. Юсуф из Куюджака / Пер. с тур. Ташкент, 1958.

Сверчевская А. К. Известный и неизвестный Назым Хикмет. Материалы к биографии. М., 2001.

Утургаури С.Н. Роман в современной литературе Турции // Современные литературы стран Азии и Африки. Типологические признаки национальных и межнациональных литературных систем. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1968.

Фиш Радий. Назым Хикмет. М. 1968 (ЖЗЛ)

Хикмет Назым. Жизнь прекрасна, братец мой / Пер. с тур. А. Аврутиной. М. 2013.

Хикмет Назым. Избранное в двух томах / Пер. Н. Горской, Р. Рождественского, Д. Самойлова. М., 1987.

Хикмет Назым. Романтика (роман) / Пер. с тур. М. 1964.

ЛЕКЦИЯ 24. Турецкая литература второй половины XX в (1950 – 1980-е гг)

«Деревенская проза». Писатели – выпускники сельских институтов Махмут Макал («Наша деревня»), Факир Байкурт («Месть змей»), Юсуф Зия Бахандынлы («Сель обрушился на Гюлледже»), Кемаль Тахир («Люди с озера», 1955), Орхан Кемаль. Писатель левых убеждений, курд Яшар Кемаль (романы «Жестянка», 1955, «Тоший Мемед» (в двух томах) о неравной борьбе анатолийских крестьян за свои права), «Опора» (1960), «Земля — железная, небо — медное» (1963), «Эфе из Чапырджы» (1972), «Легенда горы» (1970), «Разбойник» (1972), «Если убить змею» (1976) и др. Номинировался на Нобелевскую премию за эпический характер романа «Тоший Мемед» (переведен на 40 языков). Сатирическое направление – Азис Несин, Музаффер Изгю, Рыфат Ылгаз. Вне деревенского и реалистического направлений – Онат Кутлар – сюрреалистический сборник рассказов «Ысхак», 1959; Ахмет Хамди Танпынар (романы «Покой», 1949, «Институт по настройке часов» (1962) (оба романа драматизируют столкновение Востока и Запада в современном турецком обществе и культуре), «За сценой», 1973, «Мелодия махур, 1975, эстетские стихи, эссе. Крупнейший современный писатель-модернист Огуз Атай (1934–1977), предтеча турецкого постмодернизма. Его двухтомный роман «Проигравшие» (1971–1972) многие считают крупнейшим произведением турецкой прозы XX в. Другие произведения – «Опасные игры», 1973, «Жизнь ученого: Мустафа Инан», 1975, «В ожидании ужаса» (книга рассказов, 1975). Писательница Адалет Агаоглу (драма, крупная и малая проза). Абстрактная поэзия «Второго нового» движения (Эдип Чансевер, Джемаль Сюрейя, Эдже Айхан, Сазай Каракоддж, Илхан Берк носила черты постмодернистской поэзии (неожиданный язык, ассоциации, юмор). Ысмет Озель – суфийская поэзия.

Базовая литература:

Меликли Т.Д. История литературы Турции. М. 2010.

Дополнительная литература:

Байкурт Факир. Избранное (роман «Курпатка» и рассказы) / Пер. с тур. А. Ибрагимова, Т. Меликова, М. Пастер. – М. 1987.

Кемаль Яшар. Легенда горы. Если убить змею. Разбойник. Рассказы. Очерки / Пер. с тур. М. 1983 («Мастера современной прозы»).

Меликли Тофик. Назым Хикмет в Москве (1951 – 1963 гг.) // Дружба народов. 2010. – №7.
<http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/7/me18.html>

Несин Азиз. Король футбола (роман) / Пер. с тур. А. Сверчевской, В. Феоновой. М. 1972 («Зарубежный роман XX века»).

Орхан Кемаль. Брошенная в бездну (роман) / Пер. с тур. М. 1992.

Орхан Кемаль. Мошенник. Муртаза. Семьдесят вторая камера. Рассказы / Пер. с тур. В. Лебедева, Л. Медведко, И. Печенева, С. Утургаури, Р.Фиша. М. 1975 («Мастера современной прозы»).

Стеклянный дворец. Новеллы турецких писателей. М. 1964. («Современная восточная новелла»).

ЛЕКЦИЯ 25. Современная турецкая литература

Ведущий современный писатель – Зюльфю Ливанели, автор множества книг прозы и стихов, интеллектуал, композитор, кинорежиссер и политический деятель (реалистические романы Bliss, «Серенада для Надии», «Дом Лейлы», «История моего брата» переведены на много языков, увенчаны наградами). Наиболее известным современным писателем Турции является обладатель Нобелевской премии постмодернистский писатель Орхан Памук («Белый дворец», «Черная книга», «Мое имя – Красный», «Музей невинности», «Снег» и др.) Хасан Али Топташ – «постмодернистский модернист», «Кафка турецкой литературы» (рассказы и роман Bin Hüzünlü Naz, всего десять книг) Феномен турецкой женской прозы, восходящей к Халиде Эдиб. Перихан Магден – писательница-постмодернист, автор интересны романов «Убийства посыльного», 1991, «Две девочки», 2002, «Али и Рамазан», 2010. Латифе Текин, еще одна постмодернистка, дебютировала романом «Моя дорогая бесстыжая смерть, 1983», стилистикой близким магическому реализму. Другие ее романы – «Макулатурные истории Берчи Кристина», 1984, «Ночная школа», 1986, «Ледяные клинки», 1989 и др. Букет Узунер: автор романов-бестселлеров («Две зеленые выдры, их матери, их отцы, их любовники, и остальные», 1991, «Звук рыбьих шагов» ,1993, «Средиземноморский вальс», 1997, «Длинное белое облако Галиполи», 2001, «Стамбульцы», 2007), коротких рассказов и рассказов о путешествиях. Элиф Шафак: романы на историческую тему, связанные с суфизмом. Алев Алатлы – романы-бестселлеры «Да здравствует смерть!» 1992, Nuke Turkey, 1993, «Ты отдал меня на растерзание волкам», 1993 и «Окей, Мустафа, твоя Турция готова», 1994, цикл романов о России «По следам Гоголя». Айше Кулин: романы «Последний поезд в Стамбул», 2002, «Лицом к лицу», 2005, «Прощание», 2008, Айфер Тунч «Девушка с обложки» и др.

Базовая литература:

Меликли Т.Д. История литературы Турции. М. 2010.

Дополнительная литература:

Карасу Бильге. Сад умерших котов / Пер. с тур. А. Аврутиной. СПб, 2010.

Мазинани Мохаммад-Казем. Осень в поезде (роман) / Пер. А. Андрюшкина // Иностранная литература. 2010. – №5. <http://magazines.russ.ru/inostran/2010/5/mu7.html>

Мазинани Мохаммад-Казем. Последний падишах (роман) / Пер. А. Андрюшкина // Иностранная литература. 2012. – №9.

Памук Орхан. Дом тишины (роман) / Пер. с тур. СПб, 2007.

Памук Орхан. Другие цвета (сборник) / Пер. с тур. СПб, 2009.

Памук Орхан. Имя мне – Красный (роман) / Пер.с тур. М. Шарова. СПб, 2011.

Памук Орхан. Музей невинности (роман) / Пер. с тур. А. Аврутиной. СПб, 2009.

Памук Орхан Новая жизнь (роман) / Пер. с тур. А. Аврутиной. СПб, 2009.

Памук Орхан. Снег (роман) / Пер. с тур. А. Аврутиной. СПб, 2006.

Памук Орхан. Черная книга (роман) / Пер. с тур. СПб, 2007.

Шафак Элиф. Сорок правил любви / Пер. Людмилы Володарской. М.: Иностранка: Азбука-Аттикус, 2012

Шафак Элиф. Честь / Пер. Екатерины Большелаповой. М.: Круг чтения: Азбука, 2014

ЛЕКЦИЯ 26. Мусульманская литература Индии XIX в.

Распад империи Моголов и превращение страны в колонию Британской империи. Пессимизм – основной мотив поэзии на урду (Мир Дард, Мирза Сауда, Мир Таки (газели, книга «Дракон»), Мир Хасан (автор *маснави*). Поэт Назир Акбарабади (1735 – 1830) – автор 600 газелей, популярных *назмов* и сатирической поэмы *Banjaramata*. Кризис придворной поэзии при дворах мусульманских правителей отдельных княжеств (панегирики, эротическая поэзия (Рангин)). Лакхнаусская школа (Насим, Мир Анис, Мирза Дабир. Поэзия Мирзы Галиба (1797 – 1869) – вершина поэзии на урду XIX в. Суфийская лирика («стихи о Любви») высшей пробы, ставшая классикой. Значительное тематическое расширение газели (от философских размышлений до социальных тем). Персидское наследие Галиба. Эпистолярное наследие Галиба – основа современной прозы на урду. Другие поэты эпохи: Заук и Момин. Ученик Галиба – Алтаф Хусайн Хали (в поэзии – назм, рубай, марсия, главное произведение – поэма на социальную тему *Мусаддас-и Хали*)), в прозе – тракта о поэзии, биографии поэтов. В 1840 – 1850-е гг. – начало просветительского этапа. Прозаические переводы и переделки, опора на дастанную традицию и народный язык. Развитие публицистики. Освоение мирового культурного наследия, появление романа – главной прозаической формы на урду (Назир Ахмад, Р. Саршар, А.Х. Шарар, Мирза Русва. Алигархское движение, просветительство как мусульманское реформаторство (Саид Ахмад-хан). Назир Ахмад «Депутат» Дехлеви (1830 – 1912) – «пионер» романа на урду. («Зеркало невесты» *Мират ал-арус*, 1868/1869 – первый

роман на урду, в защиту образования женщин, очень популярный; второй роман – «Дочь Большой Медведицы»). Исторический «мусульманский» роман: «Малик ул-Азиз и Варджана» (1988), «Хасан и Анджелика» (1889) А.Х. Шарара. Поэзия М.Х. Азада. Первый «настоящий» роман урду – «Умрао-джан Ада» (1899) Мирзы Мухаммад-Хади Русва, и его же «Ахтари Бегум». Личность Мирзы Русвы. Поэзия – Браджд Нараян Чакбаст.

Базовая литература:

Глебов Н., Сухочев А. Литература урду. М. 1967.

Дополнительная литература:

Мирза Галиб. Лирика. М. 1969.

Мирза Галиб – великий поэт Востока. Сборник статей. М. 1972.

Пригарина Н.И. Мирза Галиб. М., 1986.

ЛЕКЦИЯ 27. Мусульманская литература Индии первой пол. XX в.

Мухаммад Икбал (1877 - 1938) (Аллама Икбал, Икбал Лахури) – мусульманский философ, поэт и политический деятель, вдохновитель идеи создания Пакистана, одна из важнейших фигур в литературе урду. Выдающийся поэт (писал на урду и фарси). Огромная популярность в Пакистане, Афганистане и Иране, где он считается «Поэтом Востока». Первый поэтический сборник (*Асрари-и худи*), на фарси в 1915 году; другие книги стихов: *Румуз-и бехуди*, *Пайам-и маирика*, *Забур-и Аджам*. Работы Икбала на урду: *Банг-и дара*, *Вал-и Джибрил*, *Зарб-и Калим*. Политическая деятельность Икбала. Философские взгляды Икбала, их отражение в поэзии. Другое направление двадцатого века – лефтистское, социалистическое. Хасрат Мохани, Джош Маликхабади. Премчанд (Дханпатрай Шривастав 1880 -1936) – крупнейший автор хиндустани этого периода, «император среди романистов». Социально-реалистический и социально-психологический роман (романы выходили, как правило в двух версиях, на хинди и на урду) *Jalwa-e-Isar* (1912), *Bazaar-e-Husn* (1924), *Chaugan-e-Hasti* (1924), *Nirmala*(1925), *Bewa* (1927), *Gaban* (1928), *Maidan-e-Amal* (1932), *Godaan* (1936). Кришан Чандар, Саадат Хасан Манто (блестящий мастер короткого рассказа и очерка, сценарист и драматург) Р.С. Беди, Ходжа Ахмад Аббас, А.Н. Касми – писатели направления критического реализма (социальность превыше всего).

Новаторская поэзия А.С. Джафри, М. Мохиуддина, Файза Ахмада Файза.

Базовая литература:

Глебов Н., Сухочев А. Литература урду. М. 1967.

Дополнительная литература:

Индийские и пакистанские рассказы (Х.А. Аббас, М.Р. Ананд, Б. Бхаттачария, А.С. Джафри, К. Чандар) / Пер. В.Быковой. М. 1954.

Мухаммад Икбал. Избранное. М. 1981.

Мухаммад Икбал. Реконструкция религиозной мысли в исламе. М. 2002.

Премчанд. Змеиный камень. Рассказы. М. 1957.

Премчанд. Избранное. М. 1979.

Премчанд. Избранное. М. 1989.

Пречанд. Растрата. М. 1961.

Пригарина Н.И. Поэтика творчества Мухаммада Икбала. М. 1978.

Пригарина Н.И. Творчество Мухаммада Икбала. М. 1982.

Русва Хади Мирза. Танцовщица. М. 2005.

Сухочев А. Кришан Чандар. М. 1983.

Ходжа Ахмад Аббас. Сын Индии. М. 1956.

Чандар Кришан. Когда пробудились поля. Чинары моих воспоминаний. Рассказы. М. 1972.

Чандар Кришан. Мать ветров. М., 1957.

ЛЕКЦИЯ 28. Литература Пакистана и современная индийская литература на урду

Связь литературы Пакистана с литературой Индии до Раздела субконтинента, с современной литературой Индии и литературой других мусульманских государств. Связь с литературой урду. На каких языках создается литература Пакистана. Са‘дат Хасан Манто – крупнейший писатель первых лет независимого Пакистана (сборники рассказов, журналистика, сценарии). Отражение трагедии Раздела в романах ‘Абд Аллаха Хусайна и Курат ул-‘Айн Хайдар. Важнейшие романы следующих лет: Дом» Пайгама Афаки (1989); второй роман Paleeta, 2011; «Два гяза земли», 1990 ‘Абд ас-Самада (тема – дезинтеграции семьи в условиях Раздела) и «Вода» Газанфера. Сложный по языку и структуре роман «Дом» (рассказывает об отчаянной борьбе женщины за дом, который у нее хотят отобрать) оказал влияние на ведущего англоязычного писателя Индии Викрама Сетха. Романы Andhere Pag Сарват Кхан, *Numberdar Ka Neela* С.М. Ашрафа, *Fire Area* Ильяса Ахмеда Гадди. Рехман Аббас - ведущий постмодернистский автор, пишущий на урду, в Индии. Пакистан: поэт Ибн-и Инша (также писал юмористическую прозу и путевые заметки). Кудратулла Шахаб и Мумтаз Муфти – писатели, начинавшие как реалисты, затем обратившиеся к суфизму. Наиболее популярны их

автобиографии. Васиф Али Васиф – писатель, поэт, суфийский мыслитель, автор сверхпопулярного сборника афоризмов *Kiran Kiran Suraj*. Ашфак Ахмад – писатель, сценарист, журналист. Фатима Алтаф, роман «Не стучите». Авторитетная писательница Бану Кудсия. Символизм и реализм ее романа «Царь грифов» (Raja Gidh, 1981). Современная литература: Идрис Азад – писатель и интеллектуал, автор романов. Мирза Ахтар Бег – романы «Сад гулямов», 2006 и «От нуля до единицы», 2010. Новое поколение: Первез Билграми – рассказы и миниатюры, романы массовых жанров. Умера Ахмад – Peer-I Kamil, 2004. С 1980 развивается пакистанская литература на английском языке: Аламгир Хашми, Бапси Сидхва, Камила Шамси, Надим Аслам, Узма Асад Хан, Мушарраф Али Фаруки, Мохсин Хамид, Асад Шаббир. Джамил Ахмад – роман/сборник рассказов о пуштунах и пуштунвали *The Wandering Falcon*, 2011 («лучшая книга Южной Азии за десятилетия»), на англ.

Базовая литература:

Глебов Н., Сухочев А. Литература урду. М. 1967.

Дополнительная литература:

Браслеты. Новеллы пуштунских писателей Западного Пакистана. М. 1967. («Современная восточная новелла»).

Васильева Л.А. Фаиз Ахмад Фаиз. Жизнь и творчество. М.: Институт востоковедения, 2002
Из современной пакистанской поэзии (Ахмад Надим Касми, Дж. Малихабади, Амир Хамза Шинвари). М. 1973.

Касми Ахмад Надим. Багряные цветы. Стихи. М. 1966.

Рассказы пакистанских писателей (Г. Аббас, М. Адиб, И. Джалис, А. Н. Касми, С.Х. Манто). М. 1988.

Рассказы писателей Пакистана. М. 1965.

Сиддики Шаукат. Божий поселок (роман)/ Пер. с урду. М. 1965.

Сидхва Бабси. Огнепоклонники. М. 1988

Файз Ахмад Файз. Избранное (поэзия и публицистика). М.1977.

ЛЕКЦИЯ 29. Литература Афганистана (XVII – XX в.)

Первые писатели пашто XVI – XVII в. – Баязид Ансари, Ахунд Дарвеза. Возникновение поэзии на пашто (с использованием персидского аруза и персидских жанровых форм) – Давлат Леванай. Творчество Хушхал-хана Хаттака, классика литературы пашто. Поэты-лирики, суфии ‘Абд ар-Рахман Моманд (ум. 1708) и ‘Абд ал-Хамид Моманд (ум. 1732). Проза Афзаля Хаттака

(*Тарих-и мурасса*). Поэзия Ахмад-шаха. В персидской поэзии Афганистана в этот и последующий период преобладает индийский стиль, поэты находятся под неослабевающим влиянием Бидила. На арабском и персидском языках писали религиозные мыслители Мийан Факир Аллах Джалалабади (два суфийских трактата и эпистолярное наследие) и Шайх Са'д ад-Дин Ансари Кабули (тафсир Корана, маснави в духе Руми, поэтический диван). Поэты конца XVIII – начала XIX в.: Аиша Дуррани, М. Риза Барнабади, Мир Хутак Афган. Хазика Харави (диван газелей и поэма «Юсуф и Зулайха»). Как и в Иране, стихи писали представители правящей династии: сардар Михрдил Машрики, сардар Гулам Мухаммад Тарзи и его сын М. Амин Андалиб (прожил 20 лет, оставил диван). Мирза М. Наби Васил – крупнейший кабульский поэт конца XIX в., писал в иракском стиле. С конца XIX в. – эпоха просветительства, типографии, газеты, школы, литографские, а затем печатные книги – история, автобиографии, сафарнама. Сочинения Джамал-ад-Дин Афгани, *Сирадж ат-Таварих* Файз-Мухаммада. Изменение содержание газели у поэтов (наполнение газели просветительским содержанием ('Абд ал-'Али Мустагани). Деятельность Махмуда Тарзи, литературные журналы младоафганской эпохи. Ведущие поэты 1920-1930-х годов – Паришан ('Абд ал-Хади Дави), переводчик Икбала, Кари 'Абд Аллах и Суфи 'Абд ал-Хакк Битаб. Усиление позиций пашто с 1930-х годов (создание Академии пашто). Первые образцы художественной прозы на пашто: Саид Рахан Захейли, М. Рафик Кани («Два любящих брата», 1939), Б. Кушкеки («Скрытая любовь», 1939). Творчество Гуль Пача Ульфата (1909 – 1977) – поэзия и проза на пашто. Творчество Абд ар-Рауфа Бенава (1913 – 1985) – «Горестные размышления», «Задумчивые беседы», 1966. Нур Мухаммад Тараки «Скитания Банга», 1958, «Спин», 1958). Проза дари: Гул Мухаммад Жвандай, Азам Рахнавард Зарьяб. Эмигрант Атик Рахими пишет романы и на дари («Земля и зола», 2000, «Тысячи домов, объятых сном и страхом», 2002, «Мысленное возвращение», 2006) , и на французском (*Syngué Sabour*, 2008). Эмигрантская проза Халида Хусайни.

Базовая литература:

Гирс Г. Ф. Современная художественная проза на пушту в Афганистане. 1958.

Дополнительная литература:

Заколдованный город. Новеллы афганских писателей (М.А.Рахнавард Зарьяб, М.М.Сиддик Фарханг, С. Ихсанулла Хейр, А. Бахтанай, А. Хабиб, А. Усман, А. Сахи Фархад, Дж. Ваджди, К. Мисак, Д. Губар, Р. Бахтари) / Предисл. Н. Дворянкова. Пер. с пушту и дари Н. Дворянкова, В. Кушева, Г. Лебедевой, Н. Рычковой, Ю. Штундера. М., 1972. («Современная восточная новелла»).

Снег идет. Новеллы афганских писателей / Пер. с дари и пушту. М. 1964.

Тараки Нур Мухаммад. Повести / Пер. с пушту З.калининой, К. Лебедева, Л. Яцевич. М. 1987.

ЛЕКЦИЯ 30. Литература Средней Азии (к. XIX – XX вв.)

Просветительский период, движение джадидов, их деятельность. Пьесы и проза джадидов (М. Бехбуди, А. Фитрат, А. Кадыри, Хамза). Первые просветители Казахстана – Абай, Ибрай Алтынсарин. Просветительский реализм: А. Кадыри, Хамза Хаким-зада, С. Торайгыров («Красавица Камар», 1914, роман в стихах «Кто виноват», 1915), Б. Майлин «Памятник Шуги», 1915. Социалистический реализм, романы из жизни трудящихся, рисующие борьбу с вековым угнетением и «феодалными пережитками». Узбекистан: Гафур Гулям, Абдулла Каххар, Мирмухсин Мирсаидов, поэт Хамид Алимджан, драматург Яшин Нугманов. Таджикистан. Основоположники национальной литературы: персидский поэт-эмигрант Лахути, Садриддин Айни («Одина», «Смерть ростовщика», Дохунда», «Рабы», «Сирота», «поэма «Война человека с водой», «Воспоминания»), Пайрау Сулаймани. Особенность советской таджикской литературы: соцреалистические темы решались в стиле, напоминающем народные сказания, *маснави* или *касиды*. Преобладающим жанром оставалась поэзия (поэмы Миршакара, Рахими, Юсуфи Хабиба и Мирзо Турсун-Заде. Таджикская поэзия семидесятых – восьмидесятых годов (М. Каноат, Б. Собир, Лоик Шерали). Туркмения: поэты Молла Мурт, Дурды Агамамедов, Беки Сейтаков, прозаики Агахан Дурдыев и Берды Кербабоев. Казахстан: писатели-новаторы двадцатых годов Сакен Сейфуллин, Ильяс Джансугуров, Сабит Муканов, Беимбет Майлин. Рассказы и «Путь Абая» Мухтара Ауэзова. Исторический роман семидесятых-восьмидесятых годов Творчество Олжаса Сулейменова. Кыргызстан. Творчество Чингиза Айтматова. Основные тенденции развития национальных литератур в постсоветский период.

Дополнительная литература:

Айни Садриддин. Воспоминания. М. 1960.

Айни Садриддин. Собрание сочинений в 6 томах. М. 1975.

Айтматов Ч. Избранные произведения. Фрунзе, 1974.

Айтматов Ч. Собрание сочинений в трех томах. М. 1982 – 1984.

Ауэзов Мухтар. Путь Абая. В 2-х томах. Алма-Ата, 1978; М., 1982, М., 1987 и др. изд.

Ауэзов Мухтар. Племя младое. Алма-Ата, 1979.

Гафур Гулям. Стихотворения и поэмы. М. 1981.

Джансугуров Ильяс, Сейфуллин Сакен. Стихотворения и поэмы. Л., 1973.

- Кадыри Абдулла. Минувшие дни. М. 1926.
- Кадыри Абдулла. Скорпион из алтаря. М. 1965.
- Каххар Абдулла. Птичка-невиличка. М. 1965.
- Кербабаев Берды. Капля воды – крупица золота. Роман. М. 1972.
- Кербабаев Берды. Чудом рожденный. М. 1967.
- Книга жизни Садриддина Айни. Душанбе, 1978.
- Лахути. Стихотворения и поэмы. Л., 1981.
- Сейфуллин Сакен. Избранное. М., 1987.
- Сулейменов Олжас. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975; М. 2005.
- Сулейменов Олжас. Определение берега. Алма-Ата, 1976.
- Хамза Хакимзаде Ниязи. Избранные произведения. Л., 1970.

ЛИТЕРАТУРА

Литература к Разделу I

- 19 египетских рассказов. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.
- Абдель-Вали Мухаммед Ахмед. Сана – открытый город. М.: Прогресс, 1981.
- Аввад Тауфик Юсеф. Бейрутские мельницы. М.: Прогресс, 1978.
- Айюб Зу-н-Нун. Дело Маджида Рахима. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
- Акбарова М.Х. Сирийский рассказ. Становление и пути развития. Ташкент: Изд-во «ФАН» УССР, 1975.
- Али-заде Э.А. История литературы Сирии XIX – XX веков. М.: Восточная литература, 2007.
- Ализаде Э.А., Асадуллин Ф.А., Прожогина С.В., Юнусов К.О. Литература Туниса. М.: Наука, 1993.
- Али-заде Э.А. Египетская новелла. М.: Наука, 1974.
- Али-заде Э.А. Махмуд Теймур. М.: Наука, 1983.
- аль-Али Мухаммед Ибрагим. Произвол. М.: Военное издательство, 1988.
- аль-Али Мухаммед Ибрагим. Утренняя звезда. М.: Военное издательство, 1985.
- Асадуллин Ф.А. Очерк истории ливийской литературы XIX – XX вв. М.: Наука, 1993.
- аль-Асуани Аля. Дом Якобяна. М.: Центр гуманитарного сотрудничества, 2008.
- аль-Асуани Аля. Чикаго. М.: Центр гуманитарного сотрудничества, 2012.
- аль-Ахдаль Ваджди. Страна без Неба // Четки. 2011. 3 (13). С. 71-116.
- аль-Баяти Абд аль-Ваххаб. Зеленая луна. Стихи. М.: Изд-во восточной литературы, 1963.
- аль-Баяти Абд аль-Ваххаб. Путь свободы. Стихи. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962.
- аль-Баяти Абд аль-Ваххаб. Стихи в изгнании. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
- Богари Х.М. Под сенью святынь. М.: Институт востоковедения РАН, 2006.
- Власова О.А., Дербисалиев А.Б., Прожогина С.В. Литература Марокко. М.: Наука, 1993.
- аль-Гитани Гамаль. Аз-Зейни Баракят. М.: Радуга, 1986.
- Демкина О.Н., Прожогина С.В. Литература Алжира. М.: Наука, 1993.
- За дюнами. Антология современной саудовской литературы. М.: «Восточная литература» РАН, 2009.
- аз-Зайат Латифа. Открытая дверь. М., 1964.
- аль-Зооби Кафа. Вернись домой, Халиль. М.: Библос консалтинг, 2009.

аль-Кавакиби Абд ар-Рахман. Природа деспотизма и гибельность порабощения. М.: Наука, 1964.

аль-Касем Набих. О жизнь! СПб: Фонд восточных культур, 2001.

аль-Куайид Мухаммед Юсуф. Происшествие на хуторе аль-Миниси. М.: Художественная литература, 1983.

аль-Куни Ибрагим. Бесы пустыни. М.: Библос консалтинг, 2010.

аль-Куни Ибрагим. Глоток крови. М., 1988.

аль-Хаким Тауфик. Биобиблиографический указатель. Сост. К.О. Юнусов. М.: Книга, 1968.

аль-Хаким Тауфик. Избранное. М.: Академия поэзии «Московский писатель», 1998.

аль-Хаким Тауфик. Лотерея. Рассказы и драматические сценки. М.: Наука, 1983.

аль-Хаким Тауфик. Пьесы. М.: Искусство, 1979.

аль-Хамиси. Мятёжная надежда. М.: Прогресс, 1982.

Арабская проза. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.

Арабская романтическая проза XIX-XX вв. Л.: Художественная литература, 1981.

Араслы Э.Г. Джирджи Зейдан и арабский исторический роман. М.: Наука, 1967.

ар-Ракии Абд аль-Кадер. Ливийские стихи. М.: Прогресс, 1964.

ар-Рейхани Амин. Избранное. Л.: Художественная литература, 1988.

ас-Сибай Юсуф. Водонос умер. Ташкент, 1968.

ас-Сибай Юсуф. Земля лицемерия. М., 1973.

ас-Сибай Юсуф. Мы не сеём колючек. М.: Прогресс, 1973.

ат-Тахтави Рифаа Рафи. Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже. М.: Наука, 2009.

Ашихмина Н.П. Гассан Канафани // Писатели Азии и Африки в борьбе за мир и социальный прогресс. Ташкент, 1990. С.209-212.

Ашихмина Н.П. Некоторые особенности развития палестинской литературы // Востоковедение. Научные труды. Вып. 456. Ташкент, 1973. С. 68-73.

Ашихмина Н.П. Палестинская проблема в рассказах сборника «Печальная земля апельсинов» Гассана Канафани // Востоковедение. Научные труды. Вып. 456. Ташкент, 1973. С. 74-79.

аш-Шаркави Абд ар-Рахман. Феллах. М.: Прогресс, 1973.

Барабаны пустыни. Современная ливийская новелла. М.: Радуга, 1985.

Бахшалиева Г.Б. Абд ас-Салам аль-Уджейли: очерк жизни и творчества. Баку: ЭЛМ, 1989.

Бенхедуга Абельхамид. Избранные произведения. М.: Радуга, 1987.

Борисов В.М. Современная египетская проза. М.: Издательство АН СССР, 1961.

Бсису Муин. Визитная карточка. М.: Нвука, 1974.

- В моем городе идет дождь. Новеллы писателей Сирии, Ливана, Иордании. М.: Наука, 1966.
- Ваттар ат-Тахир. Туз. Землетрясение. М.: Прогресс, 1980.
- Ваттар ат-Тахир. Туз. Любовь и смерть в смутное время. М.: Радуга, 1984.
- Ветвь оливы. Арабская поэзия XX века. Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1970.
- Ветры залива. Рассказы. М.: Радуга, 1983.
- Ганиханова Е.Э. Махмуд Дервиш // Писатели Азии и Африки в борьбе за мир и социальный прогресс. Ташкент, 1990. С.205-208.
- Герасимов И.В. История публицистики Судана. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2011.
- Горсть родной земли. Современная палестинская новелла. М.: Прогресс, 1981.
- Даманхури Х. Любовь и долг. М.: Прогресс, 1966.
- Даммадж Зейд Мути. Заложник / Ибну Муса Ульд. Город ветров. М.: Библос-консалтинг, 2012.
- Дервиш Махмуд. Птица изгнания. Избранные произведения. М.: Радуга, 1987.
- Десять лет и одна ночь. Современная тунисская проза. М.: Радуга, 1989.
- Джабарти А. Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776-1798). М.: Изд-во восточной литературы, 1978.
- Джабарти А. Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798-1801). М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
- Джабарти А. Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий. Египет под властью Мухаммеда Али (1806-1821). М.: Изд-во восточной литературы, 1963.
- Джебран Халиль Джебран. Избранное. Л.: Художественная литература, 1986.
- Джебран Халиль Джебран. Слеза и улыбка. Избранное. М.: Художественная литература, 1976.
- Джебран Халиль Джебран. Сломанные крылья. Избранные произведения. М.: Гослитиздат, 1962.
- Джебран Халиль Джебран. Странник. Притчи и речения. М.: Сфера, 2002.
- Долинина А.А. Очерки истории арабской литературы нового времени (Египет и Сирия). Просветительский роман 1870-1914. М.: Наука, 1973.
- Долинина А.А. Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. Публицистика 1870-1914. М.: Наука, 1968.
- Дорогая наша земля. Новеллы писателей Марокко, Туниса, Ливии. М.: Главная редакция восточной литературы, 1967.
- Еще одна попытка выжить. Современная марокканская проза. М.: Радуга, 1988.
- Живи, Египет! Сборник египетских рассказов. М., 1973.

- Живой мост. Рассказы арабского сопротивления. М.: Прогресс, 1972.
- Зейдан Джирджи. Аль-Амин и аль-Мамун. Л.: Художественная литература, 1977.
- Зейдан Джирджи. Сестра Харуна ар-Рашида. Л.: Художественная литература, 1970.
- Земля и кровь. Современная проза Алжира. М.: Художественная литература, 1983.
- Идрис Юсуф. Грех. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
- Идрис Юсуф. Четвертый пациент и другие рассказы. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
- Из алжирской поэзии XX века. М.: Художественная литература, 1984.
- Избранные произведения писателей Ближнего Востока. Романы и рассказы. М.: Прогресс, 1978.
- Избранные произведения писателей Северной Африки. М.: Прогресс, 1980.
- Имангулиева А.Н. «Ассоциация пера» и Михаил Нуайме. СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 2011.
- Исмаилова Ю.А. Абд ал-Азиз ал-Макалих // Писатели Азии и Африки в борьбе за мир и социальный прогресс. Ташкент, 1990. С.192-196.
- Канафани Гассан. Люди под солнцем. М.: Радуга, 1984.
- Карьера доктора Фануса. Рассказы современных египетских писателей. М.: Наука, 1977.
- Кахарова Н. Путешествие в Париж Рифаа ат-Тахтави. Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1968.
- Кирпиченко В.Н. Нагиб Махфуз – эмир арабского романа. М.: Наука, 1992
- Кирпиченко В.Н. Новые явления в египетском романе начала XXI века // Восхваление: Исааку Моисеевичу Фильштинскому посвящается. М.: ИСАА МГУ, 2008. С. 417-444.
- Кирпиченко В.Н. Современная египетская проза. 60-70-е гг. М.: Наука, 1986.
- Кирпиченко В.Н. Юсуф Идрис. М.: Наука, 1980.
- Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX вв. Т.1-2. М.: восточная литература, 2002-2003.
- Ковыршина Н.Б. Проза Иордании. М.: Изд-во РУДН, 2005.
- Королевство деда. Современная иракская повесть. М.: Радуга, 1985.
- Коцарев Н.К. Писатели Египта. XX в. Материалы к библиографии. М., 1976
- Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. В 6-ти тт. Т.3-5. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956-1958.
- Крымский А.Е. История новой арабской литературы (XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1971.
- Лабиринты ночи. Повести и рассказы. М.: Радуга, 1983.
- Левин З.И. Философ из Фурейки. М.: Наука, 1965.
- Махамид Омар. Сто и один рассказ. СПб: Лаборатория оперативной печати факультета журналистики СПбГУ, 2004.

- Махфуз Нагиб. Вор и собаки. М.: Художественная литература, 1965.
- Махфуз Нагиб. Зеркала. М.: Прогресс, 1979.
- Махфуз Нагиб. Избранное. Л.: Художественная литература, 1990.
- Махфуз Нагиб. Избранные произведения. М.: Панорама, 1992.
- Махфуз Нагиб. Любовь под дождем. М.: Прогресс, 1975.
- Махфуз Нагиб. Осенние перепела. М., 1964
- Махфуз Нагиб. Пансионат Мирамар. Любовь под дождем. М.: Прогресс, 1975.
- Махфуз Нагиб. Под навесом. СПб., 1994.
- Махфуз Нагиб. Предания нашей улицы. Вор и собаки. Путь. М.: Радуга, 1990.
- Махфуз Нагиб. Путешествие Ибн Фаттумы. М.: Центр гуманитарного сотрудничества, 2009.
- Махфуз Нагиб. Родопис. Л., 1990.
- Махфуз Нагиб. Торжество возвышенного. М.: Центр гуманитарного сотрудничества, 2008.
- Махфуз Нагиб. Уважаемый господин. Л., 1990.
- Махфуз Нагиб. Шахразада. Рассказы. М.: Наука, 1991.
- Мина Ханна. Парус и буря. Судьба моряка. М.: Радуга, 1985.
- Мина Ханна. Синие лампы. М.: Детгиз, 1958.
- Молодые поэты Объединенной Арабской Республики. М.: Молодая гвардия, 1968.
- Мост возвращения. Стихи современных поэтов Палестины. М.: Правда, 1978.
- Муниф Абд ар-Рахман. Марафон. М.: Радуга, 1985.
- Муниф Абдель Рахман. Деревья... и убийство Марзука. М.: Прогресс, 1980.
- Намитоква З.А. Арабские писатели в борьбе за освобождение Палестины // Литературы зарубежной Азии в современную эпоху. М.: Наука, 1975. С. 309-322.
- Непобежденное молчание. Рассказы сирийских писателей. М.: Художественная литература, 1977.
- Никифорова И.Д. Литература национального возрождения. О творчестве современных писателей Марокко, Туниса, Алжира. М.: Знание, 1968.
- Николаева М.В. Гора и метафора. Очерк исторического развития литературы Ливана. М.: ИВ РАН, 1999.
- Новая арабская поэзия. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958.
- Новое лицо. Новеллы писателей Туниса. М.: Главная редакция восточной литературы, 1974.
- Нуайме М. Ливанские новеллы. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.
- Нуайме Михаил. Встреча // Встреча через века. М.: Терра, 1998. С. 5-66.
- Нуайме Михаил. Мои семьдесят лет. М.: Наука, 1980.

- Пантучек С. Тунисская литература. Краткий очерк. М.: Наука, 1969.
- Письмена на дереве. Иракский рассказ 1908-1980 гг. М.: Наука, 1983.
- Поэзия борьбы. Стихи поэтов арабского сопротивления. М.: Художественная литература, 1984.
- Поэзия Магриба. М.: Прогресс, 1978.
- Поэты Алжира. М.: Прогресс, 1965.
- Поэты Ливана. Илия Абу Мады. Саид Акль. Шафик Маалюф. М.: Прогресс, 1967.
- Поэты Северной Африки. М.: Молодая гвардия, 1986.
- Пропать терпения. М.: Молодая гвардия, 1981.
- Путинцева Т.А. Тысяча и один год арабского театра. М.: Наука, 1977.
- Рассказы арабских писателей. М.: Издательство иностранной литературы, 1955.
- Рассказы иракских писателей. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961.
- Рассказы писателей Ливана. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
- Рассказы сирийских писателей. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
- Саадалла Абу аль-Касим. Победа Алжиру! Стихи. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
- Сафронов В.В. Новая арабская литература. М., 1996
- Современная арабская новелла. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963.
- Современная арабская поэзия. М.: Изд-во восточной литературы, 1961.
- Современная арабская проза. М.-Л.: Гослитиздат, 1961.
- Современный египетский рассказ. М.: Наука, 1988.
- Соловьев В., Фильштинский И., Юсупов Д. Арабская литература. М.: Наука, 1964.
- Стихи поэтов Египта. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.
- Страшная ночь. Новеллы алжирских писателей. М.: Главная редакция восточной литературы, 1966.
- Суворов М.Н. «Большая» проза Йемена во второй половине первого десятилетия XXI века // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 13. Вып. 4. С. 83-91.
- Суворов М.Н. Реализм и модернизм в художественной прозе стран Аравии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 13. Вып. 4. С. 61-68.
- Суворов М.Н. Специфика просветительского этапа в развитии современной художественной прозы стран Аравии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 13. Вып. 3. С. 63-71.
- Суворов М.Н. Художественная проза Йемена (1940 – середина 2000-х годов). СПб., 2010.

Султанова Л.Ф. Писатель и борец за мир Жорж Ханна // Народы Азии и Африки. 1972. №2. С. 136-140.

Суп и солнце. Новеллы иракских писателей. М.: Главная редакция восточной литературы, 1965.

Тайна воды. М.: Художественная литература, 1979.

Тамер Закария. Дамаск пожарищ. Рассказы. М.: Прогресс, 1977.

Тахер Баха. Любовь в изгнании / Ибрагим Саналлах. Комитет. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, ИВ РАН, 2010.

Теймур Махмуд. Синие фонари. М.: Художественная литература, 1970.

Тикаев Г.Г. Египетский исторический роман (30-40-е гг. XX века). М.: Муравей, 2003.

Тимофеев И.В. «Новая поэзия» в зеркале арабской критики 60-х годов // Литературы зарубежной Азии в современную эпоху. М.: Наука, 1975. С. 323-335.

Усманов Н.К. Проза Тауфика аль-Хакима. М.: Наука, 1979.

Утро моего народа. Современная алжирская поэзия. М.: Художественная литература, 1977.

Хайкал Мухаммед Хусейн. Зейнаб. Л.: Художественная литература, 1973.

Халифа Сахр. Подсолнух. М.: Молодая гвардия, 1984.

Ханна Жорж. Жрецы храма. М., 1955.

Хетата Шериф. Железное око. В сетях. М.: Радуга, 1988.

Ходжаева Р.У. Очерки развития египетской поэзии (конец XIX – 60-е гг. XX в.). Ташкент: Изд-во «ФАН» УССР, 1985.

Хусейн Таха. Дни. М.: Изд-во восточной литературы, 1958.

Хусейн Таха. Избранное. М.: Художественная литература, 1989.

Хусейн-Заде М.Ш. Феллах в литературе Египта. Душанбе: Дониш, 1973.

Цветок лимона. Рассказы писателей арабских стран. М.: Детская литература, 1973.

Чуков Б.В. С веком наравне: история арабской литературы в Иракском королевстве и Иракской Республике. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006.

Чуков Б.В. Статья с веком наравне. История арабской литературы в Ираке. М.: ИВ РАН, 1997.

Шагаль В.Э., Кухарева Е.В. Кувейтская проза // Азия и Африка сегодня. 2010. №10. С.54-56.

Шахразада. (Сб. египетских рассказов). М., 1993.

Шесть гиней. Новеллы египетских писателей. М.: Наука, 1964.

Юнусов К.О. Драматургия Тауфика аль-Хакима. М.: Наука, 1976.

Юнусов К.О. Последние пьесы Тауфика ал-Хакима // Восток. 1999. №4. С. 91-94.

Юнусов К.О. Элементы иррационализма в современной египетской драматургии (по пьесе Тауфика ал-Хакима «Взбирающийся на дерево») // Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып.1. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1971. С. 136-143.

Юсупов Д.И. Творческий путь Омара Фахури. М.: Издательство восточной литературы, 1958.

Яхлюф Яхья. Наджран в час испытаний. М.: Известия, 1983.

Литература к Разделу II

Амирхани Реза. Ее Я (роман) / Пер. с перс. А. Андрюшкина. М. 2013.

Андай Мелих Джевдет. Обреченные (роман) / Пер. с тур. М. 1970.

Байкурт Факир. Избранное (роман «Курпатка» и рассказы) / Пер. с тур. А. Ибрагимова, Т. Меликова, М. Пастер. – М. 1987.

Байрами Мохаммад Реза. Жертвы заветного сада (роман) / Пер. с перс. А. Андрюшкина. М. 2014.

Браслеты. Новеллы пуштунских писателей Западного Пакистана. М. 1967. («Современная восточная новелла»).

Васильева Л.А. Фаиз Ахмад Фаиз. Жизнь и творчество. М.: Институт востоковедения, 2002

В ту ночь, когда шел снег. Новеллы иранских писателей. М., 1964. («Современная восточная новелла»).

Гюнтекин Решад Нури. Клеймо. Листопад. Мельница (романы) / Пер. с тур. М. 1969.

Гюнтекин Решад Нури. Королек - птичка певчая (роман) / Пер. с тур. М. 2011.

Гюнтекин Решад Нури. Листопад (роман) / Пер. с тур. Ю. Аверьянова. М. 2008.

Гюнтекин Решад Нури. Зеленая ночь (роман) / Пер. с тур. М. 1963 («Проза зарубежного Востока»).

Гюрсель Недим. Любовь после полудня (сборник рассказов) / Пер. с тур. М. 2010.

Джамаль-заде Мохаммад Али. Всякая всячина. М. 1967.

Джамаль-заде Мохаммад Али. Чудеса в решетке. М. 1989.

Джамаль-заде Мохаммад Али, Шахани Хосроу Тонкабани Феридун. Трое под одной крышей. Рассказы / пер. с перс. М. 1976.

Дидевар М. Недолгое чудо (роман) / Пер. с перс. Д. Комиссарова. М. 1979.

Заколдованный город. Новеллы афганских писателей (М.А.Рахнавард Зарьяб, М.М.Сиддик Фарханг, С. Ихсанулла Хейр, А. Бахтанай, А. Хабиб, А. Усман, А. Сахи Фархад, Дж. Ваджди, К. Мисак, Д. Губар, Р. Бахтари) / Предисл. Н. Дворянкова. Пер. с пушту и дари Н. Дворянкова, В.

Кушева, Г. Лебедевой, Н. Рычковой, Ю. Штундера. М., 1972. («Современная восточная новелла»).

Из современной пакистанской поэзии (Ахмад Надим Касми, Дж. Малихабади, Амир Хамза Шинвари). М. 1973.

Избранные произведения писателей Среднего Востока (Г. Саэди, Н.М. Тараки, Н. Хикмет) / Пер. с перс., пушту и турецкого. М. 1979.

Индийские и пакистанские рассказы (Х.А. Аббас, М.Р. Ананд, Б. Бхаттачария, А.С. Джафри, К. Чандар) / Пер. В.Быковой. М. 1954.

Иранский калейдоскоп. Современная иранская проза (Дж. Але-Ахмад, С. Бабахани, Х. Гольшири, Г.Тарагги, Дж. Ханеян, Н. Эбрахими) / Под ред. А.С. Андрюшкина. Пер. А. Андрюшкина, Д. Дорри, В. Богданова, В. Васильева, В. Дроздова, Е. Ивановой и др.). СПб, 2005.

Каземи Мортаза Мошфег. Страшный Тегеран (роман) / Пер.с перс. В.Г. Тардова. М. 1960.

Карасу Бильге. Сад умерших котов / Пер. с тур. А. Аврутиной. СПб, 2010.

Касми Ахмад Надим. Багряные цветы. Стихи. М. 1966.

Кемаль Яшар. Легенда горы. Если убить змею. Разбойник. Рассказы. Очерки / Пер. с тур. М. 1983 («Мастера современной прозы»).

Кешелава Т. Художественная проза Садека Хедаята. Тбилиси, 1958.

Киреев Н.Г. Сабхаттин Али. М. 1957.

Кляшторина В.Б. Современная персидская поэзия. М., 1962.

Кляшторина В.Б. «Новая поэзия» в Иране. М. 1975.

Комиссаров Д.С., Пригарина Н.И. История персидской литературы XIX - XX веков. М., 1999.

Комиссаров Д.С. О современном иранском литературоведении. М. 1980.

Комиссаров Д.С. Очерки современной персидской прозы. М. 1960.

Комиссаров Д.С. Пути развития новой и новейшей персидской литературы. М. 1982.

Комиссаров Д.С. Садег Хедаят. Жизнь и творчество. М., 1967.

Комиссаров Д.С. Садек Хедаят. Жизнь после смерти. М. 2001.

Комиссаров Д.С., Уфимцева Н.М. Саид Нафиси. М. 1984 («Писатели зарубежных стран»).

Кор-Оглы Х. Современная персидская литература. М., 1965.

Мазинани Мохаммад-Казем. Осень в поезде (роман) / Пер. А. Андрюшкина // Иностранная литература. 2010. – №5. <http://magazines.russ.ru/inostran/2010/5/mu7.html>

Мазинани Мохаммад-Казем. Последний падишах (роман) / Пер. А. Андрюшкина // Иностранная литература. 2012. – №9.

Меликли Тофикю Назым Хикмет в Москве (1951 – 1963 гг.) // Дружба народов. 2010. – №7.
<http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/7/me18.html>

Мирза Галиб – великий поэт Востока. Сборник статей. М. 1972.

Несин Азиз. Король футбола (роман) / Пер. с тур. А. Сверчевской, В. Феоновой. М. 1972
(«Зарубежный роман XX века»).

Орхан Кемаль. Брошенная в бездну (роман) / Пер. с тур. М. 1992.

Орхан Кемаль. Мошенник. Муртаза. Семьдесят вторая камера. Рассказы / Пер. с тур. В. Лебедева, Л. Медведко, И. Печенева, С. Утургаури, Р. Фиша. М. 1975 («Мастера современной прозы»).

Памук Орхан. Белая крепость / Пер. с тур. СПб, 2006.

Памук Орхан. Дом тишины (роман) / Пер. с тур. СПб, 2007.

Памук Орхан. Другие цвета (сборник) / Пер. с тур. СПб, 2009.

Памук Орхан. Имя мне – Красный (роман) / Пер. с тур. М. Шарова. СПб, 2011.

Памук Орхан. Музей невинности (роман) / Пер. с тур. А. Аврутиной. СПб, 2009.

Памук Орхан. Новая жизнь (роман) / Пер. с тур. А. Аврутиной. СПб, 2009.

Памук Орхан. Снег (роман) / Пер. с тур. А. Аврутиной. СПб, 2006.

Памук Орхан. Черная книга (роман) / Пер. с тур. СПб, 2007.

Пезешк-Зод И. Дядюшка Наполеон (роман) / Пер. с перс. Н. Кондыревой и А. Михалева. —
М.: Художественная литература: 1981. — 464 с. (Зарубежный роман XX века). 2-е изд.
М., 1990.

Персидские юмористические и сатирические рассказы (М.А. Джамаль-заде, Г. Саэди, Ф. Тонкабони, Х. Шахани и др.). М. 1988.

Пригарина Н.И. Мирза Галиб. М., 1986.

Пригарина Н.И. Поэтика творчества Мухаммада Икбала. М. 1978.

Пригарина Н.И. Творчество Мухаммада Икбала. М. 1982.

Рассказы пакистанских писателей (Г. Аббас, М. Адиб, И. Джалис, А. Н. Касми, С.Х. Манто). М. 1988.

Рассказы писателей Пакистана. М. 1965.

Розенфельд А.З. Садек Хедаят и иранский фольклор // Востоковедение 17. Л., 1991. С.83-100.

Сабахаттин Али. Дьявол внутри нас / Пер. с тур. М. 1955.

Сабахаттин Али. Избранное / Пер. с тур. М. 1990.

Сабахаттин Али. Мадонна в меховом манто / Пер. с тур. М. 2013.

Сабахаттин Али. Юсуф из Куюджака / Пер. с тур. Ташкент, 1958.

Садеки Джамал Мир. Долга ночь / Пер. с перс. Д. Комиссарова. М. 1976.

Садеки Джамал Мир. Ветры, возвещающие о переменах / Пер. с перс. Д.С. Комиссарова
Повесть. М. 1989.

Сатрапи Маржан. Персеполис. М. 2013.

[Саэди Голамхосейн] Мурад Гоухар. Траур в Баяле (роман и рассказы) / Пер. с перс. М.
1975.

Саэди Голамхосейн. Страх / Пер. с перс. А.М. Михалева. М. 1976. («Современная
зарубежная повесть»).

Сверчевская А. К. Известный и неизвестный Назым Хикмет. Материалы к биографии. М.,
2001.

Сераджи Махбод. Крыши Тегерана (роман) / Пер. с перс. М. - СПб, 2012.

Сиддики Шаукат. Божий поселок (роман)/ Пер. с урду. М. 1965.

Сидхва Бабси. Огнепоклонники. М. 1988.

Сквозь пелену тумана (рассказы иранских писателей). М. 1974.

Снег идет. Новеллы афганских писателей / Пер. с дари и пушту. М. 1964.

Современная иранская новелла (60 – 70 годы) (А. Махмуд, Э. Рахбар, Г. Саэди, Ф.
Тонкабони, Х. Шахани, Н. Эбрахими и др.) М. 1980.

Современная иранская проза. Антология иранского рассказа. В 2-х кн. СПб, 2010.

Стеклянный дворец. Новеллы турецких писателей. М. 1964. («Современная восточная
новелла»).

Тараки Нур Мухаммад. Повести / Пер. с пушту З.Калининой, К. Лебедева, Л. Яцевич. М.
1987.

Тонкабони Феридун. Новеллы / Пер. с перс. М. 1979.

Тугой узел. Новеллы иранских писателей (М. Бехазин, Б. Аляви, М. Дильмагани, Р.
Парвизи, К. Иджтимаи, А. Пайанде) / Предисл. А.З. Розенфельд, пер. с перс. З.Н.
Вородейкиной, Н.П. Рычковой, А.З. Розенфельд, Л. П. Смирновой. М. 1968 («Современная
восточная новелла»).

Файз Ахмад Файз. Избранное (поэзия и публицистика). М.1977.

Фиш Радий. Назым Хикмет. М. 1968 (ЖЗЛ)

Хедаят Садек. Избранное / Предисл. Д. Комиссарова и А.Розенфельд, пер. с перс. Д.
Комиссарова. А. Розенфельд, А. Самедова. М., 1957.

Хедая Садек. Избранное. М. 1985.

Хедаят Садек. Бродяга Аколь. Избранные произведения. М., 1960.

Хедаят Садек. Избранные произведения / Предисл. А. Е. Бертельса, А. З. Розенфельд, пер. с
перс. И.К. Бенедиктова, А. Е. Бертельса, Д.С. Комиссарова, А.З.Розенфельд, А.Р.Самедова. М.,
1969.

Хикмет Назым. Жизнь прекрасна, братец мой / Пер. с тур. А. Аврутиной. М. 2013.

Хикмет Назым. Избранное в двух томах / Пер. Н. Горской, Р. Рождественского, Д. Самойлова. М., 1987.

Хикмет Назым. Романтика (роман) / Пер. с тур. М. 1964.

Чандар Кришан. Мать ветров. М., 1957.

Чубек Садек. Избранное / Пер. с перс. Д. Комиссарова и З. Османовой. М. 1972.

Чубак Садек. Камень терпения. Роман и рассказы. М., 1981.

СПбГУ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЛЕКЦИЯМ 1-3

Периодизация и изучение современной арабской литературы

Суворов М.Н.

В середине XIII в. распадающийся арабский халифат окончательно рухнул под ударами монгольских армий. В арабской культуре, в том числе, в классической литературе начался период упадка, продолжавшийся вплоть до конца XVIII в. При правлении турок-осман, завладевших в начале XVI в. большей частью арабских земель, уже не было крупных арабских меценатов, способных стимулировать создание высоких образцов арабской поэзии и прозы. Появлявшиеся в это время художественные сочинения имели по большей части компиляционный и подражательный характер. На смену авторской литературе времен классического периода приходят различные народные повествования, наиболее известным из которых являются «Сказки тысячи и одной ночи».

Новый импульс к развитию арабской литературы был дан процессом «ан-Нахды», арабского возрождения, начавшегося в XIX в., когда Египет, Ливан и Сирия вошли в непосредственный контакт с культурой христианского Запада. Осознание отсталости арабского Востока по сравнению с Западом породило стремление с одной стороны возродить арабскую культуру классического периода, с другой – заимствовать все лучшие достижения западной цивилизации. Именно этим задачам было посвящено творчество первых ливанских и египетских просветителей, таких как Насиф аль-Йазиджи (1800-1871), Рифаа ат-Тахтави (1801-1873), Фарис аш-Шидйак (1804-1887), Али Мубарак (1823-1893). Их произведения, мало отличающиеся по форме от сочинений средневекового адаба, но наполненные новым содержанием, отвечающим текущим потребностям нации, открыли собой новый этап в развитии арабской литературы, который принято называть «новым».

Усиление контактов с Европой в последней трети XIX в., переводы европейской литературы на арабский язык, интенсивное развитие арабской прессы, особенно в Египте, – все это приводит к заимствованию западных литературных жанров, пришедших на смену традиционному адабу. Ливанец Джирджи Зейдан (1861-1914) пишет цикл историко-приключенческих романов по подобию романов А. Дюма и В. Скотта. Египтяне Мустафа аль-Манфалуты (1876-1924) и Мухаммед Теймур (1892-1921) создают первые сентиментально-реалистические зарисовки, открывая тем самым путь развитию национального рассказа. Ливанские эмигранты в США Амин ар-Рейхани (1876-1940) и Джебран Халиль Джебран (1883-1931), воспитанные в большей степени на литературе Запада, пишут романтические новеллы и

стихи в прозе. Их творчество, а также творчество другого ливанского эмигранта в США – Михаила Нуайме (1889-1984), знатока и последователя русской реалистической литературы, во многом задает направление развития прозы и поэзии в Египте, Ливане и Сирии. Происходят изменения в стиле прозаического повествования, выражающиеся в отказе от свойственных адабу словесных украшательств. Неизменная до того времени система арабского стихосложения перестает быть для поэтов единственно возможной.

Во второй четверти XX в. новая волна обновительного движения в арабской литературе выдвигает на первый план задачу создания произведений, отражающих реалии окружающей действительности, изображающих национальный характер, передающих местный колорит. Это реалистическое направление воплощается в новеллах и романах таких египетских писателей как Таха Хусейн (1889-1973), Махмуд Теймур (1894-1973), Тауфик аль-Хаким (1898-1987), Йахйя Хакки (1905-1993), Нагиб Махфуз (1911-2006). Одновременно происходит становление арабской литературной драматургии, создателем которой по праву считается Тауфик аль-Хаким.

Окончание второй мировой войны, давшее импульс развитию национально-освободительного движения в странах арабского Востока, стало началом нового этапа в развитии арабской литературы, который принято называть «новейшим». Подобное определение, впрочем, применимо лишь к литературе Египта, Ливана, Сирии и частично Ирака, поскольку в других арабских странах переход от средневекового типа литературы к современному начался лишь незадолго до войны или даже после нее. Так или иначе, в послевоенное время формируются национальные литературы разных арабских стран, получивших независимость; лидерами литературного процесса и законодателями литературной моды по-прежнему остаются Египет, Ливан, Сирия и Ирак. Развитие в независимых арабских государствах национальной прессы и системы образования способствует включению в литературный процесс достаточно широких слоев населения и вследствие этого появлению большого числа новых крупных имен в литературе.

В это же время возникает и такой феномен как франкоязычная литература североафриканских арабов, проживающих либо у себя на родине, либо во Франции. Поскольку эта литература является отражением сознания арабов, она, несмотря на другой язык, обычно признается арабской.

Параллельно с дальнейшим развитием реалистического направления в 60-е годы в арабской литературе появляются различные модернистские течения, заимствованные из литературы Запада. Произведения арабских модернистов становятся отражением утраты веры в рациональность мира и его цельность, потери социального оптимизма. Дань модернизму

отдают и многие известные авторы, уже сложившиеся как реалисты: Тауфик аль-Хаким, Нагиб Махфуз, Йусуф Идрис.

В 90-е годы при большом разнообразии реалистических и модернистских стилей повествования появляются произведения, использующие уже постмодернистские стратегии: тотальную пародию, марионеточность персонажей, гротеск и черный юмор, смешение и подрыв стилистических кодов, деконструкцию текста и т.п. Эти тенденции развиваются и в настоящее время.

Изучение современной арабской литературы, то есть литературы нового и новейшего времени, имеет в России давнюю традицию. Наши соотечественники И.Ю. Крачковский и А.Е. Крымский стали одними из первых в Европе ученых, кто на рубеже 19-20-х веков занялся исследованием этой литературы, которая в то время была еще на начальной стадии своего формирования и локализовалась преимущественно в Египте и в Сиро-ливанском регионе. Ученики и последователи этих ученых продолжили их дело, и изучение современной арабской литературы в России шло далее практически параллельно с развитием самой этой литературы. По мере того, как литература нового типа появлялась в Ираке, Судане, странах Северной Африки, все они попадали в поле зрения арабистов-литературоведов.

Сложно судить о том, в какой степени успехи в изучении современной арабской литературы в Советском Союзе были связаны с официальными тематическими планами Академии Наук СССР, и в какой – с личным энтузиазмом исследователей, однако то, что успехов этих было много, – факт очевидный.

Начиная с 50-х годов для этой области арабистических исследований в Советском Союзе складываются очень благоприятные условия. Укрепление дружественных отношений СССР со многими арабскими странами дает арабистам-литературоведам возможность выезжать в эти страны, знакомиться с их литературной жизнью, общаться с местными писателями, собирать необходимый для исследования материал. Конечно, такая возможность была не всегда практической, а в большей степени теоретической (учитывая сложность оформления заграникомандировок в те времена), но так или иначе присутствие в этих странах огромного числа советских специалистов позволяло исследователям достаточно оперативно получать требуемые издания – в основном через коллег, арабистов-переводчиков. В этом случае существенной проблемой для самого исследователя было определить, какие именно произведения и каких авторов ему нужны, поскольку без «живой» информации о литературной жизни страны, будучи вдалеке от этой жизни, трудно понять, чье творчество достойно научного интереса, а чье нет. Зачастую выбор того или иного автора для исследования – а также и для последующих переводов – определялся его пребыванием в СССР (в качестве учащегося или в составе официальной делегации), а также представлением о «прогрессивности» его

политических взглядов. Немногим из арабистов-литературоведов удалось познакомиться с литературной жизнью арабской страны так сказать «изнутри». Счастливыми в этом отношении стали те, кто провел в арабской стране долгое время – причем, как правило, вовсе не по литературоведческой линии. Это обусловило заметную неравномерность в изученности литератур разных стран. Так, например, если о египетской литературе мы смогли узнать все или почти все (во многом благодаря длительному пребыванию в этой стране В.Н. Кирпиченко), то о литературе Южного Йемена, в котором с начала 70-х до конца 80-х годов работали тысячи наших специалистов, в этот период появились лишь три чрезвычайно кратких и грешащих неточностями публикации.

И все же, несмотря на указанные трудности, к началу 90-х годов в отечественном арабистическом литературоведении был создан солидный научный задел, позволивший в последующие два десятилетия появиться обобщающим трудам, в ряде случаев почти энциклопедического характера по истории современных литератур многих арабских стран. Среди этих трудов: «Очерк истории ливийской литературы XIX – XX вв.» (1993) Ф.А. Асадуллина, коллективные монографии «Литература Туниса» (1993), «Литература Алжира» (1993) и «Литература Марокко» (1993), «Стать с веком наравне. История арабской литературы в Ираке» (1997) Б.В. Чукова, «Гора и метафора. Очерк исторического развития литературы Ливана» (1999) М.В. Николаевой, двухтомная «История египетской литературы XIX-XX вв.» (2002-2003) В.Н. Кирпиченко и В.В. Сафронова, «Проза Иордании» (2005) Н.Б. Ковыршиной, «С веком наравне: история арабской литературы в Иракском королевстве и Иракской Республике» (2006) Б.В. Чукова, «История литературы Сирии XIX – XX веков» (2007) Э.А. Али-заде, а также серия монографий С.В. Прожогой о франкоязычной литературе магрибинцев. Последней из работ такого рода стала «Художественная проза Йемена (1940 – середина 2000-х годов)» (2010) М.Н. Суворова, основанная на материалах, собранных автором уже в 2000-е годы.

С началом 90-х годов произошел резкий спад интенсивности отношений между Россией и арабским миром, а также резко снизилось финансирование академической науки в самой России, и как следствие, упал ее престиж. Арабская литература почти перестала поступать в Россию, а молодые арабисты, выпускники вузов, не желали посвящать свою жизнь науке. Все это привело к тому, что изучение современной арабской литературы стало уделом лишь немногих энтузиастов, в основном принадлежащих к старшему поколению исследователей.

Между тем, именно с начала 90-х годов под влиянием глобализационных процессов арабская литература стала приобретать совершенно новые для нее идейно-художественные черты, привлекающие внимание все большего числа западных ученых. Можно сказать, что эта литература начала освобождаться от своей былой скованности культурно-религиозной

традицией и внутривосточными условиями, приобретая свойственные современной литературе Запада откровенность и психологизм, разрушая существовавшие ранее табу. Можно упомянуть здесь ряд произведений, «нашумевших» в этом отношении не только в арабском мире, но даже и на Западе, таких как романы «Дом Якобия» и «Чикаго» Аля аль-Асуани, «Азазель» Йусуфа Зейдана, «Девушки эр-Рияда» Раджи ас-Сане`. Это всего лишь некоторые из известных произведений, в которых ярко проявилась единая тенденция, наблюдаемая ныне во всей арабской литературе. Свидетельством признания того, что эта литература уже приблизилась к уровню литературы Запада, стало учреждение в 2007 г. ежегодной премии за лучший арабский роман, техническая поддержка которой осуществляется фондом Букеровской премии. Арабские романы, удостоившиеся этой премии, сразу же переводятся на несколько европейских языков и издаются в соответствующих странах. Прошедший в мае 2012 года конгресс Ассоциации европейских исследователей современной арабской литературы показал, что изучение самой новой литературы приобретает в западной арабистике все большую популярность (11 докладов одних лишь итальянских исследователей!). Все доклады на конгрессе были посвящены значительным произведениям арабской литературы, вышедшим в последние годы.

Оптимизм в плане интенсификации изучения в России современной арабской литературы внушают появившиеся у исследователей новые возможности, связанные с использованием ресурсов Интернет. На страницах Интернет в настоящее время легко найти не только информацию о новых изданиях, но и посвященные современной арабской литературе рецензии, обзоры, критические статьи, био-библиографические сведения об авторах и тому подобное. Существует большое число посвященных современной арабской литературе электронных журналов и электронных версий печатных журналов на арабском и европейских языках, таких, например, как «Banipal», «Kika», «Nizwa», «Adab-Fann». Все это помогает нынешнему арабисту-литературоведу даже если и не знакомиться с самой литературой, то, по крайней мере, ориентироваться в ней и, следовательно, проводить затем сбор необходимого материала осознанно и целенаправленно, что не всегда удавалось исследователям предыдущего поколения.

Литература Египта и Сирии (1800-е – середина 1920-х гг.)

Долинина А.А.

Арабские страны вступают в новое время, давно утратив свое политическое могущество и экономическое и культурное первенство, уже третий век занимая жалкое положение провинций

Османской империи, разоряемых грабительской политикой турецких пашей и произволом местных феодалов. Упадок арабского мира в конце XVIII века усугубляется общим острым кризисом, который переживает в этот период сама Османская империя; он охватывает все стороны жизни, в том числе и культурную. Повсюду царят невежество, суеверия, предрассудки; наука и литература пребывают в застое.

Деятнадцатый век пробудил страны арабского Востока от спячки. Вовлечение их в орбиту влияния капиталистической Европы ускорило ломку феодальных отношений и стимулировало формирование капитализма, способствовало развитию освободительных движений и активизации культурной жизни.

Начинается процесс европеизации арабского мира, предполагающий не слепое подражание Европе, а своеобразный синтез культурных традиций – сочетание восточной и западной культур. Новое развитие с одной стороны основывалось на стремлении к возрождению и переосмыслению старинного арабского наследия и использованию его для нужд современности, с другой – требовало усвоения достижений европейской цивилизации, науки, литературы, европейских норм общественно-политической жизни. Передовые арабские мыслители понимали необходимость догнать Европу, поскольку это одно давало арабам возможность устоять перед ее экспансией. Главный путь к возрождению былого могущества во всех областях жизни виделся им в преодолении вековой культурной отсталости народа, то есть, прежде всего, в широком распространении просвещения, уничтожении религиозных предрассудков и религиозной розни, а также – в экономических реформах, направленных на укрепление хозяйства арабских стран и расширение торговли.

Этот период культурного подъема арабских стран в XIX – начале XX века можно назвать просветительской эпохой, так как он имеет существенное сходство и с европейским Просвещением, и с аналогичными периодами в истории других восточных культур. У арабов он обычно называется термином «ан-нахда», что означает «подъем», «движение вперед», «возрождение». Не во всех арабских странах этот подъем проходил одновременно и полностью идентично; пионерами оказались здесь Египет и Сирия (включавшая тогда и Ливан с Палестиной), теснее и ближе других стран связанные в XIX веке в Европой и сохранившие притом возможность самостоятельного культурного развития. Идеи и конкретные культурные достижения «ан-нахды» сыграли решающую роль в процессе формирования литературы нового типа.

Для Египта начало подъема обычно датируется экспедицией Наполеона (1798-1801 гг.), которая, дав египтянам реально почувствовать угрозу европейской колонизации, в то же время впервые столкнула их с европейской культурой – познакомила с достижениями современной

техники, с книгопечатанием, прессой, библиотекой-читальней и т.п., заставила их ощутить собственную отсталость и необходимость ее преодоления.

Дальнейшие перемены связываются с эпохой правления Мухаммеда Али (1805-1849). Добившись фактической независимости Египта от Османской империи, Мухаммед Али мечтал о создании сильного централизованного государства и с этой целью предпринял ряд экономических, военных и административных реформ, способствовавших подъему хозяйства Египта и подготовивших почву для будущего развития капиталистических отношений в стране. Преобразования затронули и культурную жизнь: появляются первые светские школы, общеобразовательные и специальные, организованные по европейскому образцу, с учителями-иностранцами, по преимуществу французами и англичанами; практикуется командирование молодых египтян во Францию для обучения различным специальностям.

Новым школам требовались учебники современного уровня, и в Египте разворачивается переводческая деятельность, охватившая вскоре не только учебную и научно-техническую литературу, но и область гуманитарных знаний; появляются и первые переводы художественных произведений. В 1835 г. была основана Школа переводчиков (впоследствии – Школа языков); ее преподавателями и учащимися было переведено около двух тысяч книг. В 1821 г. в Булаке была учреждена первая в Египте типография (не считая наполеоновской). С 1928 г. начинает выходить первая правительственная газета «аль-Вакаи‘ аль-мисрийя» («Египетские события»).

Развитие этих культурных начинаний было ненадолго приостановлено при преемнике Мухаммеда Али, фанатичном мусульманине Аббасе I (1849-1854), но возобновлено уже при следующем правителе – Саиде (1854-1863).

Процесс европеизации проходил нелегко. Европейское влияние в этот период распространялось преимущественно на высшие слои общества; здесь изменения затрагивали и некоторые стороны быта. Складывается определенная прослойка египтян, главным образом – молодежи из имущих классов, которая, будучи далекой от истинной культуры по существу, спешит кое-как усвоить все европейское, модное и презирает национальные традиции.

Однако основная масса населения относилась на первых порах к европейской культуре подозрительно, порой даже враждебно, демонстративно стремясь сохранить старинные обычаи, одежду, образ жизни и взгляд на мир. Такой консерватизм имел глубокие корни в народном сознании, определяемом религиозными догмами, и усугублялся тем, что европейская культура была культурой людей иной веры, проявляющих вдобавок колонизаторские устремления. Кроме того, египтяне у себя на месте чаще знакомились с такими сторонами европейской «цивилизации», как питейные заведения, публичные и игорные дома, так что европеизация нередко воспринималась как синоним безнравственности. Все это вело подчас к полному

отрицанию европейской культуры и умело использовалось консервативными кругами, противостоящими европеизации.

Передовые умы Египта понимали необходимость догнать Европу во всех отношениях; для них характерно, наряду со стремлением к возрождению старой арабской культуры, которое поддерживали и консерваторы, серьезное органическое восприятие нового и его переработка для современных задач.

Двойственную роль играл в этом процессе знаменитый мусульманский университет аль-Азхар. Оплот консерватизма, препятствие всему новому в области социальных преобразований, науки, языка, аль-Азхар являлся в то же время хранителем научных и литературных традиций классической эпохи, соками которых питалось арабское культурное возрождение. Характерно, что имена большинства ранних египетских просветителей связаны именно с аль-Азхаром. Среди них можно отметить в первую очередь тех, кто был склонен преимущественно к классической литературе и науке и больше сделал именно в этой области, как, например, филолог-пурист шейх Хасан аль-Аттар (1766-1888), ректор аль-Азхара и первый редактор «аль-Вакаи' аль-мисрийя», или известный лексиколог Ибрахим ад-Дасуки (1811-1883), преподаватель арабского языка в инженерной школе, помогавший в разработке новой научной терминологии, учитель многих европейских востоковедов.

Но с аль-Азхаром были связаны и первые в Египте крупные проводники европейского влияния, в числе которых прежде всего следует назвать Рифа'а Рафи' ат-Тахтави (1801-1873), шейха-наставника первой группы студентов, посланных Мухаммедом Али во Францию, и впоследствии директора и организатора всей работы Школы языков, одного из первых египетских переводчиков французской художественной литературы и автора очень интересных записок о Париже «Извлечение чистого золота в описании Парижа» («Тахлис аль-ибриз фи талхис Бариз», 1834). Сам ат-Тахтави придавал этому сочинению очень большое значение, утверждая, что оно должно «пробудить все народы ислама от спячки».

В этой книге ат-Тахтави подробно излагает свои путевые впечатления, сравнивая быт европейцев с бытом египтян (не в пользу последнего). Ярко и красочно, приводя подходящие к случаю цитаты из средневековых арабских поэтов, описывает он улицы и парки Парижа, гулянья, балы, дамские моды и т.п., слегка иронизируя по поводу парижских нравов. Очень много внимания уделяет ат-Тахтави театру и сценическому искусству, в котором его привлекает не только внешняя сторона, но и воспитательное значение представлений. Поражает его также технический прогресс и активность европейцев в этой области; с большим уважением говорит он о французских ученых – своих учителях, хвалит европейскую систему образования.

Многие главы книги свидетельствуют о том, что автор в годы учебы во Франции очень интересовался социально-философскими науками и политикой, штудировал сочинения

Кондильяка, Вольтера, Монтескье и Руссо, находя в них много полезного для современного Востока. С явным сочувствием рассказывает он о революции 1830 г., свидетелем которой он оказался, и комментирует конституционную хартию Людовика XVIII, рассуждая о свободе, равенстве и справедливости в духе французских просветителей.

Но все эти новые знания и понятия не могут быть восприняты истинным мусульманином, если они противоречат религиозным предписаниям, и поэтому ат-Тахтави в своих записках приводит многочисленные цитаты из Корана и хадисов, доказывая своим читателям (а в первую очередь, вероятно, самому себе), что ни новые идеи, ни европейские формы общественной жизни исламу ничуть не противоречат, а наоборот, его учением предусмотрены, ибо установлены Аллахом. Очевидно, в тех условиях это был наиболее реальный путь для формирования просветительской идеологии в мусульманских странах Востока, в частности – в Египте, где современные реальные знания постепенно распространялись во всех слоях населения, вплоть до ремесленников и феллахов, которые, часто против воли, по приказу хедива направлялись в школы и за границу, а потом служили в армии или участвовали в обновлении хозяйства. Из их среды тоже выдвигались иногда видные просветители, как, например, Али Мубарак (1823-1893), о котором речь пойдет ниже.

В Сирии начало просветительского движения складывалось несколько по-иному благодаря старинным торговым и культурным связям сирийских городов с Европой. Эти связи затрагивали главным образом христиан, в первую очередь – маронитов, составлявших здесь, особенно в Ливане, немалый процент населения. Католическая церковь стремилась распространить свое влияние среди сирийцев. Проводимые ею с этой целью просветительские мероприятия (организация школ, приглашение юношей-маронитов на учебу в Рим и Париж, открытие в Риме в 1584 г. Маронитской коллегии и т.п.) создавали в Сирии определенный слой образованных людей и, несомненно, играли объективно положительную роль в ее культурном развитии. Так, первая арабская типография (в которой печатались, правда, только религиозные книги) здесь была основана почти на целое столетие раньше, чем в Египте. Можно назвать также известных ученых и литераторов-сирийцев, выпускников Маронитской коллегии, таких как Джермануз Фархат (1670-1732), известный ученый-филолог и поэт, основатель маронитской библиотеки в Халебе, и Юсуф ас-Самани (1687-1768), доктор философии, собиратель восточных рукописей. Наиболее тесные связи с Европой поддерживались в северной Сирии (Халеб) и в Ливане (Бейрут). В XVIII веке, с воцарением в Ливане династии Шихабов (Шхэбов), старавшихся в своей политике опираться на Францию, усиливается французское культурное влияние. Однако после Великой французской революции связи Сирии, оставшейся провинцией Османской империи, с республиканской Францией неизбежно ослабевают, и экспедиция Наполеона, явившаяся первым толчком к европеизации Египта, оказалась для Сирии препятствием к

восприятию европейского культурного влияния.

В начале 30-х годов XIX века, когда сын Мухаммеда Али Ибрахим-паша на короткий срок завоевал Сирию для Египта и начал вводить там различные прогрессивные нововведения, в том числе свободу вероисповедания, туда устремились христианские миссионеры с Запада. Наибольшую активность проявляли французские иезуиты и американские протестанты, избравшие центром своей пропаганды Бейрут. Особенно ревностно в первой половине XIX века действовали американцы, основавшие, помимо множества миссионерских начальных школ, свою типографию и высшее учебное заведение – Сирийскую протестантскую коллегию, преобразованную впоследствии в Американский университет.

С середины века усиливается французская пропаганда. По всей Сирии протягивается сеть школ, соперничающих с американскими; в Бейруте строится духовная семинария и светский колледж, на основе которых в дальнейшем был создан Католический университет Св. Иосифа со своей типографией. И те, и другие миссионеры выпустили множество учебной литературы, способствовали переводческой и просветительской деятельности. Миссионерские учебные заведения формировали среди сирийцев представление о европейской и американской литературе, о современном состоянии науки; обучение иностранным языкам позволяло знакомиться с произведениями европейской философской и политической мысли.

Передовые представители сирийской торговой буржуазии, формировавшейся в условиях деспотического режима Османской империи, начинали осознавать необходимость социальных и политических реформ и завоевания для арабских стран независимости не только от турок, но и от европейцев. В то же время, при всех своих патриотических настроениях, сирийская интеллигенция в большей степени, чем египетская, была ориентирована на Запад в отношении идейно-философских и эстетических воззрений. Ощущая отсталость феодального Востока по сравнению с капиталистическим Западом, сирийские интеллигенты считали главным своим делом широкую просветительскую работу, и опору для своих новых просветительских концепций искали, естественно, у западных мыслителей. Однако, деятелей сирийского просветительства в XIX в. привлекала в идейном плане не столько европейская современность, сколько XVIII век – воззрения французских просветителей, ибо эти воззрения, очевидно, больше всего отвечали основным задачам арабского XIX века – борьбе против идеологии феодализма.

Забываясь о культурном прогрессе страны, передовая сирийская интеллигенция при участии американских миссионеров организовала в 1847 г. просветительское общество – «Сирийское общество по овладению науками и искусствами» (Джам'ийя сурийя ли-ктисаб аль-'улум ва-ль-фунун). Цель общества, как было сказано в его уставе, состояла «во-первых, в познании его членами наук и искусств путем дискуссии, переписки, устных выступлений и сообщений; во-

вторых, в сборе книг и документов, как печатных, так и рукописных, особенно на арабском языке, в соответствии с интересами общества; в-третьих, в пробуждении всеобщего стремления к приобретению знаний и пользы, свободных от влияния спорных вопросов религии, обычаев и доктрин, которые не имеют отношения к обществу».

В числе активных членов общества были известный поэт и филолог Насыф аль-Йазиджи, ведавший библиотекой общества, Марун Наккаш, организатор первого бейрутского театра, Бутрус аль-Бустани, секретарь общества, основатель первой сирийской Национальной школы, созданной не на конфессиональной, а на национальной основе, лексикограф, переводчик и журналист. Общество, просуществовавшее с перерывами и под разными названиями с конца 40-х по 80-е годы, проводило заседания с публичными докладами на научные и общественные темы, устраивало популярные лекции, издавало «Труды», оказывало поддержку новым культурным начинаниям, собрало большую библиотеку. Несмотря на преимущественно западническую ориентацию сирийской интеллигенции, деятели общества с великим почтением и вниманием относились к арабскому классическому наследию, а некоторые из них, как и в Египте, вообще больше заботились о его возрождении, чем о распространении европейского просвещения. Темы докладов, читавшихся на заседаниях общества и публиковавшихся в его «Трудах», были весьма разнообразными – они касались вопросов экономических, социальных, естественно-научных, историко-культурных, литературных и т.п. - и всегда имели просветительскую направленность.

Особо актуальное звучание имел доклад Бутруса аль-Бустани «О пользе женского образования» (1848), в котором он доказывал, что современное приниженное положение арабской женщины является одной из важнейших причин отсталости всего общества, ибо женщина неграмотная, неразвитая, забитая не может дать детям правильного воспитания. Это было одним из первых на Арабском Востоке выступлений в защиту женской эмансипации.

Важно отметить характерную для идеологии сирийских просветителей веротерпимость, о которой свидетельствуют и состав Сирийского научного общества, куда входили и христиане, и мусульмане, и друзы, и его декларации, и упомянутые выше культурные начинания. С конца 50-х годов наблюдаются и отдельные признаки зарождения арабского национального самосознания, проскальзывающие в выступлениях, статьях и стихах членов общества.

Сравнивая ход «ан-нахды» в рассмотренных выше двух регионах, можно сделать вывод о том, что, если Египет сделал больше для усвоения научно-технических достижений Европы, то Сирия обогнала его в области гуманитарной и чисто популяризаторской. Более близкое знакомство сирийских просветителей с европейской научной и философской мыслью и большие возможности для ее усвоения привели к тому, что Сирия оказалась в дальнейшем (в 60-е годы) родиной первой арабской просветительской концепции.

В процессе «ан-нахды» постепенно создаются предпосылки для обновления и художественного творчества.

Арабская литература вступила в XIX век, переживая несомненный упадок. Если научная литература турецкой эпохи, наряду с мистико-аскетическими произведениями суфиев и схоластическими трудами ортодоксальных богословов или давно устаревшими сочинениями по математике, географии, естественным наукам, еще давала хоть кое-какой полезный материал в области филологии и истории, то литература собственно художественная, как поэзия, так и проза, оскудела совершенно; она перепевала традиционные избитые темы, используя трафаретные приемы. Исключение составляла лишь народная литература, «литература рынков и кофеен», как пренебрежительно называли ее арабские филологи – песни на разговорном языке, объемистые эпические сказания («сират», иногда называемые рыцарскими романами), «1001 ночь» и др.

Первые три четверти XIX века не принесли коренных изменений. Однако, кое-какие ростки нового заметить уже можно: исподволь проникают в литературу свободолобивые мотивы — политические, социальные, философские; современное содержание обогащает некоторые традиционные жанры (особенно это характерно для жанра «рихля» – путешествий); наконец, уже в середине века, мы сталкиваемся с зачатками новых жанров – просветительского романа и драматургии.

Поэзия, более однообразная в жанровом отношении и имеющая более четко установленные и прочные каноны, оказалась самым стабильным видом литературы. Этому способствовала популярная, как мы указывали, и среди просветителей, и среди консерваторов идея возрождения арабского классического наследия. Эта идея реализовалась и в стремлении подражать доисламским и средневековым поэтам, и в усилении внимания к изучению, комментированию и изданию их диванов. Как и в предшествующую эпоху, большинство известных стихотворцев первой половины XIX века – придворные поэты эмиров и вельмож; они творят придворные касыды в псевдобедуинском духе или мудреные хронограммы, запечатлевающие даты местных событий, или остроумные стихотворные шутки на злобу дня.

Сохранялось традиционное направление и в прозе: оно было представлено прежде всего маками в стиле классиков этого жанра – аль-Хамадани и аль-Харири; в этом жанре украшенной прозы упражнялись чуть ли не все известные в ту пору писатели.

Особенно яркий круг литераторов-традиционалистов собрался при дворе ливанского эмира Башира II. В их числе был, во-первых, Никула Турк (1763-1828), прозванный «сахиб ан-нукат» («острослов», как переводит А.Е. Крымский), известный не только своими панегириками, но и сатирическими, шутливыми стихотворениями, иногда на достаточно «низкие» темы, как, например, спор с нераспорядительным экономом эмира, обделившим поэта при расчете за

стихи, или сатира на бывшего эмирского слугу, решившего попытать счастья на работе в горах. Он снискал себе известность и как историк, писавший о вторжении Бонапарта в Египет, и как автор макам, в которых порой описываются даже сценки из современной жизни, как, например, «Зимняя макама», изображающая в юмористическом тоне и с бытовыми подробностями игру в карты у Башира II в зимний вечер.

Его младший современник – Бутрус Караме (1774-1851), поэт и дипломат, прославился как панегирист более вычурного стиля. Образцом поэтической изысканности его творчества и виртуозности в классическом языке является так называемая «аль-Касыда аль-халийя», в которой все 23 строки рифмуются на одно и то же слово «халь» в 23 его значениях (родинка, вызов на бой, дядя с материнской стороны и т.д.).

Крупнейшим из панегиристов Башира II считается упомянутый уже Насыф аль-Йазыджи (1800-1871), секретарь эмира, с похвалой описанный Ламартином в его дневнике путешествий по Востоку. Он происходил из известного христианского рода, наследственным занятием членов которого была секретарская служба у турецких властей, о чем свидетельствует родовое имя «аль-Йазыджи», что означает по-турецки «писец», «секретарь». Аль-Йазыджи оставил несколько стихотворных диванов в старинной манере, содержащих и полные неумеренных гипербола касыды, и элегии с назидательными сентенциями, превратившимися в пословицы, и хитроумные хронограммы, в которых, например, нужная дата могла заключаться одновременно в цифровой сумме букв каждого полустиха, в акrostихе, в цифровой сумме букв с точками, цифровой сумме букв без точек и т.п. В течение долгих лет Насыф аль-Йазыджи трудился над комментарием к дивану крупнейшего поэта арабского средневековья – аль-Мутанабби (X в.), которого он считал своим учителем (изд. посмертно, 1882 г.).

Большой известностью пользуется его сборник макам «Маджма' аль-бахрейн» («Слияние двух морей», Бейрут, 1856), составленный по строго классическому образцу и повторяющий в сюжетах традиционные мотивы аль-Хамадани и аль-Харири. Как писал сам автор, цель он ставил перед собой чисто просветительскую, причем достаточно узкую: дать читателю как можно больше всяких полезных познаний по арабской филологии, особенно в области лексики, «при соблюдении нравственной пристойности и чистоты выражений и мыслей».

Аль-Йазыджи прославился как непревзойденный знаток литературного арабского языка. Он много занимался преподаванием (в частности, в Национальной школе Бутруса аль-Бустани) и составил целый ряд учебников по грамматике, поэтике и стилистике, среди которых особенную популярность получила грамматика в стихах «Брюхо дикого осла пустыни» («Джауф аль-фара»). По словам И.Ю. Крачковского, Насыф аль-Йазыджи своими литературными и языковыми трудами «показал и заставил понять, что старый принцип «аль-арабийя ля татанассар» («арабский язык нельзя христианизировать») уже устарел.

Филологическая работа приобретает на Арабском Востоке в XIX веке особое значение. Литературный арабский язык, нормы которого были освящены Кораном и строго оберегались традиционалистами, развивался очень медленно. В том состоянии, в каком застал его XIX век, он абсолютно не соответствовал новым жизненным требованиям. Технические и научные новшества, переводы, развитие прессы – все это требовало гибкого обновления языка, в первую очередь лексики и фразеологии, и ставило серьезные задачи перед языковедами. Не случайно многим просветителям принадлежат труды по языку. Но и в этой области мы наблюдаем два подхода: один – строго пуристический, как у Насыфа аль-Йазиджи, тоже по-своему важный, ибо его труды по грамматике устанавливали классическую норму, из которой следовало исходить при обновлении, и другой подход – вполне терпимый к новшествам, с пониманием их значения и необходимости привести их в систему. Пример такого подхода можно наблюдать в словаре Бутруса аль-Бустани, впервые распределяющего слова по европейской системе (то есть в алфавите первых, а не последних согласных корней), исключающего из словаря архаизмы и добавляющего общеупотребительные неологизмы, заимствованные из разговорного языка или вновь образованные.

Обновлению арабского литературного языка особенно способствовали те писатели, в чьих произведениях находили отражение связи Арабского Востока с Европой, процесс восприятия европейской культуры – прежде всего доводимые до последних событий исторические хроники и произведения жанра «рихля», описывающие путешествия в европейские страны. Потребность записывать наблюдения о новом возникала, естественно, прежде всего, у передовых людей эпохи, людей мыслящих, умеющих анализировать окружающее, и поэтому важность этих произведений для современников определялась не только обилием новой информации (часто о фактах достаточно с их точки зрения экзотических), новой лексикой, но и, в большинстве случаев, новизной передовых идей, как это можно было видеть на примере «Извлечения чистого золота» ат-Тахтави.

Среди исторических сводов этого порядка особенно выделяется самый ранний: «Диковинки прошлого» («Аджаиб аль-асар») аль-Джабарти (1754-1825), очевидца наполеоновского вторжения, первого, кто с тревогой отметил отставание Востока от Европы.

Большой интерес представляют путешествия, не все из которых, к сожалению, увидели свет, как это случилось, например, с «Описанием России» Мухаммеда Айяда ат-Тантави (1810-1861), азхарского шейха, приглашенного для преподавания арабского языка в Петербург. Сочинение это¹, помимо описания самого путешествия, содержит краткую историю России и очерк «Обычаи русских», где, кроме чисто бытовых моментов, немалое внимание уделяется и

¹ Полное название: «Подарок для проницательных касательно сведений о России» («Тухфат аль-азкийя би ахбар биляд Русия»), написано ок. 1850 г.

русской культуре, о которой говорится с интересом и симпатией.

В числе авторов путевых заметок следует особо отметить ливанца Ахмеда Фариса аш-Шидйака (1804-1887), известного как поэт, публицист, журналист и филолог, много сделавший и для возрождения классического наследия, и для становления новой литературы. А.Е. Крымский назвал его «бароном Брамбеусом новоарабской литературы» за его разнообразные литературные способности и знания, сочетавшиеся с небезупречным нравственным обликом.

Сменив маронитство на протестантство, Шидйак сотрудничает с мальтийскими миссионерами в переводе Библии на арабский язык; результатом его пребывания на Мальте было подробное «Описание Мальты», в котором много говорится о современных достижениях науки и цивилизации. Затем, снискав хвалебной касыдой расположение тунисского бея, он принимает ислам и отправляется сначала в Париж, а затем в Стамбул, где издает газету «аль-Джаваиб» («Почта новостей»), считавшуюся официозом турецкого правительства, и выпускает серию памятников арабской классической литературы, в которую входят произведения аш-Шанфары, Аббаса ибн аль-Ахнафа, аль-Бухтури, аль-Амиди, аль-Хамадани, Ибн Сины и многих других авторов.

Пребывание в Париже отразилось в самом крупном произведении Шидйака «Шаг за шагом вслед за Фарйаком» («Сак аля сак фи-ма хува Фарйак», Париж, 1855). В противоположность парижским запискам ат-Тахтави, сочинение Шидйака содержит прежде всего описание быта и обыденной жизни Парижа; духовная культура Европы интересует его гораздо меньше (впрочем, ей он уже отдал дань в «Описании Мальты»). Автор сравнивает европейский быт с восточным, критикуя и французские, и арабские обычаи и посмеиваясь над ошибками «французских профессоров» в арабском языке, демонстрируя при этом собственное виртуозное владение классическим языком и всеми тонкостями традиционного стиля.

Интересно отметить, что «Шаг за шагом» не просто запись путевых впечатлений автора, а уже попытка создания романа-путешествия (очень распространенного впоследствии жанра арабской просветительской литературы) с вымышленным героем² и вымышленными же похождениями, порой весьма пикантного характера.

Новым для XIX века прозаическим жанром была публицистическая статья, «макаля», широко используемая всеми деятелями просветительской эпохи как для освещения различных актуальных проблем — политических, социальных, религиозных, философских — так и для популяризации всевозможных научных знаний. У этого жанра, который мог опираться на европейскую публицистику, были и свои национальные корни: с одной стороны — ораторская речь, издавна популярное у арабов искусство, в процессе своего развития постоянно вынужденное приспособлять традиции к требованиям современности, с другой — «рисаля»,

²Фарйак — криптоним из Фар[ис Шид]йак.

послание или трактат, которые, в зависимости от их назначения, могли пользоваться и украшенной, и строго научной прозой.

Ранняя арабская публицистика сохраняет черты цветистого стиля, в ней широко употребляется *садж'*, даже в газетных статьях. Процесс обновления публицистического стиля идет в течение XIX века постепенно, по двум направлениям: политической статьи-речи, по-новому использующей традиционные стилевые украшения, и статьи научного рассуждения, логичного и сдержанного по характеру изложения.

Середина XIX века ознаменовалась рождением еще одного жанра, на этот раз почти не имеющего национальных традиций – драматургии. В средние века арабы знали лишь народный теневой театр – *карагез*; близким к театральному было и распространенное повсюду искусство рассказчиков. Драматургии как литературного жанра не существовало.

Знакомство с театральными представлениями европейского типа началось в Сирии, вероятно, в XVIII веке и шло через миссионерские школы, где по праздничным дням силами учеников разыгрывались спектакли. Пьесы – обычно исторического и нравоучительного содержания – переводились или адаптировались самими учителями. На спектаклях присутствовали и посторонние. В Египте школьных спектаклей не знали, но зато там, в Александрии, с 1830-х гг. существовал профессиональный европейский театр.

Отцом арабской драматургии считается Марун Наккаш (1817-1855), бейрутский коммерсант, который, во время деловой поездки в Италию, познакомился с европейским театром и загорелся желанием создать театр арабский. Организовав любительский кружок, Наккаш перевел и обработал комедию Мольера «Скупой» («аль-Бахиль») и в 1848 г. она с успехом была поставлена на домашней сцене. Затем он написал и поставил еще две комедии: «Беспечный Абу-ль-Хасан» («Абу-ль-Хасан аль-мугаффаль»), которую некоторые считают обработкой комедии Мольера «Ветреник», и «Завистник» («аль-Хасуд»), восходящую к «Мещанину во дворянстве»³. Спектакли сопровождалась музыкой и пением. Действие во всех комедиях происходило в арабской среде; имена, реалии, конкретные ситуации – все было арабизировано.

После смерти Маруна Наккаша интерес к любительским спектаклям не заглох. Они ставились и в частных домах, даже в мусульманской среде, и в Национальной школе аль-Бустани, и в Сирийском просветительском обществе. Профессиональный же театр со своим репертуаром появился лишь в 70-х годах.

В 60-70-е годы XIX века, во время правления хедива Исмаила (1863-1879), в Египте продолжался экономический подъем. Развивалось товарно-денежное хозяйство, укреплялись ростки капиталистических отношений, расширялись сферы европеизации. Исмаил ассигновал

³Пьесы были изданы посмертно в сборнике «Ливанский кедр» («Арзат аль-Любнан», Бейрут, 1869).

большие средства на народное образование: при нем было открыто более 4,5 тысяч школ, в том числе школы для девочек. В 1873 г. была создана высшая школа «Дар аль-улум би-ль-мадарис» («Учебный дом наук»), в которой, кроме богословских наук, преподавались и науки светские. В 1870 г. была основана Египетская национальная библиотека, получившая название Хедивской; к открытию Суэцкого канала построен Каирский оперный театр; великолепно оборудован Булакский музей древностей, организованный еще при Саиде.

Исмаил прилагал большие усилия для того, чтобы страна стала окончательно независимой от Турции, но в то же время Египет все больше и больше оказывался в кабале у французских и английских капиталистов (особенно – в связи с постройкой Суэцкого канала). С середины 70-х годов европейские державы начинают открыто вмешиваться во внутренние дела Египта. Это вызывает недовольство широких слоев населения, поддерживаемое частью мусульманского духовенства. Освободительное движение в 1879-82 гг. возглавили офицеры-патриоты – Ахмед Ораби, Махмуд Сами аль-Баруди и другие, которые при преемнике низложенного хедива Исмаила – Тауфике – заняли руководящие посты в правительстве; они провели ряд преобразований, направленных на укрепление буржуазно-парламентских порядков, и добивались прекращения иностранного вмешательства. Феодално-помещичьи круги, испуганные новой политикой и беспомощностью хедива перед ней, поддерживали европейских колонизаторов; в июле 1882 г. патриотические силы были разгромлены, и Египет был оккупирован английскими войсками. Наступило политическое затишье. Вся власть в стране сосредотачивалась в руках английского генерального консула лорда Кромера (1883-1907). Так называемый «режим Кромера» означал, по сути, диктатуру английского финансового капитала, безвластие хедива и правительства, подавление национально-освободительного движения.

В сирийских провинциях с середины века, после реформ танзимата, европейский капитал также расширяет сферы своего влияния, что ведет к ухудшению положения крестьян, разорению мелких хозяйств. Новая турецкая конституция 1876 г., выработанная «новыми османами», по сути дела ничего не дала арабским провинциям империи. Воцарившийся при Абдул-Хамиде II (1876-1908) режим султанского самодержавия (зулум) тормозил экономическое и культурное развитие Сирии, оставляя при этом возможность для проникновения туда иностранного капитала.

Представители передовой сирийской интеллигенции (Ибрахим аль-Йазиджи, Фарис Нимр и др.), возмущенные деспотизмом турецкого правительства, в середине 70-х гг. создали тайное общество, программа которого предусматривала борьбу за независимость Сирии и за демократические преобразования. Политическая реакция и трудные экономические условия повлекли за собой и усиленную эмиграцию из страны – в Египет, в Северную и Южную Америку, в Европу. Многие прогрессивные писатели и публицисты второй половины XIX –

начала XX вв. жили и работали в Египте, где они не подвергались преследованиям за свои антитурецкие настроения, и их деятельность была одинаково важна для обеих стран.

Середина XIX века – время оформления просветительских концепций в Сирии и Египте. Первая из таких концепций возникла, под несомненным влиянием французской просветительской мысли, в среде более европеизированной сирийской интеллигенции. В основе ее лежало представление об особой роли разума и науки в жизни общества и неприятие всего, что препятствует реализации свободы человеческой личности, в первую очередь – осуждение политического деспотизма.

Отдельные положения этой концепции вырабатывались и высказывались в докладах и статьях Сирийского просветительского общества; наиболее же последовательное выражение она нашла в сочинениях Франсиса Марраша (1836-1873). Сын коммерсанта из Халеба, он изучал медицину в Париже, много занимался самообразованием и был хорошо знаком с европейской естественнонаучной и философской мыслью. Он известен как лирический поэт, чье творчество напоминает арабские средневековые «зухдийят» и пессимистические стихи европейских романтиков. В своем «Путешествии в Париж», продолжающем традицию просветительских «рихля», он много внимания уделяет историческим памятникам французской столицы; Париж для него – средоточие духовной культуры мира.

Общественно-политические воззрения Марраша изложены в его философских повестях: «Чаша права» («Габат аль-хакк», 1866), «Жемчуг раковины» («Дурр ас-садаф») и эссе «Машхад аль-ахваль» («Взгляд на нынешнее положение», изд. посмертно в 1883 г.).

Повести Марраша по сути дела – философские трактаты с условным сюжетом. Так, в «Чаше права» автор рассказывает свой сон о победоносной войне «Королевства свободы», вооруженного «образованием и просвещенностью», против «Королевства рабства» и о суде над побежденным владыкой этого королевства; суд вершит судья-философ в присутствии короля свободы и королевы мудрости.

Марраш делает попытку обосновать понятие свободы исходя из «основного закона природы» – закона необходимости, которому должно подчиняться все в природе и в обществе. Он считает, что в «естественном» состоянии свобода может быть достигнута лишь путем подчинения этому закону; следовательно, в человеческом обществе для достижения свободы нужно уничтожить все ограничения, не вызванные необходимостью, все то, что мешает прогрессу. Отсюда делается вывод: всякое порабощение и тирания противны закону природы и разума, и против них следует бороться. В то же время каждый человек, чтобы пользоваться своим правом свободы, должен выполнять определенные общественные обязанности.

Идеальное человеческое общество по Ф. Маррашу должно основываться на хорошей политике, просвещении умов, воспитании нравов, охране здоровья населения и всеобщей

любви, которая является «божеством социальной структуры». Идеал государственного строя для арабских стран, по его мнению, – просвещенная конституционная монархия. Эти взгляды в основном разделяют все известные сирийские просветители.

В Египте развитие просветительской идеологии во второй половине XIX века было связано с движением за реформу ислама (так называемый «модернизм в исламе» или «мусульманская реформация»), наложившим своеобразный отпечаток на характер египетского просветительства. Основоположники этого движения Джемаль ад-дин аль-Афгани (1839-1897) и Мухаммед Абдо (1849-1905) утверждали, что для успешной борьбы против европейской колонизации мусульманские народы должны объединиться в независимый Халифат. Это объединение, по их мнению, было возможно только при условии широкого просвещения народных масс в духе истинного ислама, очищенного от всех многовековых искажений. Ислам, учили они, есть единственная в мире религия, обращенная к разуму, поэтому она дает возможность для развития всех естественных способностей человека и годится для всех времен и народов. Реформисты – иногда достаточно наивно – по-новому толковали Коран, доказывая, что в нем содержатся намеки на все современные научные открытия, на политические социальные преобразования, направленные на ликвидацию феодальных порядков; лозунги ислама использовались и в национально-освободительной борьбе. При этом новая мусульманская просветительская идеология, подобно предшествующей ей концепции сирийских просветителей-христиан, складывалась (не всегда осознанно) в значительной степени под влиянием европейской общественной мысли, в первую очередь – взглядов французского Просвещения.

Однако в «мусульманском модернизме» основная установка была не на восприятие европейской культуры, а на возрождение лучших традиций своего прошлого, оживление арабского культурного наследия. Наиболее консервативное крыло реформистов вообще выступало против европеизации. Изображение идеализированных картин «славного прошлого» арабов, получившее в эти годы распространение во всех жанрах арабской литературы, приобретало особый патриотический смысл в недрах «мусульманского модернизма», использованного впоследствии официальным панисламизмом, стремившимся поставить турецкого султана во главе всего мусульманского мира.

Характерно, что новое учение в начале своем отличалось большой веротерпимостью, что давало возможность для сотрудничества египетских и сирийских просветителей. Идеи Джемаль ад-дина часто разделяли и немусульмане (Адиб Исхак, Йакуб Санну, Джамиль аль-Мудаввар и др.), считавшие себя его учениками. Всех арабских просветителей, независимо от их ориентации, объединяла общая цель – распространение просвещения в массах, общее стремление к рационалистическому пересмотру всего образа жизни арабского мира – политики,

принципов управления, семейного уклада, системы образования и т.п., общая вера в прогресс и торжество разума.

Развитие арабских просветительских концепций находило свое отражение в периодической прессе, расцвет которой в XIX веке пришелся на 60-е – первую половину 80-х годов.

С 1858 г. начинает выходить первая сирийская газета «Хадикат аль-ахбар» («Сад новостей») под редакцией Халиля Хури; Бутрус аль-Бустани, с помощью своего сына Селима, с 70-х гг. издает сразу три печатных органа: газеты «Аль-Джанна» («Сад») и «Аль-Джунейна» («Садик») и двухнедельный журнал «Аль-Джинан» («Сады»). В этом журнале печаталось много научно-популярных статей на самые разнообразные темы, а также повести и рассказы, часто заимствованные из европейских источников и арабизированные до неузнаваемости; появляются и оригинальные романы и рассказы.

Некоторые газеты издавались в эмиграции – в Париже, Лондоне, Стамбуле. Многие сирийские журналисты переносили издание своих печатных органов в Египет.

Особенное оживление журналистики в Египте наблюдается в конце 70-х – начале 80-х годов, в период подъема национального движения. Одна за другой возникают газеты, активно выступающие против иностранного вмешательства и критикующие деятельность египетского правительства. Век таких изданий обычно недолог, но они передают друг другу эстафету борьбы, группируя вокруг себя наиболее активных борцов за независимость и реформы. Среди них выделяются публицисты: Адиб Исхак (1856-1885), эмигрант из Сирии, впитавший, по определению И.Ю. Крачковского, «жар и огонь французской публицистики», патриот, выступавший за независимость арабского мира и от Османской империи, и от Европы; Абдаллах ан-Недим (1845-1896), активный участник движения Ораби и противник европейского влияния, автор острых политических памфлетов, в которых он часто применял разговорный язык; Йакуб Санну (1839-1912), редактор первой арабской иллюстрированной сатирической газеты «Абу Наззара зарка» («Человек в синих очках»), создававшейся также на разговорном языке и пропагандировавшей в массах идеи Джамал ад-дина; в 1878 году он был выслан хедивом Исмаилом из Египта и продолжал издание своей газеты в Париже.

В первые годы оккупации в египетской прессе наступает затишье: прогрессивные журналисты, поддерживавшие правительство Ораби, – в тюрьмах, в ссылке, в изгнании, многие газеты, даже умеренно-либеральные, закрыты. К концу 80-х годов газетно-журнальная деятельность постепенно оживляется; правда, в прессе обсуждаются теперь не столько острые политические темы, сколько вопросы просвещения, общественной нравственности, религии, культуры, воспитания, женской эмансипации и т.п. Как и в первой половине века, публицистика продолжает играть большую роль не только в формировании общественного мнения, но и в воспитании эстетических вкусов и в обновлении литературного стиля.

В середине 70-х годов гражданские и патриотические темы, питавшие публицистику, входят и в поэзию традиционного плана, внося в нее струю обновления. Поэты, разделяющие взгляды просветителей, связанные с освободительным движением, все чаще стремятся отказаться от бездумных формальных ухищрений, унаследованных от эпохи упадка, обращаясь к традициям поэтов древности и неоклассиков (IX-XI вв.), заимствуя их твердость, серьезность, мужественное красноречие и звучность. Возрождение старых традиций в творчестве этих поэтов обычно сочеталось с влиянием близкой им по духу поэзии французского классицизма. Сочетание этих влияний, стремление к нормативности, рационализм, склонность к обобщенным суждениям, вытесняющим лирическое «я» поэта – все это позволяет уподобить новое направление в арабской поэзии (последняя четверть XIX – начало XX в.) европейскому просветительскому классицизму.

Крупнейшим представителем нового направления был египтянин Махмуд Сами аль-Баруди (1838-1904), военный-аристократ, видный деятель движения Ораби-паши; он занимал в революционном правительстве пост военного министра, а затем премьер-министра, и после установления английской оккупации 17 лет провел в ссылке на Цейлоне. Прекрасный знаток арабской классической поэзии, в раннем периоде он сочиняет стихи в традиционных жанрах: «васф» (описание) и «хамаса» (воспевание воинской доблести). С конца 70-х годов, в период активного участия аль-Баруди в освободительном движении, основным направлением его творчества становится политическая лирика: он скорбит о бедственном положении Египта, требует реформ, парламентского строя и прямо призывает к восстанию:

Подымайся, народ! У тебя ведь достаточно сил!

В жизни много путей, мир и благо тебя ожидают!

Уж созрели для жатвы головы наших врагов!

Где же, где же мечи – те, что головы вражки срубают?!

В период ссылки аль-Баруди писал много элегий, в традиционной форме выражающих тоску поэта по родине, по близким людям.

Аль-Баруди первым из египетских поэтов нового времени воспел пирамиды – символ могущества построивших их людей – предков нынешних египтян; впоследствии эта тема стала у египетских поэтов-патриотов одной из самых любимых. Он также впервые сделал предметом поэзии и достижения современной цивилизации: пароход, паровоз, электричество и т.п.

В арабской литературе аль-Баруди славится как новатор, сумевший использовать старые поэтические традиции для создания современной поэзии.

В Сирии к поэтам нового направления можно отнести Ибрахима аль-Йазыджи (1847-1906), сына известного поэта и просветителя Насыфа аль-Йазыджи. Это первый поэт, в чьих стихах

отчетливо отразились идеи арабского, а не исламского патриотизма. Героическая торжественность содержания его касид вполне гармонировала с традиционной поэтической формой. Ибрахим аль-Йазыджи обращается к своим соотечественникам, напоминая им о былом величии исконно арабских земель – Хиджаза, Йемена, Сирии и Ирака – и пророчит им великое будущее. В одной из касид, ходившей в тайных списках, он прямо призывает к восстанию против турецкого ига; эти строки перекликаются со стихами аль-Баруди, призывающими к восстанию против европейских колонизаторов:

Лишь мечом достигаются цели высокие,
Коли хочешь достигнуть их – меч отыщи!

Этот стих из касиды аль-Йазыджи стал девизом тайного антитурецкого общества, в которое входил поэт.

Как знамение времени стоит отметить, что в этот период в арабской литературе появляются первые в XIX веке женщины-поэтессы. Происхождением своим они связаны с известными литературными семьями: Варда Турк, дочь Никулы Турка, Варда аль-Йазыджи (1838-1924), дочь Насыфа аль-Йазыджи, Марьяна Марраш (1848-1922), сестра Франсиса Марраша, и Аиша Теймур (1840-1902), сестра известного египетского филолога Ахмеда Теймура. Две последних позже стали известны и как журналистки.

Возникновение новых направлений в прозе также связано с просветительством, ставившим во главу угла воспитательную функцию литературы. 70-е годы – время рождения арабского романа, нравоучительного и исторического. Появление его связано с европеизированной средой сирийских литераторов. Основоположником обоих упомянутых жанров был сын известного ливанского просветителя Бутруса аль-Бустани Селим аль-Бустани (1848-1884), принимавший участие во всех полезных начинаниях отца, член Сирийского просветительского общества, редактор бейрутского журнала «аль-Джинан», в котором он напечатал три исторических романа: «Зенобия» (1871), «Будур» (1872), «Любовь во времена завоевания Сирии» («аль-Хийам фи футух аш-Шам», 1874), – и шесть романов, посвященных современным социальным проблемам: «Любовь в садах Сирии» («аль-Хийам фи джINAN аш-Шам», 1870), «Асма» (1873), «Дочь нынешнего века» («Бинт аль-аср», 1875), «Фатина» (1874), «Сельма» (1879), «Самийя» (1882-84).

Главной своей задачей аль-Бустани считал улучшение общественной нравственности. В романах на современные темы он проповедует морально-этические нормы, основанные на принципах гуманности, свободы, равенства, справедливости и разума. Особое внимание уделяет аль-Бустани вопросам воспитания молодежи и семейно-любровой теме. При этом он идет не от реальной жизни к образу, а от поучения к сюжету, так что сюжеты его романов всегда являются откровенной иллюстрацией какого-либо нравственного тезиса и обязательно

содержат назидательные примеры. Единство темы и одни и те же способы ее реализации порождают стереотипные, слегка варьируемые сюжетные схемы. Герои изображаются статично; поступки их призваны не раскрывать характер, а лишь иллюстрировать заранее данное. Каждый из персонажей воплощает то или иное качество или сумму качеств, поэтому персонажи отчетливо делятся на «положительных» и «отрицательных». В их изображении сочетаются, как правило, черты рациональные и сентиментальные; в исторических романах к этим чертам добавляется обычно и героическая окраска в духе классицизма.

Появление в просветительском романе исторической темы было связано с широко распространенной в те годы патриотической идеей возрождения арабского мира. Поэтому аль-Бустани, обращаясь к историческим сюжетам, выбирает наиболее яркие периоды арабской истории – борьбу Пальмиры против Рима, арабские завоевания в VII веке, аббасидский переворот и т.п., стремясь излагать события строго по историческим источникам, но неизбежно идеализируя при этом славное прошлое арабов, в котором он стремится найти идеалы свободы, равенства, справедливого демократического правления, основанного на принципах равенства и гуманности. Аль-Бустани пытается ввести в исторический роман и любовную интригу с вымышленными героями, решая при этом вопросы морали и брака с тех же просветительских позиций, что и в нравоучительных романах, и строя характеры по тому же принципу.

Новый жанр быстро прививается в арабской литературе. В 80-х годах, в период политического затишья, большое распространение получают романы на семейные темы, порой достаточно далекие от просветительских задач («Затворница» египтянина Саида аль-Бустани, «Елена», «Демон для женщин», «Женщина-убийца» ливанца Наджиба Гаргура и др.). Из исторических романов этих лет следует отметить «Мусульманскую цивилизацию в Багдаде» («Хадарат аль-ислам фи Дар ас-салям», 1888) – произведение в эпистолярной форме из эпохи Харуна ар-Рашида (конец VIII – начало IX в.). Автор его – ливанский эмигрант в Египте Джамиль аль-Мудаввар (1862-1907), не слишком заботясь об увлекательности повествования, изображает исторические события с позиций просветителя-единомышленника Джамаль ад-дина. В начале 90-х годов появляются и первые исторические романы крупнейшего мастера этого жанра Джирджи Зейдана (1861-1914).

Линию назидательных путешествий, получивших распространение в середине века, продолжает египтянин Али Мубарак (1823-1893), основатель «Дар аль-улум» и Национальной библиотеки, автор ряда учебников для военных школ и фундаментального историко-географического труда о Египте. Герои его четырехтомного романа «Алам ад-дин» (1882), написанного частично ритмизованной прозой, – египетский ученый шейх, именем которого назван роман, его сын Бурхан ад-дин и англичанин-востоковед – совершают ставшее уже традиционным в арабской литературе XIX века путешествие в Париж (из Каира через

Александрию и Марсель). Роман состоит из 135 дорожных «бесед»: англичанин знакомит спутников с достижениями европейской цивилизации, а шейх – с культурой и обычаями Востока; попутно они рассуждают и о различных явлениях природы, растениях, животных и т.п. Не столь живой и занимательный, как подлинные путешествия, «Алам ад-дин» дает читателю множество полезных сведений, что в известной степени свойственно и историческому роману той эпохи.

Слабее развивается в эти годы новеллистический жанр. Правда, короткие рассказы, обычно нравоучительного содержания, иногда – на заимствованные из европейской литературы и старательно адаптированные сюжеты, появляются в различных журналах часто, но ничего значительного в эту область не приносят.

Активизируется и переводческая деятельность, затрагивающая уже не только научную и учебную литературу, как это было в середине века, но и художественную. Молодая арабская литература в то время едва набирала силу, она не была еще способна удовлетворить растущие читательские потребности, и произведения, переводимые преимущественно с французского и английского языков, становятся неотъемлемой частью литературы национальной. Этому способствовало сложившееся в просветительскую эпоху определенное отношение к переводу, который обычно был скорее переделкой, адаптацией и по содержанию, и по стилю, подобно тому, как это было принято в европейской переводческой практике XVIII века. Внимание арабских переводчиков привлекали произведения, отвечающие потребностям времени или легко адаптируемые в этом духе. Так были переведены «Поль и Виржиния» Бернардена де Сен-Пьера, «Атала» Шатобриана и множество безымянных назидательных рассказов и повестей, подлинники которых раскрыть не представляется возможным; наблюдается интерес к историческим романам (в первую очередь – А. Дюма и В. Скотта) и к занимательным сочинениям, из которых можно почерпнуть те или иные полезные знания (в частности, к романам Жюль Верна).

В 1870 г. по инициативе хедива Исмаила в Египте был создан профессиональный театр. Организацию его Исмаил поручает Йа'кубу Санну', своему будущему врагу. Хорошо знакомый с постановкой театрального дела в Европе и с европейской драматургией, Санну' сам создает репертуар для нового театра. Приблизительно за два года им было написано 32 пьесы, от пятиактных классических комедий до одноактных фарсов. Сюжет их нередко брался из знакомых автору европейских пьес и переделывался на арабский лад: действие переносилось в Египет, менялись имена героев, реалии, вводился живой разговорный язык. Это были обычно сатирические комедии нравов; Йа'куб Санну' высмеивал тупых и чванлых пашей и феодалов, критиковал многоженство, смеялся над невежеством и отсталостью своих соотечественников. Театр пользовался успехом, хедив относился к Санну' благосклонно и даже наградил его

титолом «египетского Мольера». Однако вскоре благосклонность сменилась недовольством: в пьесе «Родина и свобода» Исмаил усмотрел оскорбление своей персоны и всего хедивского двора. Театр был закрыт, Санну⁴ вскоре увлекся журналистикой и больше к драматургии не возвращался, если не считать сатирических диалогов, постоянно появлявшихся в его газете.

В середине 70-х годов двое эмигрантов из Сирии – упомянутый выше Адиб Исхак и племянник первого арабского драматурга Селим Наккаш – открыли арабский театр в Александрии. В репертуаре этого театра были обработанные еще Маруном Наккашем комедии Мольера (особенным успехом пользовался «Скупой») и выполненные руководителями театра переводы классических французских трагедий: «Андромахи» и «Федры» Расина, «Горация» Корнеля и др. Впоследствии руководство этой труппой принял актер Юсуф Хайят (тоже из сирийских эмигрантов) и перебрался с нею в Каир. Труппа вскоре распалась. В 1891 году в Каире открылся новый театр Искандера Фараха, в котором начал выступать знаменитый актер и певец того времени Салама Хиджази.

В сирийских городах профессионального театра еще не было, однако в любительских кружках и в Сирийском просветительском обществе в 60-х – 70-х годах спектакли ставились часто, и сирийские писатели нередко обращались к драматургическим жанрам, адаптируя произведения европейской драматургии или используя хорошо известные в арабской классике сюжеты.

Так, в Дамаске в 1868 г. была поставлена пятиактная трагедия в стихах поэта Ибрахима Ахдаба (1826-1891) «Александр Македонский», в которой, по оценке А. Крымского, больше авторской фантазии, чем истории; более удачной работой Ахдаба он считает драму «Ибн Зейдун в Андалусии».

Как драматург выдвинулся и Селим аль-Бустани, который писал пьесы на исторические сюжеты и перевел трагедию Шекспира «Отелло». Наибольшей известностью пользовалась его стихотворная драма на традиционный сюжет о Меджнуне и Лейле – «Кайс и Лейла», написанная под несомненным влиянием «Ромео и Джульетты». Пьеса была поставлена деятелями Сирийского просветительского общества в Бейруте в 1868 г.

Десятилетие спустя в бейрутском любительском кружке «Захрат аль-адаб» («Цветок литературы») была с успехом представлена еще одна трагедия, содержание которой заимствовано из старинной арабской легенды – «Мужество и верность» («аль-Мурувва ва-ль-вафа») Халиля аль-Йазыджи (1856-1889), младшего брата поэта Ибрахима аль-Йазыджи. В основе трагедии лежит известный бродячий сюжет (поручительство за друга, осужденного на казнь и попросившего отсрочки), приуроченный в арабской легенде к царствованию хирского князя Мунзира III (IV в.). Трагедия эта, высоко оцененная арабской критикой, написана звучными стихами, высоким стилем и, несомненно, – под влиянием драматургии французского

классицизма, с подчинением требованию трех единств. Впервые она была опубликована в 1884 г.

В 80-90-е годы продолжается развитие обеих линий драматургии – и комедии нравов с применением разговорного языка, и высокой трагедии. В области комедии следует отметить египтянина Мухаммеда Османа аль-Джаляля (1829-1898), выпускника «Школы языков», известного переводчика басен Лафонтена (в стихах) и «Поля и Виржинии» (в рифмованной прозе). Ему принадлежат очень живые стихотворные переделки комедий Мольера: «Тартюф» (1873), «Ученые женщины», «Школа мужей», «Школа жен» (1890), «Надоедливые» (1897). Действие всех пьес перенесено в Каир XIX века: герои говорят на разговорном языке, египетский национальный колорит передается введением соответствующих реалий, топонимики, цитат из Корана, грубоватых народных шуток. Комедии эти при жизни аль-Джаляля на сцене не ставились.

Аль-Джаляль переводил и классические трагедии: «Александр Великий», «Эсфирь», «Ифигения» Расина (1894), «Сид» и «Гораций» Корнеля (1898); одна из них – «Эсфирь» – благодаря библейскому сюжету часто ставилась на праздниках в миссионерских школах Сирии и Палестины. Особенно же прославился стихотворными переводами и переделками европейской драматургии ливанский эмигрант в Египте Наджиб аль-Хаддад (1867-1898), который дал арабской сцене «Царя Эдипа» Софокла, «Сида» и «Цинну» Корнеля, «Федру» и «Беренику» Расина, «Ромео и Джульетту» Шекспира, «Эрнани» Гюго и др., а также сам написал две исторические трагедии: «Салах ад-дин Айюбид» (сюжет заимствован из «Талисмана» В. Скотта) и «Шесть бедуинов» – из доисламской истории. Интерес его к исторической тематике имел, несомненно, те же корни, что и у романистов.

Аль-Хаддад в своем творчестве понемногу освобождается от канонов классицизма, не соблюдая правило трех единств и внося в трагедии определенную сентиментальную струю. До Первой мировой войны его произведения были излюбленными пьесами египетского театрального репертуара.

Во второй половине 1890-х – начале 1900-х годов в Египте оживляется национально-освободительное движение. Египетские националисты, отражавшие взгляды молодой национальной буржуазии, выдвигают два основных требования: прекратить оккупацию страны и установить конституционный режим. В 1906-1907 годах по всей стране прокатывается волна протеста против англичан. Возникают первые политические партии, требующие независимости и внутренних прогрессивных преобразований; они добиваются выборов в Законодательное собрание. Однако, в начале Первой мировой войны Англия ставит Египет под свой протекторат и делает его своей главной базой на Ближнем Востоке.

Недовольство египетской буржуазии и помещиков, лишенных и политических прав, и

большей части военных доходов, нарастая, смыкалось с возмущением египетских простых граждан, чье материальное положение в годы войны было крайне тяжелым. В разных концах страны стихийно возникали вспышки протеста.

В начале XX века подъем национально-освободительного движения намечается и в Сирии. Первоначально сирийские патриоты поддерживают младотурок, но впоследствии, разочаровавшись в их политике, создают самостоятельные националистические общества, а в 1912 году основывают свою партию, требующую автономии арабских провинций Османской империи. Во многих городах проходят волнения. В годы войны националисты стараются использовать благоприятный момент для освобождения от турецкого господства, опираясь на помощь Англии. Народные массы испытывают лишения, растет недовольство. В 1915 году начинается вооруженное восстание против турок, которое повлекло за собой жестокие репрессии турецкого правительства, но не сломило дух патриотов.

Рост национального самосознания и развитие освободительного движения оказывают существенное влияние на характер публицистики и прессы тех лет. В Египте появляются газеты, систематически выступающие против британской оккупации и поддерживающие при этом панисламистские тенденции: «аль-Устаз» («Учитель») Абдаллаха ан-Недима, бывшего участника движения Ораби; «аль-Лива» («Знамя»), которую издавал известный публицист-патриот, «трибун Египта» Мустафа Камиль (1874-1908), и др. Однако, в мусульманской среде уже начинает возникать и разочарование в панисламистских идеалах. Так, Вали ад-Дин Йекун (1873-1921) – турок, связавший навсегда свою жизнь с Египтом – резко критикует в своих статьях и эссе результаты младотурецкого переворота, не принесшего никакого облегчения арабским странам. Ахмед Лутфи ас-Сеййид, редактор газеты «ас-Сийаса» («Политика»), выдвигает идею египетского патриотизма вне религиозных рамок, подчеркивая связь современных египтян с их древними предками; эта идея впоследствии нашла широкое распространение среди египетских националистов.

Расширяется и патриотическая печать Сирии. Сирийские и египетские газеты получают распространение и в других странах арабского Востока, где пресса еще только зарождается. В газетах и журналах затрагиваются также вопросы внутренней жизни арабских стран, выдвигаются требования конституции, демократических свобод, женской эмансипации. Появляются первые женские журналы, в печати впервые выступают женщины-журналистки: Марьяна Марраш, Хинд Науфаль, Лабиба Хашим и др.

Левое крыло «мусульман-реформистов» последовательно поддерживает борьбу за освобождение и демократические преобразования, давая ей теоретическое обоснование. Так, сирийский шейх Абд ар-Рахман аль-Кавакби (1849-1902) в своих известных трудах «Природа деспотизма» («Табаи' аль-истибад», 1901) и «Мать городов» («Умм аль-кура», 1902) связывает

религиозно-реформистские идеи с борьбой против тирании и деспотизма, за свободу, равенство и просвещение. На рубеже XIX-XX веков выходят нашумевшие книги египтянина Касема Амина (1865-1908), излагающие подробную программу освобождения мусульманской женщины на основе «модернистского» толкования Корана.

В поэзии этого периода продолжается развитие классических традиций аль-Баруди. Среди его последователей особенно выделяется «эмир поэтов» Ахмед Шауки (1868-1932), которого арабы считают величайшим поэтом нового и новейшего времени. На первом этапе своего творчества (до Первой мировой войны) аристократ Шауки – придворный поэт хедива Аббаса II, умелый панегирист, откликающийся в газетах на все важные государственные события, и в то же время – изящный куртуазный лирик. Под влиянием идей национального и мусульманского возрождения он продолжает начатую аль-Баруди линию патриотической поэзии в старинном торжественном духе, создавая панегирики в честь пророка Мухаммеда и воспевая былую славу Египта. Особенно знаменита его так называемая «фараонская» касыда, в которой восставший из гроба Тутанхамон скорбит о современном положении Египта. В 1915 году английские власти высылают поэта из страны за гневные стихи, направленные против британского протектората.

Современник Шауки – «поэт Нила» Мухаммед Хафиз Ибрахим (1870-1932), претерпевший в жизни много трудностей и лишений, с самого начала своего творчества был близок к кругу передовых общественных деятелей (Мухаммед Абдо, Мустафа Камиль и др.). Наряду с лирикой, традиционными элегиями и патриотическими касыдами о величии Древнего Египта М.Х. Ибрахим печатает в газетах свои стихи – политические речи: он возмущается англо-французским договором о разделе сфер влияния на арабском Востоке (1904), обличает английский произвол, призывает молодежь к борьбе за освобождение Египта, требует социальных реформ. Стихи М.Х. Ибрахима, не столь блестящие и отточенные по форме, как у Шауки, отличаются большей искренностью, музыкальностью и простотой.

В рамках неоклассицизма можно рассматривать и полный стихотворный перевод «Илиады» Гомера, выполненный племянником Бутруса аль-Бустани Сулейманом (Каир, 1904), с комментарием и обширным серьезным исследованием, в котором автор сопоставляет «Илиаду» с древней арабской поэзией. Этот труд и по широте замысла, и по глубине подхода к оригиналу, и по качеству исполнения – явление исключительное во всей арабской переводческой практике просветительской эпохи.

К этому же времени относится и зарождение романтического направления в арабской поэзии, испытывающего влияние европейского романтизма, в первую очередь – французского. Основоположником романтической школы, расцвет которой приходится на 20-30-е годы XX века, считается ливанец Халиль Мутран (1872-1949), почти всю жизнь проживший в Египте. Для его творчества характерны свободолюбивые мотивы, особенно чувствуются бунтарский дух

и гуманистическая направленность; даже пирамиды, воспеваемые аль-Баруди и Шауки как свидетельство могущества египетской нации, для Мутрана лишь символ бесчеловечной тирании фараонов. Его касыды на исторические темы, несколько напоминающие европейские романтические баллады, звучат гневным предупреждением сегодняшним тиранам. В лирике Мутрана слышны живые интонации, он стремится запечатлеть все тончайшие душевные настроения, причем особую роль здесь играет впервые вошедший в новую арабскую поэзию лирический пейзаж.

Мутран еще не пытается сломать традиционную форму стиха: он сохраняет старые ритмы, придерживается монорима, очень редко употребляя даже классическую строфическую форму – мувашшах. В то же время он старается уйти от застывших стилистических канонов и большое внимание уделяет композиции стихотворения, стремясь к тому, чтобы оно представляло собой органическое целое, а не распадалось на законченные самостоятельные строки, как это бывало обычно у старых поэтов и их последователей.

Х. Мутран известен и как переводчик драм Шекспира («Отелло», «Гамлет», «Венецианский купец» и др.).

В зависимости от различной культурной ориентации основных течений в арабском просветительстве, в прозе этого периода также достаточно отчетливо различаются две школы, которые можно условно назвать сирийской и египетской. Сирийская школа, ведущая свое начало от Селима аль-Бустани, внесла в арабскую литературу европейский роман и европейскую новеллу. Продолжая развивать просветительскую линию литературы, писатели сирийской школы хотят сделать свои произведения максимально доступными для самых широких масс. В большинстве своем они не мусульмане, а поэтому не должны соотноситься с языковыми и стилевыми канонами, продиктованными Кораном. Стремясь писать как можно проще, «соответственно времени», некоторые из них вообще перестают заботиться о красоте и выразительности языка; вырабатывается так называемый «телеграфный» стиль, понятный самому неискушенному читателю.

Распространение идей национального возрождения стимулирует расцвет исторического романа. Крупнейшим писателем этого жанра был ливанский эмигрант в Египте Джирджи Зейдан (1861-1914), основатель существующего до сих пор журнала «аль-Хияль» («Полумесяц»), носившего первоначально просветительский характер. Автор множества исторических, географических, филологических и историко-литературных трудов, Зейдан создал целую серию (более 20) романов, посвященных самым острым моментам в истории арабов от начала распространения ислама до младотурецкой революции 1908 года («Египтянка Арманосса», «Абу Муслим аль-Хорасани», «Аббаса, сестра ар-Рашида», «Беглый мамлюк» и др.). Подобно аль-Бустани, Зейдан стремится соединить в своих романах познавательно-

назидательный элемент с развлекательным. Он вводит в исторический сюжет, на манер Вальтера Скотта, вымышленных героев и обязательную любовную интригу.

В своем творчестве Зейдан преследует в первую очередь воспитательные цели. Его романы служат умственному воспитанию, ибо содержат большое количество исторических сведений, в которых автор стремится быть предельно точным и беспристрастным, чтобы обогатить своих читателей достоверными знаниями. Но не менее важно для него и цель нравственного воспитания, которому служит ярко выраженная назидательная направленность как исторических, так и любовных сюжетов. В его романах постоянно происходит борьба добра и зла: силы добра олицетворяют высокую нравственность, гуманизм, благородные общественные идеалы, разум и просвещение, силы зла – безнравственность, деспотизм, корыстолюбие, узость духовных интересов, суеверие. Изображение характеров у Зейдана подчинено законам просветительской литературы: это не столько живые люди, сколько воплощение определенной суммы положительных или отрицательных качеств, иллюстрация тех или иных нравственных принципов.

Романы Зейдана пользовались огромной популярностью, и не только на арабском Востоке: они переводились на хинди, персидский и азербайджанский языки. Такой популярности способствовали простой язык, занимательные сюжеты и актуальность содержания, ибо исторические коллизии в его романах всегда были спроецированы в современность под углом воззрений арабского просветительства.

Вслед за Зейданом к жанру исторического романа обратились его младшие современники, тоже ливанские эмигранты в Египте: Фарах Антун, Йа'куб Сарруф и др., – также тесно связывая историю с просветительскими идеями.

Фарах Антун (1874-1922) считал наиболее полезным для современного ему общества социально-философскую прозу, способствующую формированию «прогрессирующих личностей», количеством которых, по его мнению, определяется уровень развития нации. Некоторые повести он строит в испытанной уже в арабской литературе форме путешествий, однако цель его при этом – не описание конкретных мест, фактов, обычаев, как это было у предшественников, а столкновение философских и политических идей, важных для современности. Так, герои его романа «Религия, наука и капитал» («ад-Дин ва-ль-'илм ва-ль-маль») обсуждают основные противоречия, возникающие между рабочими и капиталистами; герои романа «Зверь! Зверь! Зверь!» («Аль-Вахш! Аль-Вахш! Аль-Вахш!») – проблемы гуманности, добра и зла; в романе с историческим сюжетом «Новый Иерусалим» («аль-Урушалим аль-джадида») – эти же проблемы рассматриваются в свете ренановской концепции христианства. Как это обычно в просветительском романе, изображение характеров, сюжет, композиция – все открыто подчинено задаче выражения идейного замысла автора; однако у Ф.

Антуна мы встретим уже некоторые попытки индивидуализации характеров, психологического подхода, с явно сентиментальной окраской.

Вообще, арабскому просветительскому роману сирийской школы, при всем его рационализме, свойственны и черты сентиментальные: интерес к героям из «третьего сословия», пристрастие к изображению их трогательных чувств и умиление этими чувствами, слезливое сострадание к их несчастьям и забота о том, чтобы читатель поделился с автором его умилением и состраданием. Такое сочетание чувствительного и рационального свойственно и европейскому просветительскому роману, что было отмечено еще Белинским в отношении «Поля и Виржинии» Бернардена де Сен-Пьера.

Появление в арабской литературе собственных рассказов и романов в европейском духе способствовало развитию переводческой деятельности, облегчая восприятие переводимых произведений; переводная же литература, в свою очередь, помогала воспринимать все новые явления, возникавшие в самой арабской литературе. На рубеже XX века к переводам английской и французской литературы присоединяются переводы литературы русской – результат деятельности школ Палестинского общества. По-прежнему сохраняется тенденция к вольному переводу, адаптации материала в духе времени. Сам выбор произведений для перевода также отражает интересы и вкусы эпохи. Как и ранее, популярны европейские исторические романы (в том числе и «Князь Серебряный» А.К. Толстого, появившийся под характерным названием «Ужасы деспотизма»), а также произведения назидательного характера, в частности, например, философские произведения Л.Н. Толстого («Крейцера соната», «Воскресение», «Народные рассказы» и др.). Чрезвычайную популярность начинают приобретать и сентиментально-романтические романы и повести, особенно те, в которых при переводе сентиментальную струю легко можно было усилить и добавить какое-либо поучение.

По-иному, чем сирийцы, отражают просветительские тенденции писатели египетской школы, связанные своей деятельностью, взглядами, политическими симпатиями с вождями «мусульманского модернизма» и скептически относящиеся к европейскому культурному влиянию. Они борются за независимость Египта и уничтожение феодальных пережитков своими средствами, прежде всего стремясь оживить, осовременить арабское культурное наследие. Эти писатели пытаются использовать традиции классической прозы, в частности – возродить жанр макамы, вложив в него современное содержание. Самый знаменитый из таких «романов-макам» – «Рассказ Исы ибн Хишама» («Хадис Иса ибн Хишам») Мухаммеда аль-Мувейлихи (1858-1930) – яркая сатира на египетскую жизнь в период оккупации. В нем изображены злоключения и наблюдения некоего паши, который чудесным образом восстал из гроба и совершает путешествие по Каиру. В результате паша приходит к выводу, что Египет, если он хочет сохранить свое существование, должен пойти по пути реформ, направленных на

восстановление всего лучшего из старой цивилизации.

Для того, чтобы традиционная макаменная форма могла служить новому содержанию, аль-Мувейлихи и его последователи эту форму несколько модернизируют, однако при этом все равно сохраняется один из основных художественных принципов макамы – условность сюжета и способа изображения. Эти свойства делают жанр макамы непродуктивным для дальнейшего развития арабской прозы в сторону реализма, ибо герои макамы никогда не могли бы стать неповторимо индивидуальными характерами, без чего реалистическое изображение невозможно. Поэтому египетские писатели рано или поздно должны были обратиться к формам свободного повествования, волей-неволей использовать опыт литературы Запада.

Особенно ярко отразилось противоречивое отношение египетского просветительства к европейской литературе в творчестве Мустафы Лутфи аль-Манфалуты (1876-1924), известного в арабской литературе своими рассказами и эссе, в которых европейское влияние сочетается с чертами средневековых посланий (рисаля). Мусульманин-азхариот, ученик Мухаммеда Абдо и ярый патриот арабской культуры, аль-Манфалуты порицает и консерваторов, задерживающих ее развитие, и западников. Однако, при всем, казалось бы, отрицательном отношении к европейской культуре, аль-Манфалуты в своих рассказах и эссе постоянно повторяет идеи французского Просвещения, почерпнутые им у сирийских просветителей, и даже переделывает на арабский лад кое-кого из известных ему в переводе французских авторов (Бернарден де Сен-Пьера, Ростана, Дюма-сына и др.).

Аль-Манфалуты можно считать одним из основоположников арабского сентиментализма. Он проповедует «долг милосердия» по отношению ко всем слабым и беззащитным, неимущим, в частности – по отношению к женщине. Он сочувствует всем несчастным, умиляется их терпением и, подобно своим сирийским коллегам, льет слезы и вздыхает, как только коснется любовной темы. Аль-Манфалуты прочно вводит в арабскую литературу простого человека, ставя в центр внимания мир его чувств и переживаний.

Соответственно содержанию меняется и стиль. Сам аль-Манфалуты считал, что секрет хорошего стиля заключается в правдивом и точном отражении идеи автора. Именно благодаря этому принципу ему удалось возродить классический стиль так, чтобы он удовлетворял всем требованиям современности, не теряя своей красоты и силы.

Так – через просветительскую манеру письма и сентиментализм – арабская литература шла к критическому реализму. Влияние европейского сентиментализма (в частности, Руссо) попадало в арабской литературе на весьма благоприятную почву благодаря старинной слезливо-сентиментальной традиции изображения любовного чувства, начиная с бедуинской поэзии и кончая сказками «1001 ночи».

Черты сентиментализма сохранялись и в первых произведениях египетской реалистической

школы, рождение которой приходится на конец второго – третье десятилетие XX века. Первым произведением этой школы считается повесть «Зейнаб» (1914) Мухаммеда Хусейна Хайкала (1888-1956), впервые в арабской литературе доказывающая давно известную для Европы истину, что «и крестьянка любить умеет». Трогательная история крестьянской девушки Зейнаб, полюбившей безземельного батрака, но выданной замуж за другого и гибнущей с горя от чахотки, развивается на фоне картин жизни египетской деревни и опозитизированного автором труда феллахов, которых он изображает как прямых потомков древних египтян – строителей пирамид. Идейная основа, сюжет, герои, способ их изображения, диалоги на разговорном языке – все это уже отвечает сформулированным позже требованиям «египтизации» литературы, выдвинутым египетской реалистической школой.

Первые новеллы, в которых проявились черты реализма, по большей части еще без стройного сюжета, а также первые современные египетские бытовые комедии и драмы на разговорном языке создал Мухаммед Теймур (1892-1921), известный также как историк театра и театральный критик, ставивший своей задачей создание современного национального египетского театра. Ко времени его театрально-критического творчества в арабской драматургии уже наметилось стремление к реализму, хотя и достаточно робкое. Постоянные театральные труппы существуют только в Египте, иногда они выезжают на гастроли в Сирию и Ливан. В 1890-1900-х годах на арабской сцене господствуют мелодрамы и водевили (по большей части переводные) с пением и танцами – обычный репертуар знаменитого Саламы Хиджази; меньшим успехом пользуются пьесы классического характера, например, трагедии аль-Хаддада.

Подлинный переворот в арабском театре совершил ливанский актер Джордж Абйад, получивший специальное образование во Франции. В 1911 году он по поручению хедива организовал труппу и в течение целого года готовил с ней сравнительно небольшой, но серьезный репертуар, в том числе «Эдип-царь» Софокла (в переводе Фараха Антуна) и «Отелло» в переводе Халиля Мутрана. Спектакли шли на очень высоком художественном уровне, небывалом до той поры в арабском театре. В 1913 году Абйад начал ставить и современные пьесы, в частности – две пьесы Фараха Антуна: «Египет новый и Египет старый» («Миср аль-джадида ва-миср аль-кадима») и «Девушки, выходящие на улицу, и девушки-затворницы» («Банат аш-шавари' ва-банат аль-худар»). Особый интерес представляет «Египет новый и Египет старый» – своего рода переход от стадии просветительской к стадии реалистической. В этом произведении еще немало откровенно-назидательного, сюжет взят мелодраматический, но в характерах и конфликтах все большее значение приобретает правдивое отражение реальности, используется разговорный язык. Действие пьесы происходит в современном Египте и затрагиваются в ней волнующие общество социальные вопросы; автор

пытается изобразить «героя нового Египта», энергичного, волевого, активного человека – ту силу, которая противостоит старому, разлагающемуся, пассивному Египту, подчинившемуся влиянию Запада.

Особое место в арабской литературе этого периода занимает так называемая «сиро-американская школа», сложившая к началу XX века в среде арабских эмигрантов в США и не представляющая строгого единства. Мировоззрение и литературные вкусы ее представителей формировались под влиянием трех культур: арабской, европейской и американской; многие из них писали на двух языках: арабском и английском.

На раннем этапе это преимущественно романтическая школа. Для писателей, входящих в нее, характерно, особенно на первых порах, стремление полностью порвать с традиционностью арабской литературы – и по содержанию, и по форме. Идеи «мусульманского модернизма», игравшие такую важную роль на Востоке, здесь совершенно оттеснены на задний план (тем более, что почти все писатели – христиане), и проблемы родины, ее освобождения, культурного подъема рассматриваются вне всякой связи с религией. Протест против западной буржуазной цивилизации носит также иной характер – это не проявление религиозного консерватизма и не обличение пороков, вредящих общественной нравственности, а разочарование людей, познакомившихся с этой цивилизацией на месте и познавших ее обманчивый характер. Это разочарование и в традиционном Востоке, и в новом буржуазном Западе вносит в творчество писателей-эмигрантов ноты растерянности и пессимизма, порождает романтический бунт против окружающего мира.

Романтики сиро-американской школы явились новаторами в области формы: они создали новый для арабской литературы жанр – стихотворение в прозе (аш-ши‘р аль-мансур).

Первым из сиро-американских писателей приобрел известность Амин ар-Рейхани (1876-1940), «философ долины аль-Фурейки» по отзыву передовой арабской прессы, или «подкидыш гнилого Запада» – по характеристике реакционных клерикальных кругов. Попад в Нью-Йорк двенадцатилетним мальчиком и полюбив арабские страны позже, по книгам, ар-Рейхани не раз возвращался в Ливан, а после Первой мировой войны переселился туда окончательно. С 1900 года он печатает свои стихотворения в прозе, эссе и афоризмы в эмигрантской и бейрутской прессе; впоследствии эти произведения были собраны в четыре сборника «ар-Рейханийят» (I, II – 1910; III, IV – 1923).

Ар-Рейхани – противник буржуазного мира, в котором равенство и свобода оборачиваются ложью; глубокие и трудные жизненные противоречия встречают его и на родине. Он видит путь прогресса мира в личном самоусовершенствовании и просвещении, «в верном воспитании и истинном образовании», но реальная жизнь на каждом шагу рушит его теории. Последним спасением для него остается родная природа, к которой он испытывает благоговейное, почти

религиозное чувство, посвящая ей многие стихотворения в прозе.

В ряде очерков ар-Рейхани со скорбью описывает беды арабов в годы войны; философские раздумья о том, что происходит в мире, ведут его к сомнению в божественной справедливости. В его творчестве звучит иногда тема революции – «Страшного суда для тиранов», однако его революционные представления крайне расплывчаты.

Ар-Рейхани считал своим учителем (особенно по части новой формы) американского поэта Уолта Уитмена; на самом деле, его стихотворения в прозе несут на себе не в меньшей степени и черты влияния классической арабской литературы, вплоть до Корана. По определению И.Ю. Крачковского, «Рейхани кажется, что он одет в смокинг, и вдруг зритель к своему изумлению убеждается, что смокинг сшит из красочного дамасского шелка».

К раннему периоду творчества ар-Рейхани относится и романтическая повесть «Вне стен гарема» (Харидж аль-харим, 1915). Действие ее происходит в Стамбуле, в дни Первой мировой войны. Ар-Рейхани сталкивает между собой две «сильные личности», два начала – гуманное, в лице Джихан, турецкой эмансипированной женщины, и ницшеанское, представленное немецким генералом Валленштейном, который терпит полное моральное поражение и гибнет от руки Джихан.

В послевоенные годы ар-Рейхани обратился к жанру путевых заметок, совершая длительные путешествия по разным арабским странам, многие из которых тогда были неизведанными для западного мира землями.

Лидером сиро-американской школы считался Джебран Халиль Джебран (1883-1931), один из самых ярких представителей арабского романтизма, известный также как художник-график и живописец. Среднее образование он получил в Бейруте, художественное – в Париже; литературными корнями своими он с самого начала был связан с Востоком не менее, чем с Западом.

Как и ар-Рейхани, Джебран не приемлет буржуазного мира и в то же время очень остро ощущает жестокую противоречивость жизни на родине. В начальный период его больше всего занимает тема положения женщины на арабском Востоке и разоблачение лицемерия и ханжества христианского духовенства. Отражение этих тем можно найти и в его стихотворениях в прозе, собранных в 1914 году в книгу «Слеза и улыбка» (Дам'а ва-бтисама), в сборниках его рассказов «Невесты лугов» (Ара'ис аль-мурудж) и «Мятежные души» (аль-Арвах аль-мутамаррида), в повести «Сломанные крылья» (аль-Аджниха аль-мутакассира, 1912). Повесть эта сходна по сюжету с «Зейнаб» Хайкаля: в центре ее – судьба несчастной девушки, выданной замуж за нелюбимого и умирающей в тоске. Как и у Хайкаля, в повести много сентиментальных черт: изображение любви как возвышенного святого чувства, родства душ; стремление к утонченной психологической разработке эмоциональной стороны характеров,

слезы, умиление, сентиментальный пейзаж и т.п. Однако, для «Сломанных крыльев» характерна определенная романтическая окраска: внешние реальные обстоятельства жизни отодвигаются на задний план, внимание сосредоточено на возвышенных беседах и переживаниях героев, и всё чрезмерно обострено – конфликты, восприятия, характеры.

Сентиментально-романтическая окраска свойственна и его рассказам, и стихотворениям в прозе. В них, наряду с жертвами порочного мироустройства, оплакиваемыми автором, часто появляются герои-мятежники, восстающие против законов буржуазного мира и религиозных оков, романтические герои-одиночки, «исключительные личности».

Как ар-Рейхани искал для себя прибежища в родной ливанской природе, так Джебран создает в своем воображении идеальное царство любви, красоты и всеобщей гармонии, воплощение которых он также находит в природе. Любовь и красота кажутся ему единственной истиной, он поклоняется им как божеству, и когда он говорит о любви, в его стихотворениях в прозе начинают звучать библейские интонации. Мечту об этом царстве гармонии он проносит сквозь всю свою жизнь; мы встречаем ее и в поздних его произведениях на английском языке, в которых писатель стремился изложить собственную философскую концепцию.

Во втором десятилетии XX века в литературе арабских эмигрантов можно проследить появление и реалистических тенденций. Пионером в этой области является друг Джебрана Михаил Нуайме (1889-1988), учившийся в учительской семинарии Палестинского общества в Назарете, а затем в Полтаве и закончивший свое образование на юридическом факультете Вашингтонского университета. В своей автобиографии он говорит о решающем значении русской литературы, в частности – «литературных идеалов Белинского», – для его собственного творчества.

Нуайме принадлежат большие заслуги в развитии арабской литературной критики: он одним из первых выступил с последовательной защитой принципов реализма, на основе которых показал, в чем заключаются современные задачи художественной литературы и критики, и дал суровую объективную оценку произведениям поэтов-традиционалистов.

Влияние русских классиков XIX века особенно чувствуется в его ранних произведениях: новеллах 1911-1918 годов в сборнике «Было, не было» (Кан ма кан, 1937), посвященных жизни ливанских крестьян на родине и в эмиграции, и в драме «Отцы и дети» (аль-Аба ва-ль-банун, 1917), изображающей столкновение носителей старых косных традиций с молодежью, захваченной новыми либеральными идеями. Писательская манера Нуайме отличается искренностью, мягкой лиричностью без сентиментальности и юмором. Язык его прост и выразителен, без всякого стремления к традиционному украшательству. В драму он пытается ввести разговорный язык, обосновывая свою попытку требованиями реализма.

Во втором десятилетии XX века продолжает развиваться романтическое направление в

поэзии, особенно в творчестве египетских поэтов, составивших содружество «Диван»: Абд ар-Рахмана Шукри (1886-1956), Аббаса Махмуда аль-Аккада (1889-1964) и Ибрахима аль-Мазини (1890-1949). Их литературные идеалы сформировались под влиянием английского и французского романтизма (главным образом, Шелли и Мюссе); в средневековой арабской поэзии примерами для них были изящный лирик, певец природы Ибн ар-Руми (IX в.) и философ-пессимист Абу-ль-Аля аль-Ма'ари (XI в.). Не порывая полностью с арабской классикой, они все же скорее были «западниками» и сурово критиковали приверженцев классицизма (Шауки и Хафиза) за излишнюю традиционность, недостаток чувства и отсутствие в стихах «души самого поэта». Революционные настроения, бунтарский дух сочетались в их творчестве с чрезвычайным субъективизмом. Повышенное внимание к человеческой личности, ее мыслям, чувствам и переживаниям – такова была реакция, в духе времени, на излишнюю «холодность» и рассудочность классицизма, придающая египетскому романтизму сентиментальную окраску. Поэты-романтики стремятся использовать все богатство арабского литературного языка, презрев требования «высокого стиля». Романтики вносят обновление и в структуру стиха, применяя парную рифмовку (а иногда даже несвойственный арабам белый стих) и новые ритмы.

Подводя итог рассмотрению развития литературы в Египте и Сирии с XIX в. до начала третьего десятилетия XX в., можно сказать, что оно подготовило формирование в арабской литературе реалистического направления – уже на следующем этапе ее развития.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЛЕКЦИИ 14

Художественная литература Йемена в XX – начале XXI века

Суворов М.Н.

Накануне появления в Йемене литературы нового типа, то есть в начале второй трети XX в., страна в политическом отношении не была единым государством. Так называемый Северный Йемен представлял собой независимый имамат, а Южный Йемен был разделен на мелкие султанаты и шейхства, входившие в сферу политического влияния британской колониальной администрации Адена – одного из крупнейших в то время морских портов и самого экономически развитого города на всем Аравийском полуострове. Население всего Йемена, за исключением многонационального Адена, сохраняло традиции и образ жизни средневекового мусульманского общества. Экономика базировалась на натуральном хозяйстве: террасном земледелии, скотоводстве и мелких ремеслах. Общество по своей структуре было родоплеменным и делилось на страты, различные по своему декларируемому происхождению и социально-экономическим функциям.

Средневековый образ жизни определял характер основных общественных проблем и конфликтов. К таковым можно отнести кровавые племенные междоусобицы, возникавшие по большей части из-за земельных споров, чрезвычайно высокий уровень смертности из-за эпидемий и неурожаев, нищету населения и властный произвол, породившие массовую трудовую эмиграцию (особенно из Северного Йемена). Проблемой было и полное бесправие женщины, наиболее ярко проявлявшееся в практике купли-продажи невесты, что приводило к конфликтам между потенциальными женихами и зачастую делало семейную жизнь несчастливой.

Крайне низким был уровень грамотности. По-настоящему читать и писать умели лишь представители йеменской религиозно-административной элиты, передававшие из поколения в поколение классическую традицию арабской словесности. Именно в их среде создавалась и бытовала местная рукописная литература религиозно-правового, историко-биографического и – в меньшей степени – назидательно-развлекательного содержания, сохранявшая средневековые черты.

Отсутствие развитой письменной традиции компенсировалось традицией устной, культивировавшей различные жанры фольклора и особенно поэзию на разговорном языке, которая в основном и определяла художественные вкусы населения. Без декламации стихов не обходился ни один праздник, ни одно общественное мероприятие, ни одни дружеские

посиделки. Именно посиделки были главным, если не единственным, видом проведения досуга, как в сельской местности, так и в городах.

Появление в Йемене первых собственных образцов литературы нового типа связано с процессом арабского культурного возрождения, который в стране начался в 20-х годах XX века, в многонациональном Адене. Здесь представители нескольких арабских торговых семей, получившие образование западного образца в открытых колониальной администрацией средних школах и хорошо знакомые с идеями арабского возрождения, ан-Нахды, начали искать пути самоутверждения в политической системе колонии, опираясь при этом на свою этническую и религиозную принадлежность к большинству аденцев – арабам-мусульманам. Своей основной задачей эти люди считали просвещение арабского населения; они создавали культурно-просветительские клубы, открывали частные школы, добивались проведения реформ в системе государственного образования, распространяли газеты и книги, изданные в других арабских странах.

Собственно датой рождения современной йеменской художественной литературы и, в частности, прозы следует считать 1940 год, когда лидер аденских просветителей Мухаммед Али Лукман начал издавать первую в Йемене независимую арабскую газету «Фатат аль-Джазира». Именно в этой газете были опубликованы нравоучительные рассказы аденских просветителей: Мухаммеда Али Лукмана, Хамзы Али Лукмана, Хамеда Абдаллаха Халифы и Мухсина Хасана Халифы, которых современная йеменская литературная критика называет «поколением Фатат аль-Джазира». Мухаммед Али Лукман стал автором и первой просветительской повести «Саид» (1939). Хотя сочинения этих авторов в тематическом и сюжетно-образном отношении стали фактически повторением сочинений египетских и сирийских просветителей последней трети XIX века, в их повествовательном стиле не было уже никаких черт средневекового арабского адаба. Таким образом, с точки зрения стиля современная йеменская проза начала свое развитие с той стадии, к которой новая египетская литература шла едва ли не целое столетие.

Критикуя индивидуальные человеческие пороки и заблуждения, прославляя добродетели, аденские просветители, тем не менее, затрагивали и некоторые проблемы общественной жизни Адена. Вышедшая через девять лет после публикации повести Лукмана повесть Абдаллаха Мухаммеда ат-Теййиба Арслана «Дневник контрабандиста», в которой уже откровенно критиковалось привилегированное положение в Адене иностранцев и почти документально были изображены многие черты общественной жизни города тех лет, типологически приближается к реалистическому произведению. Таким образом, чисто просветительская повествовательная манера в современной йеменской прозе безраздельно господствовала лишь в

течение девяти лет, между выходом в свет двух указанных повестей, породив, помимо этих повестей, несколько десятков нравоучительных рассказов с социально-бытовой тематикой.

В 40-е годы идет процесс обновления и в йеменской поэзии. Североиеменский поэт Мухаммед Махмуд аз-Зубейри, проживший много лет в Египте, вносит злободневную социально-политическую тематику в стихи классической формы; в последующие десятилетия эта манера получает дальнейшее развитие в творчестве Абдаллаха аль-Бараддуни, одного из самых известных йеменских поэтов. В творчестве аденских поэтов в 40-е годы развивается романтическая тенденция, черты которой проявляются в стихах Али Мухаммеда Лукмана, Ахмеда аш-Шами, Мухаммеда Са'ида Джарады, Мухаммеда Абдо Ганема, Идриса Ханбали; наибольшей своей выразительности эта тенденция достигает в творчестве Лутфи Джа'фара Амана.

Ускоренная политизация с конца 40-х годов общественной жизни в Адене, обусловленная как внутренними факторами, так и общим ростом социально-политической активности в арабском мире, распространение националистических настроений и продолжающееся знакомство с современной литературой других арабских стран – все это способствовало утверждению среди йеменцев представления о том, что литература должна быть отражением жизненных реалий, а не инструментом морализаторства. Росло число создаваемых общественно-политических организаций и выпускаемых ими периодических изданий, дающих йеменцам новые возможности для литературного творчества. Быстрое развитие аденской прессы формировало журналистскую среду, из которой выходили новые прозаики, стремившиеся отразить в своих произведениях реальную йеменскую жизнь, реальные йеменские проблемы. Первые успехи в этом направлении сделал Мухаммед Са'ид Мисват: в рассказах «Учитель Саид» (1950), «Я, народ» (1953) и «Товарищ» (1956) он не только ярко изобразил местные социально-культурные реалии, но и показал влияние этих реалий на формирование личности героя, на его внутренний мир. Примеру Мисвата последовали и другие авторы.

Хотя просветительская манера «черно-белого» изображения жизни сохранялась в творчестве многих писателей и в последующие годы, сама просветительская идеология уже не соответствовала потребностям все более и более политизирующегося общества и довольно скоро превратилась в анахронизм. Ей на смену пришел «социальный» взгляд на человека, определяющий интерес писателя как к внутреннему миру индивида, так и к формирующей его социальной среде. Со второй половины 50-х годов этот взгляд в йеменской прозе становится преобладающим, направляя ее в русло критического реализма и – в меньшей степени – романтизма.

Начиная с середины 50-х годов XX века, во многом под влиянием успеха египетской революции 1952 г., умами аденцев, а затем и жителей остальных территорий Южного Йемена завладевает идея обретения национальной независимости. Самую благодатную почву эта идея находит в Адене, где и местное арабское население, и тысячи трудовых эмигрантов из Северного Йемена не желают уже мириться с доминирующим положением иностранцев во всех сферах деловой жизни. Рост числа политических группировок, ставящих своими целями освобождение Южного Йемена от колониальной зависимости, свержение власти имама на Севере и последующее объединение двух частей страны, сопровождается бурным развитием аденской прессы. На страницах газет разворачиваются баталии между сторонниками различных политических взглядов, растет число публикуемых в газетах рассказов, расширяется спектр социальной и региональной принадлежности авторов. В эти годы выходят первые сборники рассказов йеменских писателей: «Ты – коммунист» (1957) Салеха ад-Даххана, «Порванный ультиматум» (1960) Ахмеда Махфуза Омара, «Золотые пески» (1965) и «Извержение вулкана» (1968) Абдаллаха Салема Бавазира, «Самоотречение» (1965) Мухаммеда Касема Мусанны, «А как же земля, Сельма?» (1966) Мухаммеда Абд аль-Вали, «Вход воспрещен» (1968) Али Базиба, «Голодные в раю» (1970) Абд аль-Маджида аль-Кады.

В Северном Йемене в 1962 г. происходит революционный переворот, страна объявляется республикой и получает название Йеменская Арабская Республика (ЙАР). Свергнутый имам, мобилизовав преданные ему племена, открывает боевые действия против республиканцев при финансовой поддержке Саудовской Аравии. Египет направляет на помощь республиканскому правительству тридцатитысячный военный контингент. Боевые действия развиваются с переменным успехом; при поддержке египтян националисты в Южном Йемене начинают в 1963 г. партизанскую войну против англичан, и в 1967 г. последние британские подразделения покидают страну. Летом того же года Египет выводит свои войска из Северного Йемена, монархисты блокируют Сану, но после прорыва блокады боевые действия идут на спад. В 1970 г. воюющие стороны достигают окончательного примирения на условиях раздела власти и сохранения республиканского режима. Новое консервативное правительство отказывается от проведения сколько-нибудь серьезных социальных и культурных реформ. В Южном Йемене после двух лет внутривластной нестабильности, последовавшей за уходом англичан, к власти приходят леворадикальные силы, которые берут курс на построение социализма. Созданное государство получает название Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ).

Анализ рассказов вышеупомянутых сборников, а также опубликованных в аденской прессе рассказов других авторов и повестей Али Мухаммеда Абдо «Гужевая лошадь» (1959) и

«Записки рабочего» (1966) дает ясное представление о процессах, происходивших в йеменской прозе в рассматриваемый период.

Многие из рассказов этого периода демонстрируют просветительский подход авторов к изображению действительности, однако все большее внимание уделяется проблемам социального неравенства и бедности – в диапазоне от простого сострадания к неимущим до выраженного социального протеста. По мере роста националистических настроений в Адене писатели все больше склоняются к тому, чтобы причиной всевозможных общественных и индивидуальных проблем местных арабов считать колониальный режим. Новой самостоятельной темой в йеменской прозе в это время становится ужасающая социально-экономическая ситуация в Северном Йемене и тяжелая жизнь северян в эмиграции, впервые описанные в рассказах Салеха ад-Даххана и в повестях Али Мухаммеда Абдо.

Переход национально-освободительного движения в Южном Йемене в фазу открытой конфронтации с англичанами еще больше политизировал прозу и породил в ней романтический образ героя-патриота, бунтаря, противостоящего неравным силам врага, а иногда и жертвующего жизнью ради освобождения Родины. Такие образы можно видеть в рассказах «Порванный ультиматум» Ахмеда Махфуза Омара, «Подарок» Ибрахима аль-Кафа, «Диверсанты» Абдаллаха Салема Бавазира, «Хаджи Сейф» и «Наш город его не забудет» Али Базиба. Аденскую обстановку накануне обретения Южным Йеменом независимости со свойственной ему иронией описал Абдаллах Бавазир в рассказах сборника «Извержение вулкана». Действие этих рассказов разворачивается в условиях введенного англичанами в городе комендантского часа, который стал для аденцев настоящим испытанием. Неудивительно, что один из рассказов называется «Три дня в тюрьме», где под тюрьмой Бавазир подразумевает жизнь аденцев в режиме комендантского часа.

В наиболее реалистической манере социально-политическую атмосферу Адена 60-х годов изобразил в своих рассказах Камаль Хайдар. Посвященные жизни простых аденцев, рассказы эти отличались необычным для йеменской прозы того времени психологизмом. Большинство из них построено на внутреннем монологе героев, которые размышляют о своих жизненных неурядицах, связывая их с общим униженным положением йеменцев в аденской колонии. Причина такого положения кроется, по мнению писателя, в том числе, и в характере самих арабов, неспособных перейти от слов к делу, объединиться ради достижения общей цели, пожертвовать собственным благополучием ради правого дела. Эта идея звучит в рассказах «Ничтожество», «Рождение бунтаря», «Вывеска», «Безумец».

Развитие йеменской прозы в рассматриваемый период представляло собой, таким образом, процесс перехода от идей просветительства к революционному романтизму и критическому реализму с одновременным формированием национального, йеменского характера этой прозы.

Продолжая уделять значительное внимание проблемам нравственности, как это делали аденские просветители в 40-е годы, новые прозаики все больше были склонны рассматривать эти проблемы в контексте реальных условий общественной жизни в стране. Неудовлетворительность этих условий связывалась ими – под влиянием националистической идеологии – с пороками существующей политической системы, то есть с британским колониальным правлением. Проза в это время сильно политизируется, особенно с началом вооруженной борьбы против англичан, что способствует развитию в ней героико-романтического направления. Вместе с тем продолжает развиваться тема «маленького человека», обычного йеменца, с его повседневными заботами и горестями, обусловленными и архаичной культурной традицией, и социально-экономической отсталостью страны, и, конечно же – в силу убеждений самих авторов – несправедливым политическим строем. Внутренний мир такого «маленького человека» за редкими исключениями интересует авторов лишь настолько, насколько он отражает взгляды и убеждения самих авторов. Правдивое изображение противоречивых культурных и общественно-политических реалий, сложной сущности человеческой психологии и особенностей йеменского национального характера появилось в йеменской литературе лишь на следующем этапе ее развития.

Создателем реалистической школы в национальной йеменской прозе считается Мухаммед Ахмед Абд аль-Вали (1940-1973), один из двух самых известных йеменских писателей (второй – Зейд Муты' Даммадж). Писатель родился в Эфиопии в семье северойеменского эмигранта и эфиопки, учился в Адене, Каире и Москве, работал на дипломатической службе в СССР, ГДР и Сомали, занимал пост управляющего государственной авиакомпанией ЙАР. Несогласный с консервативной внутренней политикой правительства ЙАР, в начале 70-х годов писатель оказался в оппозиции правящему режиму и, дважды побывав в тюремном заключении, переехал в НДРГ, где погиб в авиакатастрофе.

Литературное наследие Абд аль-Вали составляют сборники рассказов «А как же земля, Сельма?» (1966), «То, что называется тоской» (1972), «Дядя Салех аль-Амрани» (1978), «Рейхана» (2005), повесть «Они умирают на чужбине» (1971) и роман «Сана – открытый город» (1977). То, что значительная часть этих сочинений была опубликована уже после смерти писателя, свидетельствует о непрекращающемся интересе к его творчеству.

Детство, проведенное в Эфиопии, марксистские убеждения, приобретенные в Египте, широкая начитанность и богатый «заграничный» опыт – все это оказало самое непосредственное влияние на идейно-художественные черты творчества Абд аль-Вали и тематику его произведений. Выросший вдалеке от извечных йеменских межклановых конфликтов, в атмосфере ностальгических воспоминаний эмигрантов о родине, писатель через

всю свою жизнь пронес отношение к Йемену как к своего рода «земле обетованной», к которой надо стремиться и за которую надо бороться.

По-настоящему глубокий, личностный смысл понятий Родины и патриотизма раскрывается на страницах тех произведений писателя, которые посвящены эмиграции. Герои этих произведений разрываются между двумя мирами, физически находясь в Эфиопии, а душой и разумом – в Йемене. Из нормальных цельных людей они превращаются в живые призраки, в существа, вырванные из привычной среды, оторванные от своих корней, от своего прошлого. Несчастные люди, йеменские эмигранты, дают жизнь еще более несчастным людям – детям-полукровкам, рожденным от внебрачного сожительства йеменцев с эфиопками. Большинство этих полукровок, непризнанные своими отцами, изначально лишены будущего. Принадлежащие сразу к двум национальностям, двум культурам и двум вероисповеданиям, незаконнорожденные полукровки всю жизнь безуспешно пытаются найти свои корни, свою родину – в географическом пространстве и в человеческом обществе. Наиболее ярко проблема этих детей и эмигрантов вообще представлена в повести «Они умирают на чужбине», в рассказах «Проститутка» и «Конец».

Роман «Сана – открытый город» также посвящен жизни эмигрантов-северян, но не в Эфиопии, а в Адене. В этом небольшом по объему произведении писателю удалось создать масштабную картину жизни всего дореволюционного Йемена, как в северной, так и в южной части страны. Построенный в форме писем, которые главный герой адресует своему другу, роман переносит читателя то в перенаселенный Аден, то в пришедший в упадок Забид, бывший когда-то центром шафиитского вероучения, то в охваченную насилием и пожарами мятежную Сану 1948 года. При этом весь Йемен предстает перед читателем как одна большая тюрьма, в которой смерть выглядит более реальным, более естественным явлением, чем жизнь.

Тема эмиграции в произведениях Абд аль-Вали охватывает не только жизнь самих эмигрантов на чужбине, но и жизнь оставленных ими в Йемене семей, наиболее ярко описанную в рассказах «А как же земля, Сельма?», «Лучше бы он не возвращался» и «Все по-прежнему». Тесно связана с этой темой в творчестве писателя и другая тема – тяжелая, безысходная жизнь йеменских женщин, изображенная во многих рассказах и в романе «Сана – открытый город».

Йемен, который писатель впервые увидел в юности, после того, как много слышал о нем в детстве, несомненно, произвел на него удручающее впечатление. Нищета, социальное неравенство, бесправие и забитость людей, убогость и дикие предрассудки – все это нашло отражение в рассказах «Мешок пшеницы», «А как же земля, Сельма?», «Все по-прежнему», «Лучше бы он не возвращался», «Эй, приятель!», «Смерть человека», «Лето, саранча и дождь», в повести «Они умирают на чужбине» и в романе «Сана – открытый город».

Зная социально-экономические причины йеменской эмиграции, Абд аль-Вали, тем не менее, устами своих героев постоянно высказывал негативное отношение к этому явлению. Эмиграция в его понимании была просто бегством от Родины в трудный для нее момент. Идеалы писателя, несомненно, воплощают собой герои рассказов «Цвет дождя» и «Дети сидят на рассвете», сражающиеся с монархистами для того, чтобы получить возможность счастливой жизни на Родине.

Кульминацией размышлений Абд аль-Вали об эмиграции можно назвать рассказ «То, что называется тоской». Действие рассказа происходит в Северном Йемене уже после гражданской войны. Разговор двух йеменских инженеров, выпускников зарубежных вузов, которые едут на машине из Саны в Тихаму, несомненно, стал выражением собственных мучительных раздумий писателя о смысле человеческой жизни в контексте дилеммы: счастье личности – счастье Родины. Размышления эти не приводят к однозначному ответу. Финал рассказа открыт: герои приезжают в Тихаму, но их разговор вряд ли можно считать окончанным. Хотя считается, что в уста противника эмиграции автор вложил собственные мысли и убеждения, не вызывает сомнения то, что и его собеседник, не видящий для себя иного выхода кроме эмиграции, выражает мысли и убеждения автора. Известно, что результаты революции в Северном Йемене в полной мере надежд Абд аль-Вали не оправдали. В рассказе «То, что называется тоской» разочарование писателя звучит почти в каждой фразе инженера, желающего эмигрировать. Таким же разочарованием проникнуты и другие рассказы писателя: «А она была красивой», «Кино погаси-зажги», «Горлица», «Непостижимое», «Спасайся, брат!», «Проходимцы».

Тюремное заключение самого Абд аль-Вали в 1967 г., судя по всему, произвело серьезный перелом в сознании писателя. Об этом свидетельствует мрачная пессимистическая тональность почти всех его поздних рассказов, вошедших в посмертный сборник «Дядя Салех аль-Амрани». Четыре рассказа из этого сборника: «Дядя Салех», «Волк из аль-Хулли», «Сейид Маджид», «Еще одна тяжкая ночь», а также рассказ «Рейхана», вошедший в одноименный сборник, посвящены жизни обитателей центральной санаанской тюрьмы, в которой писатель отбывал срок заключения. Страшный тюремный быт, издевательства над заключенными, ужасные условия их содержания – все это описывается не с гневным пафосом, а в окрашенных горькой иронией будничных интонациях. Писатель будто хотел тем самым сказать, что жизнь тюрьмы является лишь миниатюрной копией жизни всего Йемена.

Творчество Абд аль-Вали было высоко оценено не только йеменской, но и вообще арабской критикой. Роман «Сана – открытый город» вошел в сотню лучших арабских романов XX века. Все основные темы произведений Абд аль-Вали – эмиграция, государственное насилие и коррупция, культурная отсталость страны, бесправное положение йеменской женщины – до сих пор остаются для национальной прозы главными, определяющими ее национальную

самобытность. Абд аль-Вали первым среди йеменских авторов сумел создать колоритное эпическое полотно жизни всего Йемена, задав тем самым курс развитию национального романа. Он стал первым йеменским писателем, сумевшим наделить своих героев не только индивидуальным внутренним миром, но и особым йеменским менталитетом с присущими ему извечной гордостью за прошлое, неприятием настоящего и оптимистической верой в будущее. Именно Абд аль-Вали впервые в йеменской прозе начал активно использовать в диалогах йеменский диалект, и именно он первым среди йеменских авторов стал умело применять в прозе аллереорию, до него бывшую лишь достоянием поэзии. Таким образом, именно в творчестве Абд аль-Вали йеменская проза приобрела одновременно и жанровое разнообразие, и черты реализма, и выраженный национальный характер, что позволяет считать писателя действительным создателем современной национальной йеменской прозы.

В начале 1970-х годов правительство НДРЙ начало проведение социалистических реформ, заключавшихся в национализации экономики, в ликвидации родоплеменных институтов власти и управления, в борьбе с классом «эксплуататоров», представителями которого были признаны владельцы крупной недвижимости и шейхи племен. Над гражданами был установлен строгий административный контроль, в массовое сознание внедрялась марксистское учение. В ЙАР ни о каких серьезных социально-экономических реформах не было и речи. Основной проблемой республики стала коррумпированность быстро разрастающегося государственного аппарата, продолжающего использовать в своей работе старый принцип родственных связей и взяток. Недовольные сложившейся ситуацией, сторонники левых идей начали подпольную борьбу против правительства, поддерживаемую руководством НДРЙ. Обострившиеся отношения между двумя государствами привели к двум вооруженным столкновениям: в 1972 и 1979 гг.

Несмотря на различия, существовавшие между политическими режимами ЙАР и НДРЙ, в обоих государствах происходили сходные культурные процессы. Шло быстрое развитие системы школьного и высшего образования, обеспечивавшее рост грамотности населения. В обеих частях Йемена начали действовать государственные центры научных и культурных исследований, а также издательские центры при министерствах культуры. В ЙАР резко выросло число периодических изданий, выходящих не только в столице, но и в других городах. В НДРЙ, напротив, число газет и журналов сократилось – как следствие устранения многопартийности. Большинство периодических изданий и на Юге, и на Севере публиковали на своих страницах произведения йеменской поэзии и прозы. В обеих частях страны появилось много новых авторов, в том числе авторов-женщин. В 1970 г. был создан Союз йеменских писателей – единственная на то время официальная организация, объединившая в своих рядах представителей НДРЙ и ЙАР. Печатным органом Союза стал литературный журнал «аль-Хикма», задуманный как продолжение одноименного просветительского журнала,

выходившего в Северном Йемене в конце 30-х годов. Одновременно в обеих частях Йемена начали выходить и другие журналы, уделяющие особое внимание литературе: «ас-Сакафа аль-джадида» и «аль-Фунун» в НДРЙ, «аль-Йаман аль-джадид» и «аль-Калима» в ЙАР.

Реалистическое направление в 70-80-е годы стало в йеменской прозе основным. Продолжали появляться, однако, и сочинения, написанные в просветительской манере. Параллельно развивался модернизм, заимствованный из литературы других арабских стран.

Хотя литературный процесс в обеих частях Йемена в целом проходил в едином русле, различная социально-политическая обстановка в НДРЙ и ЙАР во многом определяла различие тематики и идейного содержания произведений писателей Юга и Севера. Одной из составляющих марксистской идеологии в НДРЙ была теория «классовости» культуры и искусства, требовавшая от авторов непрямого изображения классовой борьбы в йеменском обществе, которой в ее классическом виде в Йемене просто не было. В ЙАР писатели могли относительно свободно выражать свои взгляды, если только это не было открытой критикой правящего режима. Большинство авторов – особенно в большой прозе – предпочитали писать о дореволюционном времени, в котором они с большей легкостью находили необходимый им для сюжета общественный конфликт, положительных и отрицательных героев. Послереволюционная действительность в этом смысле для честного писателя была не только гораздо более сложной, но и достаточно опасной темой.

В первой половине 80-х годов в отношениях между НДРЙ и ЙАР началось потепление. При этом в обоих государствах власть все больше и больше превращалась в финансово-бюрократическую элиту, сосредотачивая в своих руках значительные материальные ресурсы. Конфликт между двумя группировками в руководстве НДРЙ, вылившийся в январе 1986 года в настоящую гражданскую войну, положил конец надеждам на построение в стране социализма. Южнотийменское государство перешло в фазу политической и экономической стагнации, и в мае 1990 года две части Йемена объединились в одно государство, Йеменскую Республику (ЙР).

Одной из наиболее ярких фигур в йеменской литературе 70-80-х годов стал Зейд Муты́ Даммадж (1943-2000), новеллист и романист, чье творчество получило известность не только в арабском мире, но и на Западе. Рассказы первого сборника писателя «Хаубанский тахеш⁴» (1973), изображающие жизнь Северного Йемена до революции 1962 г. и сразу после нее, отличались особым йеменским колоритом, притом колоритом сельским. Все образы и ситуации в рассказах имели столь высокую степень этнографической достоверности, что вполне могли

⁴Тахеш – некое хищное животное, согласно йеменскому поверью, помесь гиены и волка. Хаубан – название долины, расположенной между городами Таиз и Ибб.

бы служить материалом для изучения социальных отношений в традиционном йеменском обществе. Особый интерес у читателей вызвали яркие картины убогого быта дореволюционного Йемена, которые даже самими йеменцами в 70-е годы воспринимались уже как своего рода экзотика. Эти две характерные черты своего творчества – яркий национальный колорит и интерес к быту дореволюционного Йемена – писатель сохранил и в рассказах своих последующих сборников: «Скорпион» (1982), «Мост» (1986), «Горести девочки Маййасы» (1990) и «Желтая пушка» (2001), а также в своем самом известном произведении – романе «Заложник» (1984).

Действие романа «Заложник» происходит в середине 40-х годов во дворце наместника имама в Таиззе. Повествование ведется от лица героя романа, мальчика, сына одного из либерально настроенных йеменских шейхов. Мальчик был взят властями в качестве заложника и стал дувейдаром незамужней сестры наместника, то есть служкой, обязанности которого заключаются в выполнении мелких поручений. Мальчик влюбляется в свою госпожу, энергичную и свободолюбивую девушку; их взаимоотношения составляют основную сюжетную линию. Параллельно развиваются отношения героя с другими обитателями дворца – отношения сложные, требующие от мальчика проявления силы духа и моральной стойкости. Писатель настолько ярко и точно изобразил жизнь семьи, приближенных и челяди высокопоставленного йеменского сановника 40-х годов, что сразу после публикации романа многие были уверены в том, что автор описал свой собственный жизненный опыт.

Как любое по-настоящему художественное произведение роман «Заложник» не является лишь изложением занимательного сюжета на фоне достоверно изображенных социально-исторических реалий. Он фактически посвящен извечной проблеме отношений личности и общества, возможности противостояния личности обществу – вопросам, занимавшим Даммаджа уже на раннем этапе его творчества. История героя романа была воспринята многими критиками как аллегория истории всего йеменского народа, который в середине XX века, в эпоху всеобщей модернизации оставался заложником средневековой отсталости и деспотии, и который после нескольких неудачных попыток сумел, наконец, обрести свободу.

Многие рассказы Даммаджа посвящены также послереволюционному времени; в них затронуты типичные проблемы йеменского общества, с трудом поддающегося социальной и культурной модернизации. Следуя в своем творчестве по большей части реалистической традиции, в некоторых рассказах Даммадж отдал дань и модернизму, ставшему популярным в йеменской прозе в 70-е годы. В творчестве писателя, таким образом, нашли отражение обе тенденции – реалистическая и модернистская, определявшие развитие национальной прозы в рассматриваемый период.

В условиях проводимых в НДРЙ коренных социально-политических реформ героико-романтическая тематика, связанная с национально-освободительной борьбой, сохранялась в южнойеменском рассказе недолго. На смену ей пришло изображение – с разной степенью объективности – новых жизненных реалий со всеми их положительными и отрицательными сторонами, старыми и новыми проблемами. Хотя в рассказах многих авторов еще сохранялись просветительские и сентиментально-романтические мотивы, основным вектором развития литературы в эти годы становится реализм.

В сентиментальной и романтической манере писали новеллисты Шафика Заукари, Салех Ба'амер, Абд аль-Маджид аль-Кады, Мухаммед Омар Баххах. В более реалистическом свете традиционные йеменские проблемы и жизнь в новом, социалистическом Южном Йемене представляли в рассказах Камаль ад-Дина Мухаммеда и Зухры Рахматуллах. Главной темой рассказов Зухры Рахматуллах стало бесправное положение женщины, которое в силу стойкости культурной традиции мало изменилось даже с началом построения в стране социализма. Женский вопрос в контексте построения нового общества стал едва ли не главной темой рассказов Майфа' Абд ар-Рахмана. Идейной основой творчества этого писателя было резкое неприятие традиционной морали, стремление к ниспровержению веры, традиций и обычаев отцов, мешающих построению принципиально нового общества.

Критическое отношение к реалиям социально-политической жизни в НДРЙ проявили – хотя и достаточно осторожно – Са'ид Аулаки и Абдаллах Салем Бавазир. Первый из этих авторов изначально был сторонником социалистических преобразований, однако репрессии, проходившие в НДРЙ под лозунгом классовой борьбы, заставили писателя усомниться в правильности выбранного страной пути, что нашло отражение в его рассказах «Игра» и «Преемство». Второй писатель, получивший известность еще до революции, изобразил некоторые удручающие реалии жизни НДРЙ в присущей ему сатирической манере.

В ЙАР, где республиканская власть в целом не решила те социальные и культурные проблемы, которые определяли тематику произведений Мухаммеда Абд аль-Вали, авторы продолжали писать об отсталости страны, о государственном насилии и коррупции, о продолжающейся эмиграции и тяжелом положении йеменской женщины. В рассказах некоторых писателей звучало разочарование в результатах революции и сочувствие к подпольной деятельности членов левой оппозиции, однако собственно «политической» составляющей в рассказах уже не было, поскольку конкретного политического врага в условиях республиканского правления найти было невозможно. «Врага» теперь приходилось искать в самих йеменских традициях, в йеменском менталитете, в йеменском национальном характере.

Вслед за Зейдом Даммаджем культурные и социально-политические реалии дореволюционного и послереволюционного Северного Йемена правдиво отразили в своих

рассказах Мухаммед аз-Зурка, Рамзия аль-Ирйани, Зейн Мухаммед ас-Саккаф, Мухаммед Мусанна, Абд аль-Ваххаб ад-Даурани, Ахмед Абд ар-Рахман аль-Му'аллими. Реалистически изображая проблемные ситуации, в каких оказываются их герои, не все из этих авторов, однако, умели ясно выразить главную мысль своего повествования, подняться до уровня широкого обобщения, высветить типичность подобных ситуаций.

Первым в Йемене прозаиком, обратившимся к модернистской эстетике, стал уже сформировавшийся как реалист Ахмед Махфуз Омар. Жизнь в новом, социалистическом Южном Йемене, по-видимому, принесла писателю глубокое разочарование, выразившееся в том духе пессимизма и отчуждения, которым были проникнуты рассказы его сборников «Молчащие звонки» (1974) и «Эй, жители горы!» (1978). Персонажи большинства рассказов этих сборников ощущают свою неустроенность в жизни, замкнуты в себе, мучительно ищут какого-то иного, более счастливого мира, чем мир людей. Действие в этих рассказах, как правило, отходит далеко на второй план, предоставляя место потоку мрачных мыслей, ощущений, фантазий и даже галлюцинаций повествователя. В некоторых рассказах, таких как «Выстрел» и «Многое в одном», писатель впервые в йеменской прозе обратился к эстетике абсурда.

Состояние мрачного отчуждения стало мотивом рассказов и другого южнойеменского писателя старшего поколения, Ибрахима аль-Кафа в его сборнике «Взрыв» (1984).

Несколько иные настроения были свойственны в то время южнойеменским авторам младшего поколения, отвергающим «традиции отцов», верящим в скорую социально-культурную модернизацию страны. Одним из таких авторов был Мухаммед Салех Хайдара, автор сборников рассказов «Блуждающая из Йемена» (1974), «Совсем девчонка» (1978) и «Странствующие облака» (1980). Не делая попыток в направлении создания реалистических сюжетов, Хайдара с самого начала своего творчества погрузился в сферу чувств и эмоций. Действие в его рассказах занимает, как правило, лишь второй план, уступая место внутреннему монологу повествователя. Хайдара писал таким языком, в котором зачастую было невозможно определить границы отдельных смысловых сегментов. Высказывания в его рассказах – особенно в рассказах первого сборника, – почти лишенные знаков препинания, то сливались, переходя одно в другое, то «утекали» в многоуровневые придаточные, то вдруг обрывались, нарушая все законы синтаксиса. Текучий и трудноуловимый язык Хайдары формировал столь же текучие и трудноуловимые образы места, времени, персонажей, событий. Общей чертой этих рассказов был объединяющий их мотив – состояние отчуждения, вызванное неприятием существующих культурных традиций, и поиск выхода из этого состояния. Кроме того, писатель постоянно использовал образность, заимствованную из сексуальной сферы и в ряде случаев

непосредственно отражающую отвержение автором традиционных отношений между полами в арабском обществе.

Близкими к Хайдаре по творческой мотивации и применению модернистских изобразительных средств были такие южноыменские авторы как Али Салех Абдаллах, Майфа' Абд ар-Рахман и Камаль ад-Дин Мухаммед, использовавшие в некоторых из своих рассказов воплощенную в сюрреалистических образах аллегория или прибегавшие к эстетике абсурда.

В ЙАР несколько начинающих прозаиков также использовали эстетику модернизма. Это Хасан Ахмед аль-Ляузи, Ахмед Галерб аль-Джармузи, Абд аль-Фаттах Абд аль-Вали, Зейн ас-Саккаф, Изз ад-Дин Са'ид Ахмед. Во многих рассказах этих писателей на первый план выходят мотивы человеческого отчуждения, отвращения к окружающим жизненным реалиям, безысходного, доходящего до безумия одиночества, бессмысленности и абсурда бытия. Герои рассказов испытывают чувства страха, разочарования, собственного бессилия и, часто, безумную сексуальную «жажду» – как отражение главной причины неудовлетворенности самих этих молодых авторов жизнью в Йемене, в условиях сохраняющейся строгой половой сегрегации.

В те же 70-е годы модернизм развивается и в йеменской поэзии, не только в содержательном плане, но и в формальном – под воздействием поэтов-обновителей других арабских стран. Заметным становится отход некоторых йеменских поэтов от системы классического арабского стихосложения. Он наблюдается в стихах крупнейшего йеменского поэта Абдаллаха аль-Бараддуни и наиболее ярко проявляется в творчестве Абд аль-Азиза аль-Макалеха, аль-Кырши Абд ар-Рахима Саяма, Абдаллаха Саяма Наджи, Хасана аль-Ляузи, Зейна Мухаммеда ас-Саккафа, Абд аль-Вадуда Сейфа, Заки Бараката, Фарида Бараката, Махмуда аль-Хаджжа, достигая своей кульминации в «прозаической поэзии» Абд ар-Рахмана Фахри.

Что касается большой прозы, то среди более полутора десятков произведений, созданных в НДРЙ и ЙАР в 70-80-е годы, большинство представляли собой романы «подведения итогов», характерные для постколониальной литературы арабских стран и отличающиеся свойственными просветительству идеологически-назидательными интонациями, «черно-белым» изображением персонажей, романтизацией событий недавней истории.

В НДРЙ большая проза не получила заметного развития, очевидно потому, что от авторов ожидалось изображение дореволюционных социальных конфликтов как классовой борьбы, которой в ее классическом смысле в стране не было. В немногих появившихся образцах этой прозы «классовый» конфликт принимал форму традиционных, всем понятных конфликтов – из-за земли или из-за невесты – но между персонажами, которых автор относил к антагонистическим классам и бесхитростно наделял противоположными личными качествами.

Шаблонной парой антагонистов в этих сочинениях стали коварный «феодал-угнетатель» в лице шейха или султана и просвещенный, добродетельный, революционно настроенный молодой человек, обладающий к тому же классовым сознанием. Процесс формирования классового сознания героя либо изображался крайне неубедительно, либо вообще оставался за рамками повествования. Столь же неправдоподобно в роли тиранов выглядели шейхи и султаны, бывшие в реальности представителями семей, традиционно славящихся своим благородством и чувством справедливости. В результате этого из-под пера южнотийменских авторов вышло несколько своего рода «идеологически-просветительских сказок», по своему художественному уровню почти не отличавшихся от произведений аденских просветителей 40-х годов. К подобным сочинениям относятся романы «Горы Радфана» (1976) Хусейна Мусейбли, «Путь облаков» (1977), «Плавание на борту Красавицы» (1984) и «Девушка с гор» (1988) Хусейна Басыддика, пьесы «Дочь ад-Даудахи» (1977) и «Мансур аль-Мансур» (1977) Абд аль-Маджида аль-Кады, повесть «Селение, которое мечтает» (1984) Ахмеда Фад'ака.

В ЙАР большая проза получила несколько большее развитие, чем в НДРЙ, и была не столь идеологизированной. Первым ее образцом стал роман «Борьба со смертью» (1970) Абд ар-Рахима ас-Сабаляни, представляющий собой наукообразную хронику истории Йемена последних предреволюционных лет, для увлекательности разбавленную бесхитростным любовным сюжетом. По своему типу этот роман ничем не отличался от нравоучительных исторических романов ливанца Селима аль-Бустани, написанных еще в 70-х годах XIX века. Вышедший в 1977 г. роман «Сана – открытый город» Мухаммеда Абд аль-Вали в тематическом и художественном отношении стал своего рода ориентиром для национальной романистики, однако лишь немногие северотийменские авторы смогли создать в этой области нечто подобное – в основном из-за неспособности отказаться от свойственных просветительству назидательности и построить цельный сюжет. Так, например, Махмуд ас-Сагыри в своем романе «Старая гавань» (1978) представил мозаику персонажей и судеб, призванную передать общественную атмосферу Йемена конца 50-х годов и пролить свет на некоторые события предшествующего периода в истории страны. Однако разрозненные судьбы героев романа, их затянутые малосодержательные диалоги, обилие второстепенных деталей – все это не смогло составить сколько-нибудь выразительную картину жизни Йемена того времени. Более успешно с задачей изображения типичных йеменских судеб в контексте жизни дореволюционного Йемена справился Мухаммед Хунейбар в романе «Селение Аль-Батуль» (1979), объединившем в себе черты просветительства и реализма. Многочисленные персонажи романа, которых на своем пути встречает главный герой, йеменский эмигрант, подробно рассказывают о своих злоключениях в Йемене и в эмиграции, благодаря чему автор формирует широкое полотно жизни дореволюционного Йемена, создает у читателя достаточно ясное представление о

национальной судьбе йеменского народа до революции. Правдоподобную картину жизни Йемена до и сразу после революции удалось представить Мухаммеду Мусанне в романе «Весна в горах» (1983). Действие романа происходит во второй половине 60-х годов в охваченном гражданской войной Северном Йемене. Проблемы йеменцев в эмиграции, страдания оставленных ими дома семей, нищета, невежество и апатия, царившие до революции в йеменской провинции – все это предстает в воспоминаниях многих персонажей романа. Ключевым же вопросом в романе является вопрос о смысле человеческой жизни в контексте судьбы его Родины, ответом на который служит путь главного героя, вернувшегося на склоне лет из эмиграции в Йемен и отдающего свою жизнь за дело революции. Историю и культуру Йемена попытался сделать основными темами своего романа «Заботы деда Каусама» (1988) Ахмед Мусанна, однако стремление автора донести до читателя все свои познания о современном мире лишили роман значительной доли художественности. В просветительской манере были написаны многоактные пьесы Мухаммеда аш-Шарафи, посвященные критике архаичных традиций, невежества, женского бесправия, социально-культурной отсталости страны в годы правления имамов и сохранения этой отсталости в послереволюционное время. Практически лишенными социально-исторического подтекста и вообще какой-либо ясной идеи оказались романы «Пристанище попрошайек» (1979) Абд аль-Ваххаба ад-Даурани, «Руины и цветы» (1988) и «Длинные сцены из повести» (1989) Йахьи Али аль-Ирйани.

Анализ йеменской прозы 70-80-х годов позволяет сделать вывод об одновременном существовании в ней черт, типологически свойственных различным этапам идейно-художественного развития литературы. Поскольку при новой власти – особенно в НДРЙ – политическая критика оказалась под запретом, писателям в основном пришлось ограничиться рассмотрением проблем архаичной социально-культурной традиции, то есть изображать лишь те проявления общественной жизни, к которым новая власть не имела непосредственного отношения. Для развития реализма – особенно в части изображения послереволюционной жизни страны – это стало сдерживающим фактором и во многом способствовало сохранению в национальной прозе присущих просветительству сентиментальности и назидательности. Сложность объективного изображения послереволюционной действительности, обусловленная как цензурными ограничениями, так и неясностью перспектив общественного развития, способствовала обращению йеменских писателей к эстетике модернизма, быстро заимствуемой из других арабских литератур благодаря существенному расширению в эти годы межарабского информационного обмена. Ускоренное заимствование модернистских выразительных средств при задержке «вызревания» реалистической тенденции и сохранении отдельных черт просветительства привело к совмещению в йеменской прозе 70-80-х годов различных этапов

идейно-художественного развития, которые египетской и сиро-ливанской литературами были пройдены в более последовательном порядке.

После объединения в 1990 г. двух частей Йемена в единое государство многие из тех авторов, чье творчество определяло лицо йеменской прозы в предыдущий период, либо вообще отошли от литературного творчества, либо писали нерегулярно и уже не публиковали свои сочинения в виде отдельных изданий. Другие прозаики предыдущего поколения продолжали писать, в основном сохранив выработанные ими авторские манеры и расширив круг тем своих произведений благодаря появившейся возможности открыто критиковать социалистический строй Южного Йемена, а затем и ситуацию в объединенном Йемене.

Первым с резкой критикой социализма южнотийеменского образца выступил Са'ид Аулаки в рассказах, опубликованных им в прессе, затем Абдаллах Салем Бавазир в рассказах сборника «Падение деревянной птицы» (1991). Бавазир, впрочем, вскоре перенаправил свой язвительный взгляд на удручающую социально-экономическую ситуацию, сложившуюся в объединенном Йемене, сделав ее темой рассказов и коротких пьес своих последующих сборников. Дух разочарования в возможностях йеменского народа построить общество благоденствия стал основным мотивом модернистских рассказов Ибрахима аль-Кафа в его сборнике «Голос и эхо» (2003). Зейд Муты' Даммадж написал несколько новых рассказов о дореволюционном и современном Йемене, которые составили его посмертно изданный сборник «Желтая пушка» (2001). Реалистическую манеру сохранили в своем творчестве Рамзия аль-Ирйани и Зухра Рахматуллах, продолжившие в рассказах новых сборников тему трагических судеб йеменских женщин. Несколько изменили свою авторскую манеру Изз ад-Дин Са'ид Ахмед и Абд аль-Фаттах Абд аль-Вали, отказавшиеся от эстетики модернизма в пользу более реалистического изображения действительности.

На рубеже 80-х – 90-х годов на йеменской литературной сцене появились имена Сальвы аль-Ирйани, опубликовавшей сборник философско-модернистских рассказов «Мгновение печали» (1992), и Абд ан-Насера Муджалли, заявившего о себе как о ярком писателе-реалисте в сборнике «Однажды вечером, одна танцовщица» (1991). В 1992 г. Муджалли эмигрировал в США, где продолжал писать малую и большую прозу. Написанные им в США рассказы, посвященные жизни арабских эмигрантов, составили отдельный сборник, увидевший свет в 2008 г.

Во второй половине 1990-х – первой половине 2000-х годов произошла существенная смена «действующих лиц» йеменской прозы. Сформировавшаяся в это время плеяда по большей части молодых авторов в настоящее время, в конце первого десятилетия XXI века, почти полностью определяет своим творчеством лицо национальной прозы во всем многообразии ее стилей и художественных направлений. Среди новеллистов этой плеяды, отдавших дань

рассказу уже известного йеменской литературе типа, – Мухаммед аль-Гарби Амран, Хамдан Зейд Даммадж, Надия аль-Каукабани, Махасин аль-Хавати, Йасер Абд аль-Бакы. Каждый из них имеет опубликованные сборники рассказов.

Первыми произведениями большой прозы, появившимися в объединенном Йемене, стали романы «подведения итогов», авторы которых пытались дать объективную оценку недавнему прошлому страны, пользуясь отсутствием цензурных ограничений. Резко критический взгляд на общественно-политическую жизнь в НДРЙ был представлен в романах «Трое полуночников» (1990) Са'ида Аулаки, «Погубленная королева» (1998) Хабиба Сарури, «Аль-Мукалла» (2004) Салеха Ба'амера, а также в сатирико-фантастической повести Абдаллаха Салема Бавазира «Взрывающий в небеса» (1995). В романах Али Мухаммеда Зейда «Цветок кофе» (1998) и «Метаморфозы места» (2005) критическую оценку получили события гражданской войны в Северном Йемене, ранее изображавшиеся исключительно в героико-романтическом свете.

Снижение уровня жизни в Йемене вскоре после объединения страны заставило многих писателей обратить критический взгляд и на текущую ситуацию. Одним из первых это сделал Абд аль-Карим ар-Разиhi в сатирической пьесе «Кабили⁵ ищет партию» (1993), изобразив все удручающие реалии общественно-политической и культурной жизни объединенного Йемена. Еще более резкая критика ситуации в стране прозвучала в романах Хабиба Сарури «Дамлан» (2004) и «Птица разрухи» (2005), первый из которых объединил две сюжетные линии: реалистическую и фантастико-аллегорическую. Критика социально-культурной ситуации в современном Йемене содержится и в романе Надии аль-Каукабани «Всего лишь любовь» (2006), главной сюжетной линией которого стала любовь молодой женщины к своему бывшему университетскому преподавателю. Яркий образ современного Йемена создал Ахмед Зейн в романе «Американский кофе» (2007), объединившем в себе черты романа психологического, социально-политического и городского.

Помимо произведений, представляющих собой попытку изображения жизни страны в целом, выходили романы и повести, посвященные отдельным сторонам йеменской действительности. Традиционные проблемы племенного общества определили сюжеты повестей «Цаца» (2004) Бассама Шамс ад-Дина и «Древесная война» (2003) Хинд Хейсам. В повестях «Мечты подростка Салема» (2004) Мухаммеда аль-Хаубари и «Черный вкус, черный запах» (2008) Али аль-Мукри впервые в йеменской прозе самостоятельной темой стала жизнь ахдам, социальной страты йеменских «неприкасаемых». Роман Абд ан-Насера Муджалли «Люди снега» (2000) стал первым в Йемене произведением большой прозы, реалистически изображающим жизнь йеменских эмигрантов на Западе. Художественной особенностью романа

⁵Кабили – представитель племенной социальной страты.

является его сюжетно-композиционная структура: в нем перемежаются три не связанных одна с другой истории йеменцев, приехавших в США в разное время, благодаря чему автор формирует широкое полотно жизни йеменских эмигрантов, растянутое во времени. Типичные проблемы современного йеменского общества определили тематику новых пьес Мухаммеда аш-Шарафи, составивших сборник «Пьесы в прозе» (1996), написанных в свойственной автору просветительской манере. Типичные сюжеты, определявшие тематику йеменской прозы предыдущих десятилетий, составили содержание четырех «семейных эпопей» Азизы Абдаллах: «Ахлям, Набиля» (1997), «Она доверилась факиху» (1998), «Образ Вилайи» (1998) и «Обвинение в верности» (2002), также написанных в просветительской манере.

Новым явлением в прозе Йемена стало появление сочинений на тему древней и средневековой истории страны. Это повесть Рамзии аль-Ирйани «Дворец власти» (1998), романы «Видение Шаммара Йур'иша, царя Сабы, Зу-Райдана, Хадрамаута и Йаманата» (1994) Анвара Мухаммеда Халеда, «Путь благовоний» (2004) Мунира Тыляля Йахьи и «Священный круг» (2008) Бассама Шамс ад-Дина. Все они написаны в манере, присущей творчеству ливанских просветителей XIX века – Селима аль-Бустани и Джирджи Зейдана.

Еще одним новшеством стало появление произведений детективно-приключенческого жанра, не отличающихся, впрочем, высокой степенью художественности. К ним можно отнести роман Мухаммеда Аббаса Наджи ад-Дале'и «Шпион в Сане» (2004), повести «История террориста» (2007) Хусейна Хасана Убейдаллаха и «Захафар» (2007) Йасера Абд аль-Баки.

Образцом ранее неизвестного йеменской прозе жанра – научно-фантастического романа, сочетающего в себе черты «космической оперы» и «глобальной катастрофы» – стал роман Абд ан-Насера Муджалли «География воды» (2003). Проникнутый гуманистическими интонациями, роман типологически схож с произведениями известных писателей-фантастов первой половины XX века, творивших до появления «космического фэнтези».

Если в 70-80-е годы модернизм в йеменской прозе проявился лишь в жанре новеллы, и преобладающей его чертой стала «мрачная гамма», выражающая состояние крайнего отчуждения и пессимизма, то в 90-е годы спектр модернистских стилей здесь заметно расширяется, распространяясь и на большие прозаические жанры.

Близким по духу пессимизма к йеменским модернистам 70-80-х годов стало экспериментаторское творчество Самира Абд аль-Фаттаха, автора нескольких сборников рассказов, романов «Повесть господина М» (2007) и «Сын орла. Падение» (2008). Во втором из этих романов писатель использовал принцип «создания образа окружающего мира как пустой оболочки», отмечавшийся ранее В.Н. Кирпиченко в творчестве египтянина Дийи аш-Шаркави.

Наиболее же примечательной чертой развития модернистского направления в йеменской прозе, как и в прозе других стран Аравии, становится выработка специфического,

«поэтизированного» языка повествования и формирование особого течения – «поэтического» модернизма. Стремление к максимальному смысловому и выразительному насыщению сегментов повествования приводит к появлению в йеменской прозе – как и в прозе других арабских стран – жанра очень короткого рассказа (кысса касыра джиддан). Среди йеменских авторов первой эту манеру использовала Худа аль-Атгас, за которой последовали и другие писательницы: Амина Йусуф, Афрах ас-Сыддик, Нура Зейля', Бушра аль-Мактари, Муна Башрахиль, каждая из которых имеет опубликованные сборники рассказов. Эксперименты в области языка коснулись и больших прозаических жанров. В этом отношении новым словом в йеменской прозе стал роман известной поэтессы-модернистки Набили аз-Зубейр «Это мое тело» (2000), повествование в котором, отличающееся поэтичностью языка, представляет собой поток сознания героини, страдающей от приступов психического расстройства. Крайне вычурный, даже искусственный язык, переходящий порой в стихотворную речь, стал визитной карточкой творчества Мухаммеда Абд аль-Вакиля Джазема, автора сборника рассказов «Объем запаха» (2001) и романа «Пшеничные финалы» (2003), сюжет которого типологически относится к реалистической прозе.

Одновременно появляется и другая манера модернистского письма, отличающаяся пристальным вниманием автора к мельчайшим деталям объективного и субъективного мира, «тяжелой» описательностью и соответствующим ей «избыточным» языком, получившая в арабской критике название «осознание вещей». Эта манера присуща творчеству двух йеменских писателей: Мухаммеда Ахмеда Усмана и Ахмеда Зейна. Второй из них использовал эту манеру и в романе «Подтверждение статуса» (2004), обладающем многими формальными признаками национальной эпопеи.

Сложившаяся в Йемене в 90-е годы особая общественная атмосфера, характеризующаяся утратой идеологических ценностей и ориентиров, привела к формированию у определенной части творческой интеллигенции отстраненно-ироничного взгляда на окружающую действительность, который в литературе проявился в виде использования приемов, относимых современным литературоведением к эстетике постмодернизма. В числе этих приемов – тотальная ирония и пародийность, условность персонажей-марионеток, сквозной гротеск и «черный юмор», особенно сексуально-физиологического характера, прямое или пародийное использование текстов, сюжетов и стилистических кодов письменного наследия и устного фольклора, фрагментарность сюжета, «деконструкция» текста, смешение жанров и стилей, подрыв стилистических и жанровых кодов. Особенностью развития постмодернистской тенденции в прозе Йемена стал тот факт, что в наибольшей степени ее черты проявились в рамках «магического реализма» – художественного течения, соединяющего реалистическое

изображение окружающей действительности с элементами магического, небывалого, присущего фольклорным повествованиям.

Упомянутые черты постмодернистской эстетики в той или иной степени присутствуют в рассказах Абд аль-Карима ар-Разиhi, Мухаммеда аль-Гарби Амрана, Ваджди аль-Ахдаля, Арвы Абдо Усман и Хинд Хейсам. Самыми яркими образцами использования пародии постмодернистского типа, не имеющими известных аналогов в литературе других арабских стран, стали романы Ваджди аль-Ахдаля «Горные челны» (2002) и «Философ аль-Карантины» (2007), принесшие их автору скандальную славу. Постмодернистское смешение пародийно-детективных и историко-культурологических черт присуще роману Хинд Хейсам «Близость и отчуждение» (2006), который можно соотнести с некоторыми произведениями таких известных постмодернистов как Умберто Эко и Орхан Памук.

В целом, йеменская проза двух последних десятилетий во всех отношениях представляет собой чрезвычайно пеструю картину, свидетельствующую о сосуществовании и смешении в ней черт, присущих практически всем этапам идейно-художественного развития арабской литературы современного типа. Возникновение в ней совершенно новых тенденций сопровождается «дозреванием» более ранних идейно-художественных направлений, которое в литературах Египта, Ливана и Сирии в основном уже завершилось.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЛЕКЦИИ 15

Новые явления в египетском романе начала XXI века

В.Н. Кирпиченко

В 90-е гг. XX в. ведущую роль в египетской романистике продолжали играть авторы, создававшие в 60-70-е гг. так называемый египетский новый роман и выросшие с тех пор в признанных мастеров жанра. Наряду с ними уже первыми опубликованными произведениями громко заявило о себе новое поколение романистов, творчество которых – как в своё время и творчество шестидесятников – отобразило духовную трагедию молодого египетского интеллигента «в мире рухнувших ценностей» (выражение писательницы Мейй ат-Тлемсани, автора романа «Дунйазада», 1997). Можно было предположить, что именно к ним перейдёт в скором времени палочка литературной эстафеты.

Однако уже первые годы нового тысячелетия принесли много неожиданностей. В какой-то степени неожиданным оказался и сам неиссякающий поток новых романов, постоянное появление новых имён – свидетельство того, что литература, в первую очередь романистика, продолжает быть важной составляющей египетской общественно-культурной жизни. Что подтверждается ростом спроса на книги, появлением в последние годы в Египте нескольких новых частных издательств, небывалыми тиражами и количеством переизданий романов, привлёкших внимание читателей.

Остановимся лишь на самых знаменитых литературных явлениях последних лет.

Первой неожиданностью стал шумный публичный успех романа ‘Ала ал-Асуани «Дом Якубяна» («‘Имарат Йакубйан», 2002).

А. ал-Асуани, по профессии стоматолог, учившийся сначала в Египте, затем в США, не принадлежал к кругу писателей из числа молодых университетских интеллектуалов. Приобрести «надёжную, могущую прокормить» профессию ему посоветовал отец, писатель ‘Абд ал-Ваххаб ал-Асуани. До романа ал-Асуани опубликовал два сборника рассказов – «Подожёл поближе и увидел» («Иктараба ва ра’а», 1989) и «Общество ожидающих вождя» («Джам’ийа мунтазири аз-за’им», 1998), при издании которого автор столкнулся с трудностями.

В романе «Дом Якубяна» А. ал-Асуани использовал композиционный принцип единства места, связывающего персонажей, которых трудно поделить на главных и второстепенных, поскольку все они одинаково важны для авторского замысла: показать социальный срез современного египетского общества. По этому же принципу построен роман Махфуза «Пансион «Мирамар» (1968) с той разницей, что в романе Махфуза персонажи сами

рассказывают о себе, тогда как у ал-Асуани их истории рассказываются от лица всезнающего автора. Кроме того, персонажи Махфуза олицетворяли различные общественно-политические силы Египта своего времени, а обитатели дома Якубяна, если и интересуются политикой, то с чисто прагматическими целями.

Дом Якубяна (построенный Якубяном) действительно существует в центре Каира, на улице Шерифа-паши. В этом добротном, некогда престижном доме и поселил А. ал-Асуани своих героев. Но он поменял местами «верх» и «низ»: в самом здании, в комфортабельных квартирах, живут люди состоятельные, даже богатые: Заки ад-Дасуки, пожилой аристократ, бонвиван, любитель вина и женщин, живущий на капиталы, унаследованные от отца, бывшего министра; известный журналист Хатим Рашид, гомосексуалист, принуждающий к сожителству добродушного великана-нубийца 'Абд Раббо, несмотря на то, что тот любит свою жену и маленького сына; торговец Мухаммад 'Аззам, нувориш, баллотирующийся в парламент и прикрывающий показной религиозностью свою торговлю наркотиками и сексуальные грехи. На плоской крыше, в каморках, сколоченных из подручных материалов, ютятся те, кто принадлежит к низшим слоям общества: Таха аш-Шазили, сын привратника-*бавваба* в доме Якубяна, добропорядочный юноша, успешно окончивший среднюю школу и мечтающий поступить в милицейскую академию; красивая девушка Бусайна, вынужденная после смерти отца искать работу, и другие действующие лица романа. У каждого из них своя драматическая или трагическая история, которые разворачиваются параллельно одна другой, иногда пересекаясь не только в стенах, но и за пределами дома, в разных частях Каира.

Познакомив читателя в экспозиции с семейными и личными проблемами персонажей, с их надеждами на будущее, автор сразу же погружает их в текущую действительность, сталкивает с её подлинными трудностями. Краткие эпизоды отдельных историй быстро следуют один за другим, поддерживая у читателя постоянный интерес к происходящему, и каждая история завершается финалом, вытекающим как из характера персонажа, так и из условий, в которых живет общество. В частности, Таха Шазили после того, как Бусайна, которую он считает своей невестой, порывает с ним, не принятый в полицейскую академию по причине своего происхождения – он сын *бавваба* – и движимый желанием отомстить за испытанное унижение, становится, в конечном счете, членом религиозной террористической организации и гибнет от бомбы, брошенной им в того самого генерала, который отказал ему в приеме в академию. Бусайна же, поработав продавщицей в магазине, где она, как и прочие молодые работницы, становится предметом сексуальных домогательств хозяина, и, сумев при этом, благодаря советам умудренной жизнью матери, сохранить девственность, соглашается стать любовницей Заки ад-Дасуки. Шестидесятилетний плейбой умеет обходиться с женщинами и, к тому же, искренне привязался к Бусайне, он женится на ней и намеревается увезти ее в Париж.

Живо и увлекательно написанный и вскрывающий язвы общества роман А. ал-Асуани выдержал в том же году шесть переизданий, был экранизирован и переведен на английский (отделом публикаций Американского университета в Каире) и французский языки. Во Франции за год было продано 160 тыс. экземпляров⁶. Намеченная романом тенденция возврата к роману действия, в котором главное – не исследование состояния души отчужденного героя, а фабула и характеры персонажей, была поддержана романистами, пришедшими в литературу в начале века. Преобладавший в творчестве молодых авторов 90-х гг. интроспективный роман типа «рассказа о себе», хотя и продолжает существовать, не превратился в «мейнстрим» египетской романистики. Из числа молодых, обративших на себя внимание в 90-е гг., кто-то уехал из Египта, другие перестали писать или редко публикуют новые произведения, что может объясняться и низким читательским спросом на «интеллектуально-экспериментальные», сложные для понимания романы, и истощенностью запаса жизненного опыта авторов, диктующей необходимость поиска новых тем и способов образного воплощения окружающего мира, и другими причинами.

Со стороны молодых литераторов и молодых критиков, постепенно заполняющих пустоту, образовавшуюся с уходом прежних признанных критических авторитетов, все чаще слышатся заявления о том, что египетская литература нуждается в возврате к реализму – в смысле внимания к обществу, к его бедам и горестям, к более простой (но не за счет снижения художественного уровня), доступной пониманию рядового читателя манере письма. При этом писатель не может быть нейтральным, он обязан быть политически и социально ангажированным. «Роман ‘Ала ал-Асуани, – пишет критик ‘Умар ‘Али Хасан, – несмотря на его невысокую художественную ценность, возвестил писателям, что настоящая литература – это литература, создающая образ общества»⁷. Вместе с тем критики видят угрозу творчеству в потребительском подходе к литературе, практически полностью зависящей теперь от рынка. Частные издательства и книжные магазины ставят свои условия авторам, требуя от них книг, которые могут быть проданы или получить премии, и отвергая произведения даже высокого эстетического уровня, не отвечающие этому требованию.

Авторы пытаются совместить требование «продаваемости» с верностью своему пониманию общественной функции и эстетической ценности литературы и продолжают экспериментировать с жанровыми формами романа, создавая новые и синтезируя уже существующие. Стремятся также избежать диктата Интернета, который, по мнению молодого писателя из верхнеегипетской провинции ас-Сохаг Ваила ‘Аббаса, «превратился в огромное пространство фальши, где создаются дутые авторитеты и выдвигаются ложные обвинения

⁶ Ахбар ал-адаб. 4.5.2008 (со ссылкой на французскую газету «Ле Монд»).

⁷ Ахбар ал-адаб. 22.7.2007.

против невиновных»⁸, и ищут опоры в литературной классике – в глазах В. ‘Аббаса, египетскую классику представляют Нагиб Махфуз и писатели-шестидесятники, а мировую – Габриэль Гарсия Маркес.

В последние годы один за другим появляются романы начинающих авторов, нацеленные на создание «правдивого» образа современного египетского общества – от чего, впрочем, никогда не отказывалось и большинство шестидесятников, какими бы модернистскими или постмодернистскими художественными средствами они для этого ни пользовались.

Первый роман того же Ваила ‘Аббаса «Что осталось от деревни ал-Йасмин» («Атлал ал-Йасмин», 2008) напоминает своим элегическим стилем, неторопливым, подробным рассказом героя-повествователя о жизни современной египетской деревни и происходящих в ней переменах известный роман на эту же тему ‘Абд ал-Хакима Касима («Семь дней жизни человека», 1969).

Мухаммад Ибрахим Таха в романе «Верблюжьи слезы» («Думу‘ ал-ибил») повествует о жизни феллахов Дельты и их взаимоотношениях с бедуинами, кочующими в окрестной пустыне.

Мухаммад ал-Фахрани прежде, чем написать свой первый роман «Фасил ли-д-дахша» (название можно приблизительно перевести как «Прервемся и удивимся»), долго изучал жизнь маргинальных слоев египетского общества, а также работы молодых египетских социологов. В романе описаны судьбы каирских «бомжей». Повествователь, молодой интеллигент, обходит трущобы, встречается, беседует, дружится с их обитателями. Пользуясь приемами кино и драмы, он разбивает повествование на главки-сцены и включает в него – в виде дневниковых записей одного из персонажей – свои размышления о жизни и об обусловленной жизнью логике поведения этих людей, обобщает конкретные жизненные наблюдения и ставит «больные» вопросы. И в диалогах, и в авторском тексте М. ал-Фахрани использует язык, представляющий собой смешение арабского литературного и египетского разговорного.

Герой-повествователь романа Макави Са‘ида «Лебединая песня» («Тагридат ал-бадж‘а», 2007) – поэт, страдающий от «прогрессирующей шизофрении». Заболевает же он от всего того, что творится вокруг: от проявлений «политического ислама», выражающихся в новой моде на одежду и у мужчин, и у женщин (даже известная всему кварталу проститутка носит покрывало), в переименовании улиц (улица Хуфу называется теперь улицей Печати пророков), от массовой эмиграции египтян за границу (после нескольких лет, проведенных в Саудовской Аравии, бывший руководитель левой организации возвращается домой убежденным ваххабитом). Роман, действие которого охватывает большой промежуток времени – от 60-х гг. до последней войны на юге Ливана (2006 г.) – и происходит в Каире, в Верхнем Египте,

⁸ Ахбар ал-адаб. 6.1.2008.

Америке, Сингапуре, имеет сложную структуру, в нем множество персонажей разных профессий, социальных положений, национальностей, их истории переплетаются, увязываются в единый узел личностью рассказчика. Действие развивается на фоне событий политической истории Ближнего Востока второй половины XX в., а среди действующих лиц присутствуют персонажи, проходящие через многие романы Н. Махфуза – коммунист и исламист в их новом, современном облике. Развитие сюжета подсказывает читателю, что шизофренией болен не повествователь (имя его – Мустафа, одно из имен Пророка – становится известным лишь ближе к концу романа), а само общество. Самоубийство Мустафы, принимающего кучу таблеток снотворного и впадающего в беспамятство, – следствие овладевшего им чувства полной беспомощности и потерянности в этом мире, – объясняет название романа. Тем не менее авторитетный критик Саййид ал-Бахрави, написавший рецензию на понравившийся ему роман, не считает, как некоторые другие рецензенты, что его конец безнадежен, поскольку прежде чем принять таблетки, Мустафа призывает к себе единственного оставшегося у него друга, вожака уличных мальчишек Карима, и отдает ему отснятые материалы фильма о жизни беспризорных детей и свой пистолет «Беретта».

В ряду произведений, создающих панорамный образ современного египетского общества, нельзя не упомянуть книгу Халида ал-Хамиси «Разговоры в такси» («Такси... хавадис ал-машавир», 2006), имевшую большой читательский успех и продолжительное время занимавшую верхние строчки в рейтингах книжных продаж. Принадлежащий к известной литературной семье ал-Хамиси, Халид получил степень магистра политических наук в Сорбонне и, вернувшись в Каир, занимается продюсированием и рекламой кинофильмов, а также публицистикой.

Форма книги – записи пятидесяти восьми бесед автора с таксистами, возившими его по Каиру. Подвергшиеся литературной обработке, рассортированные тематически, записи перестают быть просто подборкой документов, превращаясь в своего рода обрамленную повесть или многоголосый роман. Рассказчики – таксисты, работающие в фирмах, и владельцы автомашин, занимающиеся частным извозом, молодые и старые (одному из них чуть ли не 90 лет), обремененные семьями и одинокие, добродушные и ожесточенные жизненными невзгодами, мусульмане и копты. Одни жалуются на поборы дорожной полиции, на необходимость работать круглосуточно, чтобы выплатить очередной взнос за купленную в кредит машину, на бесконечное стояние в очередях для переоформления водительских прав, на алчность чиновников. Другие – на неустроенность детей, на то, что государство не заботится о молодых, и они толпами уезжают за границу: «Мы уже по горло сыты пустыми лозунгами о любви к отечеству». Вспоминают, как когда-то, «во времена дешевых билетов», смотрели все новые фильмы, а теперь уж и забыли, когда последний раз ходили в кино. Ругают Америку,

жалеют Ирак, рассуждают о демократии и законах в Египте, о предстоящих президентских выборах, о «братьях-мусульманах», о футболе, о том, что важнее – любовь или деньги. Рассказывают забавные случаи из своей таксистской практики: как одна девушка села в машину завернутой в покрывало, а по дороге переделалась в короткую юбку и кофту, таксист было принял ее за проститутку, а оказалось, она работает в европейском ресторане и скрывает это от родных. Рассказывают и анекдоты: как один шел по пустыне и нашел лампу Аладдина, потерял ее, явился джинн, говорит «проси, что хочешь», тот попросил миллион фунтов, джинн принес ему полмиллиона, а на вопрос, где же еще полмиллиона, ответил, что другой половиной лампы владеет государство.

Все разговоры ведутся на языке каирского простонародья, изобилуют сочными выражениями, меткими характеристиками тех, о ком идет речь, и это придает тексту особую выразительность. В вызывающих «смех и слезы» монологах таксистов раскрывается образ мыслей рядового египтянина, его человеческая сущность.

Автор в беседах с таксистами старается быть нейтральным, он лишь описывает внешность очередного таксиста, производимое им впечатление и задает вопросы, чтобы разговорить собеседника, его собственные комментарии к рассказам предназначены для читателя. В итоге возникает галерея живых и достоверных образов людей, знающих Каир, как свои пять пальцев, и складывается общая панорама жизни гигантского города, увиденная их глазами.

Этот жанр – рассказов, историй, эпизодов, объединяемых либо местом действия, либо единой темой или личностью рассказчика, получил в последнее время распространение. Известный новеллист, один из самых талантливых в Египте, Мухаммад ал-Махзанги, врач-психиатр по профессии, дал своей книге название «Животные наших дней» («Хайванат аймаина», 2006). Собранным в ней историям, привезенным автором из разных стран мира, в которых он побывал – Ирака, Индии, Вьетнама, Афганистана и других, предпосланы эпиграфы из научных, арабских средневековых и принадлежащих перу современных авторов книг о животных. Сами же истории повествуют о качествах «человечности», проявляющихся порой не только у домашних, но и у диких животных, и о признаках «озверения», наблюдаемых у современного человека. Животные у ал-Махзанги страдают, как и люди, а люди могут быть лишены чувств, как животные. В одной из историй рассказывается о том, как американские морские пехотинцы изловили и зажарили «окаменевших от страха» газелей в багдадском зоопарке, а недоеденное мясо кинули львам, не зная, что львы не едят жареного. Вместе с тем писатель говорит и о том, что отличает человека от животного: о силе человеческой любви, способной спасти ближнего, о доброте, удерживающей человека от насилия по отношению к другому человеку. В книге ал-Махзанги весь мир предстает во взаимосвязанности, взаимодействии живой природы и людей.

Умерший в феврале 2007 г. от болезни почек, не дожив до 46 лет, поэт Усама ад-Динасури, знавший, что он обречен, вел вплоть до декабря 2006 г. дневниковые записи, сложившиеся в поэтическое, глубоко драматичное повествование человека, наблюдающего за тем, как с каждым днем тают его силы, и готовящегося достойно встретить неизбежный конец. В дневнике он прощается с самыми дорогими и близкими ему людьми – с женой (сегодня он уже не сможет выйти из дома и сесть за руль автомашины, чтобы свозить ее в магазин за продуктами), с матерью (она так тревожится, что ее любимый сын из-за равнодушия к религии не попадет в рай, и при каждой встрече упрасивает его молиться, эту просьбу он выполняет однажды в ее присутствии), с друзьями (у него, оказывается, очень много верных друзей!), с врачами, медсестрами и медбратьями из каирских центров гемодиализа, в которых он несколько лет «промылся» по три раза в неделю (все они так хорошо к нему относились!), с любимой охотничьей собакой (вот она, лежит рядом с ним на постели), вспоминает прошлое (как все-таки хороша жизнь!). Во временном плане повествование выстроено в обратной перспективе – от дня начала ведения дневника к прошлому, ко дню, когда болезнь впервые проявила себя. Усама назвал свой дневник «Мой старый пес...мой любимый пес» («Калби ал-харим...калби ал-хабиб»), вложив в эти слова всю любовь к жизни и к тем, кого он оставляет на земле. Прочитавший рукопись друг, романист Хайри Шалаби, посоветовал Усаме назвать повествование романом, дабы привлечь внимание читателей, поскольку роман в настоящее время – самый ходовой жанр. Оно было частично опубликовано еще при жизни автора в «Ахбар ал-адаб»⁹, а позже в январском номере журнала «ал-Калима» за 2008 г.

Другой, заслуживающей быть отмеченной неожиданностью стало то, что, несмотря на появление многих уверенно заявляющих о себе молодых авторов, палочка литературной эстафеты до сих пор остается в руках писателей-шестидесятников. Это подтверждают вышедшие в самые последние годы романы «Амриканли» (диалектная форма слова «американи» – «американский» или «американец», 2002) и «Подглядывание» («ат-Талассус», 2006) Саналлы Ибрахима (р. 1937), «Поезд на Юг» («Китар ас-Са'ид», 2004) и «Участь соперников» («Кисмат ал-гурама», 2005) Йусуфа ал-Куаййида (р. 1944), в которых писатель пытается вникнуть в проблему взаимоотношений мусульман и коптов; «Оазис, где заходит солнце» («Вахат ал-гуруб», 2007) Баха Тахира (р. 1935), «Голод» («Джу'», 2007) Мухаммада ал-Бусати, повествующий о жизни полунищей крестьянской семьи и разных видах «голода», терзающего отца, мать и сына. Эти книги не только не уступают ранее созданному их авторами в художественном отношении, но и расширяют тематические, а также пространственные и временные рамки египетского романа.

⁹ Ахбар ал-адаб. 22.10.2006.

Алжирский романист ат-Тахир Ваттар, который, по его словам, прочитал толстый роман С. Ибрахима «Подглядывание» менее, чем за неделю, назвал его «романом-эпопеей в полном смысле слова», а его героя-подростка – «нашим всевидящим оком, благодаря которому мы со всех сторон представили себе Египет 40-х гг. XX в.»¹⁰. Заметим, что в этом романе вновь появляется герой ранних романов С. Ибрахима, alter ego автора. На сей раз писатель возвращается в свое детство и, отказываясь от привычного для него использования в романном тексте документов, возвращается к описательному стилю повествования, внутренняя энергия и напряженность которого создается его языком и тем, что повествование, от лица подростка, ведется в настоящем времени. «В тексте, пишет рецензент Ибрахим Фаргали, – присутствует некий удивительный ритм, сближающий его с текстом поэтическим, построенным по законам музыки. Тщательный выбор слов, отсутствие союзов, указательных местоимений, информативные фразы в настоящем времени. Старая техника письма дополнена здесь техникой, используемой Вуди Алленом в кино: личность рассказчика сливается с личностью автора, биография с автобиографией, хотя и не напрямую»¹¹. Как было сказано выше, герой-повествователь почти во всех романах С. Ибрахима в значительной степени автобиографичен, хотя нельзя исключить и того, что наглядная образность происходящего в романе «Подглядывание» может объясняться и влиянием кино, в частности фильмов Вуди Аллена. Язык романа, в котором органично сочетаются арабский литературный и египетский разговорный, продолжает традицию Тауфика ал-Хакима, приложившего много усилий для создания подобного «среднего» языка в литературе.

Мальчик-школьник живет с отцом, образ матери возникает в его сознании время от времени как смутное воспоминание детства. Лишь к концу романа выясняется, что она находится в клинике для душевнобольных (намек на душевную болезнь матери присутствовал и в первом романе С. Ибрахима «Всюду этот запах»). Между отцом и сыном существует самая тесная связь. Сын неизменно сопровождает отца, куда бы тот ни шел – по магазинам ли, в гости к родственникам или знакомым, он наблюдает мир взрослых, слушает их разговоры, их комментарии и анекдоты по поводу цен на продукты, политических событий и любовных похождения короля Фарука. Мимо его внимания не проходят и фильмы, демонстрирующиеся в кинотеатрах, и уличные манифестации, разница условий жизни между богатыми и бедными каирцами, религиозные противоречия и общие для мусульман и христиан суеверия и упования на Всевышнего, моды того времени и принятые в обществе нормы нравственности. Мальчик регистрирует их в своем сознании, не высказывая собственного мнения, но в романе они монтируются в общую широкую реалистическую картину эпохи, что оправдывает его

¹⁰ Ахбар ал-адаб. 4.2.2007.

¹¹ Ахбар ал-адаб. 11.2.2007 (перепечатка из ливанского журнала «ан-Нахар»).

характеристику как романа-эпопеи. И хотя в романе присутствуют эпизоды, перекидывающие мостик от происходившего в 40-х гг. к современной ситуации в Египте, в нем, благодаря полностью выдержанному стилю повествования от лица мальчика-подростка, отсутствуют обычные для С. Ибрахима острые политические аллюзии.

Название романа Б. Тахира «Оазис, где заходит солнце» связано с местом действия – оазисом Сива, находящимся на крайнем западе Египта, недалеко от ливийской границы. И ассоциируется с верованиями древних египтян, считавших Запад – или западный горизонт – владениями Осириса, царством мертвых. В эпоху Позднего Царства египтяне почитали Амона как бога заходящего солнца, смерти и вечности, а Сива виделась им последней стоянкой Солнца перед тем, как оно покидает мир.

Роман этот – прежде всего увлекательное чтение. Темп повествования, поначалу неспешный, убыстряется, нарастает, события теснят одно другое, чтобы, наконец, закрутиться в вихрь, втягивающий в себя всех центральных персонажей и уносящий жизнь главного героя – офицера полиции Махмуда ‘Абд аз-Захира, посланного в Сиву во главе вооруженного отряда с целью сбора налогов (действие происходит в конце XIX в., а у героя есть исторический прототип).

Увлекательность повествования наводит на мысль – не имеем ли мы дело просто с хорошо сделанным приключенческим романом, тем более что в нем присутствует и мрачная экзотика местных обычаев, и тема поиска могилы Александра Македонского, который посетил в свое время Сиву, был провозглашен там жрецами храма Амона фараоном и сыном бога Амона-Ра-Зевса и завещал похоронить себя в оазисе? Описание египетской военной экспедиции в период, когда Египет находился под властью англичан, и сопротивления, оказанного пришельцам жителями оазиса, заставляют вспомнить, прежде всего, романы Фенимора Купера из истории покорения американских индейцев. Вместе с тем соблюдаемая автором историческая точность (к роману приложен список использованной исторической литературы), возникающие при чтении исторические аналогии, психологическая мотивированность поведения персонажей и образ главного героя, человека, утратившего внутреннюю цельность, находящегося в неразрешимом конфликте с самим собой, позволяют увидеть в романе попытку дать ответы на актуальные вопросы современности. Лавинообразное нарастание событий в нем неслучайно, все конфликты неизбежны, они не могут не возникнуть, и это ожидание держит читателя в напряжении.

Повествование, на литературном языке, ведется попеременно от лица нескольких персонажей, но у каждого из них своя, индивидуальная манера говорить.

Майор Махмуд полтора десятилетия назад участвовал в восстании Ораби-паши. После оккупации страны англичанами в 1882 г. произошло «смещение понятий» – прежние патриоты,

герои борьбы за независимость были объявлены бунтовщиками, изменившими своему хедиву. Ныне Махмуд послан управлением полиции в Сиву с неприятной и опасной миссией. Майор не может простить себе, что на суде после подавления восстания он, убежденный патриот, из страха за свою судьбу отрекся от соратников и теперь фактически служит англичанам. Он не хочет пускать в ход оружие, чтобы принудить жителей оазиса к уплате налогов, непомерность которых обрекает людей на голодное существование.

Жена Махмуда, ирландка Кэтрин, приехала в Египет из страны, также поработанной англичанами. Общая нелюбовь к поработителям и сблизила их с Махмудом. Кэтрин знает древнеегипетский, древнегреческий и арабский языки, увлекается египтологией, ею владеет идея найти могилу Александра Македонского, она представляет себе, какую сенсацию это открытие произвело бы в научном мире. Но она не считает нужным учить язык жителей Сивы и игнорирует их обычаи. Ее неосмотрительное, вызывающее, с точки зрения местного населения, поведение – Кэтрин считают колдуньей за то, что она, женщина, на глазах у всех объезжает верхом развалины храмов Сивы – ставит под угрозу и ее жизнь, и жизнь ее мужа.

Шейхи Яхья и Сабир – главы двух живущих в Сиве племен, традиционно враждующих одно с другим. Шейх Яхья в молодости жил и учился в Александрии и приобщился там к просветительским идеям. Его удручают суеверия, владеющие умами жителей оазиса, и он хочет положить конец междоусобной борьбе. Шейх Сабир учился в Тунисе, в мусульманском университете аз-Зайтуна. Лицемеря и интригуя, он добивается одного – установить свою личную власть над оазисом.

Капитан Васфи, молодой, образованный, отлично владеющий английским языком и увлекающийся, как и Кэтрин, египтологией, офицер, считает, что египтянам рано думать о независимости и следует учиться у англичан. А также у своих далеких предков, создавших великое государство, которое просуществовало тысячи лет. Махмуда эти рассуждения приводят в ярость, особенно потому, что Васфи принадлежит к одному из богатых черкесских семейств, которые радовались поражению Ораби-паши и сейчас, при англичанах, сохранили все свои привилегии. К тому же он знает, что Васфи пишет на него доносы начальству. Махмуда все больше раздражают и египтологические изыскания Кэтрин, поглощенной «открытием», которое она, как ей кажется, сделала, и безразличной к страданиям окружающих ее людей: не только местной девушки Малики, ставшей, не без вины Кэтрин, жертвой допотопных обычаев, но и родной сестры Фионы, умирающей от туберкулеза.

В одной из глав в роли повествователя выступает и сам Александр Македонский, великий герой и полубог, предавший мечу и огню многие города и построивший много новых, познавший победы, славу, власть, но так и не узнавший счастья, казнивший самых близких своих друзей, а потом горько каявшийся, мечтавший объединить под своей властью весь мир,

ввести единый для всех народов язык – великий язык «Илиады» – и умерший в тридцать три года.

Форма романа, множество точек зрения и выбор повествователей, принадлежащих к разным этническим и культурным общностям и даже к разным эпохам, дают автору возможность выстраивания не формулируемых словами, но легко прочитываемых исторических аналогий: конфликтная ситуация в оазисе Сива – уменьшенная проекция обстановки во всем Египте после захвата его Англией, обстановка же в Египте во многом сходна не только с тем, что происходило в древнем мире вследствие завоевательных походов Александра Македонского, но и с происходящим в наши дни. Знание языков и обычаев других народов – необходимое условие достижения взаимопонимания. Но насильственное навязывание народу чужого языка и пренебрежение к его обычаям вызывают сопротивление и вражду.

Личные отношения между персонажами романа завязываются в тугой узел, который может быть лишь разрублен. Самоубийственный поступок Махмуда, взрывающего храм Амона, – это символический акт протеста против унижительной пассивности соотечественников, любящих порассуждать о величии своих древнеегипетских предков и не пытающихся взять управление страной в свои руки. Это и месть самому себе за проявления слабости и нерешительности, за то, что он «боялся смерти и всегда выбирал половинчатую позицию, тогда как нельзя быть патриотом наполовину».

В новом для него жанре, близком к историко-приключенческому романтическому роману, Б. Тахир продолжает, как и во всем написанном им ранее, отстаивать незыблемые для него ценности любви к родине, борьбы за ее независимость, человеческого благородства и бесстрашия в борьбе. В марте 2008 г. Баха Тахир получил за роман «Оазис, где заходит солнце» арабскую Букеровскую премию.

Наконец, очень заметным, хотя его нельзя назвать неожиданным, литературным явлением последних лет стали романы, посвященные Америке. Интерес к Америке возник в египетском обществе и у египетских писателей еще в середине прошлого века, когда Соединенные Штаты активизировали свою политику на Ближнем Востоке, и постоянно возрастал по мере усиления их влияния и присутствия в регионе и в самом Египте. Теперь, после прямого военного вмешательства американцев в дела арабских стран – операции «Буря в пустыне» и захвата Ирака – в отношении рядового египтянина к политике США преобладают осуждение и настороженность. В то же время ширится поток эмигрантов, легальных и нелегальных, рассчитывающих найти свое счастье в самой богатой стране мира, численность египетской колонии в Америке быстро возрастает. В США ездят и на учебу, и на заработки, и для того, чтобы своими глазами увидеть великую державу, вершащую судьбы мира.

Название романа С. Ибрахима имеет два варианта – «Американли» и «Амри кана ли», что можно перевести как «Решать я должен был сам». Смысл первого варианта названия подсказывают слова все того же традиционного повествователя романов С. Ибрахима, alter ego автора – тут его зовут Шукри, и он профессор истории, приехавший в США читать лекции в университете Сан-Франциско. Шукри говорит: *«Лекцию я начал провокационным вступлением, сказав, что в детстве привык слышать слово «американли» в приложении к заманчивым на вид и быстро портящимся товарам».*

Повествователь подробно, можно сказать хроникально, описывает первые дни своего пребывания в Сан-Франциско. Дом, где его поселили, садик при нем, чистые мусорные баки с плотно притертыми крышками, мебель в квартире (самое необходимое), электробытовая техника (довольно старая, требующая ремонта), книги, оставшиеся от прежнего жильца (из их перечня вырисовывается облик владельца). Первый поход в университет – люди и магазины, встретившиеся по пути, университетские аудитории и кабинеты, их оборудование, знакомство с сотрудниками, документы, которые должен заполнить приезжий, инструкции о соблюдении правил безопасности, покупки на обратном пути – продукты, газеты, видеофильмы (о борьбе израильских командос с арабскими террористами). Таким же образом и столь же подробно описывается и дальнейшее пребывание героя в Сан-Франциско: повседневная жизнь, группа магистрантов, в которой он ведет семинар по общей истории, преподаватели и другие люди, с которыми общается – американцы, латиноамериканцы, евреи, арабы, – некоторые из них женаты на американках. Ход занятий, историческая литература и источники, используемые для написания диссертаций, – магистранты делают по ним доклады, которые затем обсуждаются. Тема первых занятий – начало истории и понятие истории у разных авторов, включая Полибия, Святого Августина, Карла Маркса и Фукуяму (видящего в распаде СССР конец истории – разрешение всех мировых конфликтов и окончательную победу капитализма). Кругозор повествователя ширится, он все лучше ориентируется в городе, знакомится с все большим числом людей, присутствует на собраниях различных организаций, вникает во все стороны жизни многорасового, многоэтнического и многоконфессионального американского общества. Расширяется и круг исторических трудов, упоминаемых и цитируемых в ходе занятий с магистрантами, в том числе и книг современных арабских историков и писателей. О каждой книге и ее авторе подробно говорится в соответствующей сноске, роман оформляется как научное сочинение. При этом повествователь избегает прямолинейных высказываний по затрагиваемым вопросам. Он лишь критически разбирает взгляды авторов цитируемых научных трудов и предоставляет говорить своим магистрантам, многочисленным собеседникам, авторам статей в американских газетах, а также создателям сатирических фильмов (которые смотрит на

видеокассетах), показывающих уровень осведомленности среднего американца в вопросах истории, географии и международной политики.

Как и в большинстве своих предыдущих романов, С. Ибрахим пользуется средствами документальной поэтики. Из приводимых цитат, частных высказываний, фактов, наблюдений повествователя читатель может сделать свои выводы. С. Ибрахим пишет не сатирический роман, подобный политическому памфлету «Комитет» (1981), его цель – как следует разобраться в том, что же такое Америка, в чем ее сила, каковы достоинства и недостатки американского общества, образа жизни. И он старается сохранить объективность, хотя иронический подтекст в словах повествователя временами очевиден. Но не боится и быть серьезным, вдаваться в научные проблемы, полагая, что скучность или нескучность романа зависит от того, что говорит автор, а не от того, как он это говорит. Роман предназначен для просвещения арабского читателя относительно прошлого и настоящего не только Америки, но и Египта, относительно истории в целом, он учит подходить к истории как к строгой и объективной науке, не превращая ее в очередное собрание конъюнктурных домыслов. Вместе с тем профессор Шукри постоянно напоминает своим студентам, как трудно, а порой и невозможно, установить историческую правду и как иногда еще трудней сказать о ней во весь голос. Роман С. Ибрахима заставляет вспомнить сочинение первого египетского просветителя шейха Рифа‘а ат-Тахтави «Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа» (1834) – тем значением, которое придает повествователь достоверному научному знанию, обильным цитированием научных источников и материалов современной прессы, живыми наблюдениями за жизнью впервые увиденной страны и самим жанром – описанием путешествия в поисках знания. С учетом того, что это путешествие совершается спустя 180 лет после первого. И если ат-Тахтави воспринимает европейскую науку начала XIX в. как передовую и настойчиво призывает своих соотечественников учиться у Европы, перенимать ее научно-технические и культурные достижения, то С. Ибрахим критикует тенденциозность исторических взглядов и теорий многих американских и европейских ученых, а наблюдаемые в Сан-Франциско «чудеса и диковинки» («‘аджаиб ва гараиб» – неперенный элемент средневекового описания путешествия) – не только внешний вид и поведение молодежи, но и количество ночующих на улице бомжей – явно настраивают его на иронический лад.

Наряду с поднимаемыми в романе серьезными вопросами исторической науки и методологии исследования истории, большое место отведено в нем не столько любовной, сколько – как в большинстве романов С. Ибрахима – сексуальной теме. Повествователь, человек в годах, изложив магистрантам очередной материал по истории – эволюцию понятия «прогресс», историю европейских колониальных завоеваний, арабо-израильского конфликта и т.д. – делится с ними подробными воспоминаниями о своих первых сексуальных опытах, а

также о своих «предательствах», когда он, боясь навредить своей научной карьере, отказывался публично выступить в поддержку людей, взгляды которых разделял. Своим слушателям он объясняет эту откровенность желанием *«прояснить роль разных факторов у в том числе чисто личных, в формировании того или иного конкретного историка»*. В глубине же души испытывает удовлетворение от того, что подобными *«скандальными историями»* сумел-таки возбудить у магистрантов интерес к своим лекциям. Профессор Шукри также постоянно афиширует свой интерес к прелестям молодых студенток. А его выступление на ежегодном собрании «Ассоциации египтян, живущих в США», где он в ернической манере излагает свое видение современной истории Египта, провоцирует возмущение уважаемой аудитории, и профессор заканчивает свой доклад при полупустом зале.

Автор играет с читателем, то и дело эпатирует его, снижает научно-просветительский пафос натуралистичностью эротических сцен, серьезные рассуждения об истории – ерничеством. Возможно, постоянными переходами с научных тем на сексуальные он пытается удержать внимание читателя. А может быть, объяснение следует искать в том, что с первых шагов в литературе самыми авторитетными для С. Ибрахима мыслителями были К. Маркс и З.Фрейд, с их помощью он надеялся понять историю и человека. Мировоззрение профессора Шукри зиждется на той же двойственной основе: анализируя исторический процесс, он опирается на известные положения исторического материализма, а природу человека объясняет, исходя из теории психосексуального развития индивидуума.

Но какое решение должен был все же принять для себя профессор Шукри? Ответ кроется, очевидно, в его выступлении на конференции арабских историков, съехавшихся в Сан-Франциско из различных арабских стран. В нем Шукри, уже без всякого ерничества, излагает свой взгляд на современную историю Египта. Выступление не вызывает, в отличие от докладов предыдущих ораторов, аплодисментов аудитории. Взгляды Шукри разделяет лишь один из присутствующих, историк из Ливана. Шукри хорошо понимает, что после всего сказанного ему не приходится рассчитывать на продление его контракта с университетом, хотя он и не прочь остаться еще на семестр в Сан-Франциско. Но он сам сделал свой выбор.

Нельзя не заметить, что сексуальная тема, причем без всякой связи с фрейдизмом, занимает большое место в творчестве и ряда других современных египетских романистов, в том числе ‘Ала ал-Асуани. Его второй роман «Чикаго» (2006) вызвал не меньший интерес, чем «Дом Якубяна» – тираж первого издания разошелся за пять дней, но в издательство поступили и протесты части читателей против «злоупотребления» автором сексуальными сценами.

Герои романа – египтяне, живущие в Америке, учащиеся и работающие в Чикаго, в Университете Западного Иллинойса. А. ал-Асуани сам учился в Чикаго, хорошо знает город и его историю, с которой он и знакомит читателя в краткой экспозиции. Структурно роман во

многим повторяет собой «Дом Якубяна»: драматические истории героев излагаются последовательно, параллельно одна другой от лица всезнающего автора в сменяющихся острых эпизодах-сценах, прерываемых в самый неожиданный момент. Такое построение обнаруживает, еще в большей степени, чем «Дом Якубяна», «сериальную» природу романа. Ярко выписанные характеры персонажей раскрываются в их поступках, в многочисленных диалогах, в оценках, даваемых ими друг другу. При этом характеры типизированы, в каждом превалирует какая-либо одна черта: добропорядочность, трусость, благородство, низость, религиозность, лицемерие, карьеризм, верность идеалам юности и т.п. Но объединяет персонажей то, что все они – египтяне, и их египетское прошлое неистребимо живет в них, даже если кто-то и хотел бы о нем забыть. События развиваются непредсказуемо, но истоки их кроются в этом египетском прошлом героев, не отпускающем их даже по прошествии многих лет жизни в Америке. При известной «спрямленности» психологических мотиваций поведения персонажей роман имеет крепко выстроенную фабулу и по существу представляет собой готовый сценарий для кино или телесериала. Главная же тема та, как адаптируются, или не адаптируются, египтяне к американскому образу жизни и культуре.

Есть в Америке такие египтяне, которые сумели преодолеть разницу культур, сохранить душевное равновесие, приспособиться к местным порядкам, но их не так много. Профессор Рафат Сабит, тридцать лет живущий в Штатах и женатый на американке, упорно доказывает всем, в том числе и самому себе, что он стопроцентный американец. Сын паши, лишившегося собственности после революции 1952 г., он ненавидит египтян, считает их невежественными и отсталыми. Но его египетское «нутро» прорывается наружу, когда его дочь уходит из дома, чтобы жить в свободном союзе с безработным художником, к тому же оказавшимся наркоманом.

Профессор Мухаммад Салах, участвовавший в студенческие годы в левом движении, покинул Египет после поражения в войне 1967 г., решив, что «все кончено», и оставив любимую девушку, обвинившую его в трусости. В Штатах он ради американского гражданства женился на официантке, жену не любит и чувствует себя глубоко несчастным. В порыве запоздалого патриотизма и самоутверждения он соглашается зачитать перед египетским президентом во время его визита в США петицию с требованием расширения демократических свобод в Египте, но в решительный момент, охваченный леденящим страхом, зачитывает другой, верноподданнический, текст. И пускает себе пулю в лоб, окончательно убедившись, что любимая девушка была когда-то права, обозвав его трусом.

Тридцатилетняя студентка Шима Мухаммади из Танты, истово верующая, превосходная хозяйка и кулинарка, образец добропорядочной мусульманки. Не выдержав затянувшегося девичества и наблюдая свободу нравов американской молодежи, она вступает в греховную –

эта мысль не дает ей покоя – связь с соседом по общежитию, высокомерным и тщеславным Тариком Хасибом. Любовь молодых людей взаимна, но когда Шима забеременевает, Тарик грубо отказывается жениться на ней, поскольку женитьба помешает его успешной учебе. Шима решается на аборт, а, очнувшись от наркоза, видит склоненное над ней широко улыбающееся лицо Тарика. Как сложится их дальнейшая жизнь, остается неизвестным.

Великовозрастный магистрант Ахмад Данана, синяя метина – «изюмина» – на лбу которого должна свидетельствовать о его усердии в молитвах, лицемер и корыстолюбец, агент египетской службы национальной безопасности. У него нет времени на учебу, он председатель Союза египетских студентов и держит в ежовых рукавицах всех его членов. Когда-то, в Египте, он написал донос на Наги ‘Абд ас-Самада, участника левого движения. Теперь Наги приезжает писать диссертацию в Чикаго, и они вновь сталкиваются лицом к лицу. Наги верен своим убеждениям, он противник египетского режима и надеется в свободной Америке избежать преследований. Вместе с Карамом Досом, коптом, покинувшим Египет, почувствовав там свою «ненужность», и ставшим в Чикаго знаменитым хирургом, они разрабатывают план сбора подписей под петицией с требованием соблюдения демократических свобод в Египте. Их поддерживает Джон Грэм, пожилой американец из числа «рассерженных молодых людей» 60-х гг. Но Ахмад Данана уже успел донести на Наги своему «куратору» в египетском консульстве. Наги не допускают на встречу с президентом. Петицию должен зачитать Мухаммад Салах. А Наги арестовывают и жестоко избивают в полицейском участке. Его надежды на американские свободы не оправдываются.

Автор одной из рецензий на «Чикаго», Хатим Хафиз, заметил, что «удовольствие от чтения романа искупает все его недостатки»¹². Восемь переизданий в течение года подтверждают это мнение.

Отвечая критикам, увидевшим недостатки романа в его «политизированности», излишней «ясности» характеров персонажей, «не соответствующей сложности современной жизни», и переизбытке сексуальных сцен, А. ал-Асуани сформулировал свое понимание политики как «неразрывную связанность всех наших проблем, в том числе нахождения работы, заработка», и объяснил, что, с его точки зрения, «создать персонаж, не показав его политические взгляды, было бы наивным и поверхностным – таковы персонажи египетских сериалов». Относительно «ясности» характеров, он заметил, что в его романе нет «полностью положительного героя», нет «черного и белого». По поводу же сексуальных сцен сказал, что «секс – очень важная часть жизни персонажей, и их сексуальное поведение раскрывает их характеры, воспитание, влияние их профессиональной деятельности»¹³. Тем самым писатель подчеркнул принципиальную

¹² Ахбар ал-Адаб. 18.2.2007.

¹³ Ахбар ал-Адаб. 11.3.2007.

разницу между своим романом и жанром телесериалов. Он также признал себя последователем Нагиба Махфуза, создателя египетского эпического романа – романа характеров и событий, хотя и заявил, что для него сравнение с Махфузом – «слишком большая честь» (там же). В марте 2008 г. ‘Ала ал-Асуани получил в Вене премию имени Бруно Крайского, присуждаемую за деятельность в сфере защиты прав человека.

Массовая трудовая эмиграция египтян, начавшаяся в 1970-е годы, также продолжает приносить свои литературные плоды. Вслед за романами Фатхи Эмбаби, Ибрахима ‘Абд ал-Магида, ‘Абд ас-Салама ал-‘Умари, герои которых пытались удачи в Ливии, Саудовской Аравии, странах Персидского Залива, появились и романы о египтянах, правдами и неправдами пробирающимися на заработки в Америку, Северную и Южную.

Роман Гамалия ‘Амра «Наша латинская деревня. Записки нелегального эмигранта» («Карйатуна ал-латиниййа. Музаккарат мухаджир гайр шар‘ий») еще не вышел отдельным изданием, в еженедельнике «Ахбар ал-адаб» в октябре 2007 г. опубликована только первая из его трех частей – «Наша латинская деревня» (содержание двух других – «Девушки Гватемалы» и «Переправщик» – остается пока неизвестным). До своей цели – Соединенных Штатов – герой еще не добрался, возможно, он надолго застрянет в Гватемале, как это уже случилось с некоторыми приехавшими ранее арабами. Но роман интересен и описанием настроений в сегодняшней египетской деревне, большинство жителей которой мечтает уехать за границу, и рассказом о том, как происходит само нелегальное путешествие. Роман представлен автором как записки героя повествователя, скромного учителя деревенской школы. Он написан простым, близким к разговорному литературным языком, языком человека, выучившего арабский литературный язык в школе и в институте и при этом обладающего несомненным талантом рассказчика. Выразительные внешние и психологические портреты членов семьи повествователя, односельчан, неожиданно оказавшимися его попутчиками, «переправщиков» – египтян и латиноамериканцев, имена которых были известны эмигрантам еще до их отъезда из деревни, впечатления от перелета на трансокеанском лайнере, от тряски по разбитым латиноамериканским дорогам в разваливающимся такси, в фургоне для перевозки замороженных продуктов, от городов, деревень, труднопроходимых лесов Эквадора и Коста-Рики, через которые пролегал их маршрут, отношения между членами маленькой группы, размышления, сомнения, страхи – что не хватит денег, что их схватят при переходе какой-нибудь границы – все это складывается в историю познания рассказчиком нового для него мира и начала его внутреннего «раскрепощения».

В деревне уже давно считалось, что иметь родственника эмигранта – *«все равно, что состоять в родстве с пашой или беем»*, особенно, если родственник уехал в Америку. В деревне идет обмен полезной и необходимой информацией о путях проникновения в Америку,

об именах и номерах телефонов «переправщиков». Из Америки присылаются подарки – одежда и техника. На привезенные оттуда деньги покупаются земельные участки и строятся новые дома. Отъезд в Америку вызывает у соседей и друзей зависть и ревность. Если же человек терпит там неудачу, соседи и друзья злорадствуют. Добившиеся успеха поднимаются на более высокую ступеньку общественной иерархии, другие же перемещаются вниз. Законы родства, уровень образованности перестают действовать. Первыми стали те, у кого есть доллары и евро. Поэтому отъезд каждого готовится в тайне, *«словно военная операция»*. Возвратиться можно лишь с победой. Поэтому же неожиданной для всех оказалась и встреча односельчан в Каирском международном аэропорту, откуда они должны лететь в Италию, Испанию и далее в Эквадор.

Рассказчик не собирался никуда уезжать, он был удовлетворен своей простой, традиционной жизнью в деревне и зарплатой школьного учителя, не разделял честолюбивых помыслов соседей. Но приятели преследовали его вопросами, почему он не уезжает. Предположение о том, что семья не может собрать денег на его поездку, задело его чувство собственного достоинства, более того, оскорбило его. И он решился ехать. В его ушах, когда он уже сидит в самолете, звучат слова песни знаменитой певицы Умм Кульсум *«Не говори, что мы хотели, так захотела судьба»*. Герой отличается от своих спутников, он человек образованный, читает книги и любит высокое искусство, может объясниться по-английски и знает несколько испанских слов, не интересуется футболом и не играет в нарды. Вместе с тем он человек верующий, не может нарушить пост и, хотя во время полета сменилось уже несколько часовых поясов, и он голоден, отказывается от предлагаемого стюардессой завтрака. Он очень стеснителен в общении с девушками, *«обливается потом, когда ему приходится разговаривать с девушкой»*, не то, что разбитной Аднан, который, не моргнув глазом, съедает блюдо из свинины и, не зная ни английского, ни испанского, уже познакомился с молодой соседкой по самолету и заставил ее чему-то смеяться. Зато герой постоянно размышляет обо всем увиденном. Посмотрев в самолете американский фильм об операции *«Буря в пустыне»*, где *«храбрые американские солдаты громят наивных и безрассудных арабов»*, он думает о том, что по таким фильмам жители Америки представляют себе арабов: для них араб – это человек в чалме, баснословно богатый и стремящийся прежде всего к сексуальным утехам. А они, цивилизованные люди, обязаны охранять мир от «глупостей» этих арабов.

Но, попав в Эквадор, а потом в Коста-Рику и Гватемалу, рассказчик видит, что латиноамериканские страны очень многим похожи на арабские, не только грязью и убожеством бедных городских окраин и деревень, но и политической зависимостью от США. А знакомство с простыми латиноамериканцами, в том числе с молодыми парнями и девушками, веселыми, общительными, прекрасными танцорами, заставляет его особенно остро ощутить свою

скованность, неумение держаться свободно и непринужденно. Он начинает учиться танцевать, радуется, когда ему удастся поддержать разговор с девушкой, пользуется каждым случаем пополнить свои знания испанского и английского. И, в конце концов, формулирует для себя главную цель своей поездки в Америку. Надо изучать Запад такой, каков он есть, а не такой, каким мы его знаем по книгам наших мыслителей и писателей. *«Я должен сам определиться в своем отношении к Западу. Я поеду в Америку, но не так, как ездят мои земляки, не для того, чтобы собрать денег и вернуться с ними в деревню. Я должен изучить Запад, овладеть английским языком, овладеть компьютером. Деньги – на третьем месте... Я еду для того, чтобы разрешить проблемы арабской мысли и установить причины кризиса проекта арабского возрождения».*

Эта мысль и эта цель присутствует во всех трех столь разных романах, как «Американли», «Чикаго» и «Наша латинская деревня». Все три писателя, С. Ибрахим, чей роман «Всюду этот запах» (1966) считается сейчас классикой египетского «нового романа», А. ал-Асуани, буквально ворвавшийся в литературу в начале нового века романом «Дом Якубяна», и Г. 'Амр, публикующий свой первый роман, озабочены прежде всего судьбами собственной страны и в Америке ищут ответ на главный для них вопрос: отчего Египет не сумел преодолеть отсталость, отчего короткий период независимого существования вновь сменился зависимостью от очередного могущественного колонизатора?

Если попытаться подвести некоторые итоги происходившего в египетском романе в первые несколько лет XXI века, то можно отметить рост интереса со стороны молодых, начинающих писателей к эпическому, реалистическому повествованию, отображающему состояние египетского общества в целом, и отход на второй план интроспективного романа, анализирующего внутренний мир отчужденного или сознательно отчуждающего себя от общества героя. Здесь же следует упомянуть и появление сборников рассказов, объединенных общей темой, попыткой создать целостный образ окружающей действительности и производящих благодаря этому впечатление единого повествования. С возвращением в роман реалий жизни взамен условности, иносказания, использования документов, подлинных или вымышленных, в романских текстах возросла и доля разговорного египетского языка (характерная черта литературы 50-х гг. XX в.). В поисках жанровых форм авторы все чаще обращаются к традиции новой египетской литературы, начиная с раннепросветительских образцов и включая романы, созданные в 60-е гг. XX в., в первую очередь романы Нагиба Махфуза.

Если же задаться вопросом, чем отличается реализм нынешнего романа от реализма романа середины XX века, то мы увидим, что отличия во многом обусловлены той общественной функцией, которую выполняет роман сегодня в качестве альтернативы средствам массовой информации, которые, по словам писательницы Сальвы Бакр, превратились в «гигантскую и

вводящую в заблуждение машину»¹⁴. Роман служит целям не только дальнейшего познания мира и человека, но и восстановления ранее приобретенного, а ныне утраченного или замалчиваемого знания. Отсюда возрождение интереса к просветительству и к реализму середины XX века, наиболее новаторским – в плане познания мира и человека – этапам эволюции новой и современной египетской литературы. Вместе с тем роман не утрачивает и таких черт постмодернистской литературы, как интертекстуальность, ироничность, игровое начало. Нельзя отрицать и имеющей место беллетризации серьезного романа, обусловленной и напором эстетики массовой культуры, и необходимостью заинтересовать читателя с тем, чтобы заставить его задуматься, и коммерциализацией издательского дела.

Египетский роман начала XXI века

В.Н. Кирпиченко

Настоящая статья продолжает и дополняет собой статью «Новые явления в египетском романе начала XXI века»¹⁵, в которой рассматривались некоторые, получившие наибольший резонанс, романы египетских авторов, опубликованные в 2000-2006 гг. В названной статье было отмечено, в частности, такое явление, как возобновление интереса со стороны романистов к эпическому, реалистическому повествованию, отображающему состояние египетского общества в целом, и отход на второй план интроспективного романа, погружающего читателя во внутренний мир отчужденного, замкнутого в себе героя. Соответственно, в романских текстах сократился элемент условности, иносказания, метафоричности и возросла доля разговорного египетского языка (характерная черта египетской реалистической литературы 50-х гг. XX в.). В поисках жанровых форм нередкими стали обращения к традиции новой и современной египетской литературы – от просветительской рубежа XIX-XX вв. до романов Нагиба Махфуза 60-х гг. Одновременно в статье отмечалось воздействие на сегодняшний роман массовой культуры, в частности, телевизионных сериалов, выражающееся в «имитации» реализма, в упрощении и схематизации образного языка.

В предлагаемой статье делается попытка рассмотреть египетский роман первого десятилетия XXI века в аспекте отображения в нем тех общественных настроений, которые могут быть интерпретированы как предвестия «революции 25 января» 2011 года. При этом следует оговориться, что, хотя сам факт отображения в художественной литературе доминирующих общественных настроений, того, что называют «духом времени», сомнений не

¹⁴ Ахбар ал-адаб. 30.3.2008.

¹⁵ Кирпиченко В.Н. Новые явления в египетском романе XXI века/Восхваление. – М., 2008.

вызывает, литература отнюдь не предсказывает конкретных событий. Те или иные «предсказания» прочитываются критиками и читателями в художественном произведении обычно постфактум, после того, как события уже имели место. Так было, к примеру, с романом Нагиба Махфуза «Пансион «Мирамар», завершённым автором в 1967, а опубликованным в 1968 г. По выходе романа в свет многие египетские критики называли его «пророческим», имея в виду катастрофические для Египта результаты «шестидневной» арабо-израильской войны 1967 г. Хотя созданный в романе образ «расколотого» общества свидетельствовал лишь о том, что автор не видит в Египте общественно-политической силы, способной это общество объединить и указать ему верный путь в будущее.

Рецензия В.Штефана на книгу Халида ал-Хамиси «Разговоры в такси»¹⁶ (2006), называется «Пожалуйте на площадь ат-Тахрир»¹⁷. Собранные в книге и художественно обработанные монологи каирских таксистов, действительно, указывали на существование широкого общественного недовольства положением дел в Египте. При этом рецензия появилась уже спустя несколько месяцев после начала событий на ат-Тахрире, но о самой книге в ней говорится лишь, что она «с документальной точностью фиксирует существующие в обществе настроения, а отображенные в ней проблемы столь велики, что не могли бы быть воплощены в чисто художественной форме, и книга совмещает в себе качества литературного произведения, политической статьи и социального исследования».¹⁸

Таким образом, говоря о появлении в литературе неких «предвестий» или «предчувствий», мы имеем в виду прежде всего способность автора-художника улавливать и отображать доминирующие в обществе настроения, атмосферу переживаемого исторического момента. При этом необходимо учитывать индивидуальность творческой манеры каждого автора и личностный, субъективный характер его восприятия происходящего вокруг.

* * *

В сегодняшней египетской прозе, в частности, в романистике, трудно выделить какие-то четко оформленные направления или течения – слишком велико разнообразие писательских индивидуальностей и стилей, равно как и отношения авторов к новым тенденциям и явлениям в мировой литературе. Для многих писателей предметом особой заботы является сохранение и утверждение национального лица литературы, и они считают дальнейшее освоение и

¹⁶ Ал-Хамиси, Халид. Разговоры в такси (Такси...хавадис ал-машавир). – Каир, 2006. О книге см. Кирпиченко В.Н. Новые явления в египетском романе начала XXI века/ Сб. Восхваление. К 90-летию И.М.Фильштинского - М., 2008.

¹⁷ Вайднер, Штефан. Пожалуйте на площадь ат-Тахрир (Ила майдан ат-Тахрир мин фадлак). Фикр ва фанн № 90, 2011.

¹⁸ Там же.

творческое использование средневекового арабского культурного наследия лучшим способом противостояния последним тенденциям мировой «литературной моды». Поэтому постмодернизм в его египетском преломлении, получивший распространение, особенно среди молодого поколения романистов, в 1990-е гг., и неотрадиционализм, возникший и существующий еще с 1960-х гг., представляют собой два своеобразных полюса египетского литературного движения, связанных многочисленными нитями взаимопритяжения и взаимоотталкивания. Одновременно в литературе сохраняется и реалистическая традиция, связанная, правда, уже не с поисками «большой общественной идеи», а с отстаиванием гуманистического взгляда на человека.

В связи с выходом в свет последней книги, фактически литературного «завещания», Нагиба Махфуза (1911-2006) «Сны периода исцеления» («Ахлам фатрат ан-наха», 2005) в литературной среде не прекращаются споры об истинной ценности творческого наследия египетского лауреата Нобелевской премии. Эти споры весьма показательны и служат своего рода барометром настроений писателей разных поколений. Среди молодых авторов есть такие, кто готов списать со счета не только Махфуза, но и всю литературу прошлого века. А по мнению писателя Ала ад-Диб (род. 1939), представляющего поколение «шестидесятников», развитие египетского романа остановилось на Махфузе, так как последующие эксперименты с новыми формами не привели к рождению новой мысли.

«Общество нездорово, – пишет Ала ад-Диб, – нездорово в социальном, экономическом, образовательном плане. Все это ведет к расстройству мысли. Не может быть здоровой мысли в таком обществе. Нет ни одного критического или идеологического проекта, который заслуживал бы серьезного рассмотрения... На мой взгляд и «новое письмо» не добавило ничего стоящего. Есть отдельные удачи. Но нет подлинных прорывов. Это началось в 60-е годы и продолжается до сих пор».¹⁹

В подобной оценке есть доля правды, но согласиться с ней целиком трудно.

Термин «новое письмо» (*ал-китаба ал-джадида*) относится к поколению романистов 90-х годов. Среди них было много талантливых, хорошо знающих самую современную западную литературу авторов, приверженных постмодернистской эстетике и исповедовавших пессимистический взгляд на мир и на собственное будущее.

Пользовался успехом роман Мухаммада Наги (род. 1947), «Утренняя песня» («Лахн ас-сабах», 1994), описывающий один, роковой, день из жизни двух персонажей. Оба они – уличные торговцы, каждое утро раскладывающие свой нехитрый товар на асфальте, возле мелочной лавки хаджжи Вики, над которой красуется гордая вывеска «Супермаркет «Новый

¹⁹ Ала ад-Диб. Роман остановился на Нагибе Махфузе (Ар-Ривайа таваккафат инда Нагиб Махфуз) – Ахбар ал-адаб, 4.12.2011.

век». Оба – инвалиды: Аббас-Обрубок, в прошлом пекарь, потерял ноги и одну руку на одной из войн и передвигается на тележке с колесиками, которую именует «свиньей»; у Науфала, бывшего каллиграфа, трясутся руки, он не может держать кисть и с тоской рассматривает последнюю оставшуюся на улице вывеску своей работы. Они люди разных характеров и темпераментов: энергичный, деятельный, и напористый, несмотря на свою увечность, Аббас, который даже вынашивает планы женитьбы, и Науфал, робкий, безнадежно ожидающий возвращения пропавшего на войне в Кувейте сына и мечтающий о янтарных четках, якобы излечивающих от «трясучки». Аббас почему-то, по каким-то непроясненным причинам, ненавидит Науфала, считает его кротость маской, скрывающей «клыки зверя». Каждый день Аббас начинает с того, что под бодрые звуки доносящейся из радиоприемника в лавке хаджи Вики «Утренней песни» ловким прыжком вскакивает Науфалу на грудь, трясет култышками рук за плечи, давит на живот и при этом издевательски хохочет. Науфал боится Аббаса и тоже ненавидит его до такой степени, что готов умереть, лишь бы его врага отдали под суд и посадили в тюрьму как убийцу. И убийство в конце концов совершается – жестокое, бессмысленное убийство одним человеком, превратившимся, по существу, в зверя, другого человека, полностью отчаявшегося в жизни.

Роман проникнут духом безнадежности, история двух людей, вышвырнутых на обочину общества, символизирует крушение всех прежних гуманистических представлений о человеке.

Не дает надежды на будущее и сатирический роман М.Наги «Арабские макамы» («Макамат арабийя», 1999), аллегорическая история египетских правителей от древнейших времен до наших дней. Роман лишь отдаленно напоминает жанр макамы. Но вызывает невольные ассоциации с «Историей города Глупова» Салтыкова-Щедрина, с образами глуповских градоначальников. Повествование заключается констатацией: «И сломалась пружина времени, зубчатые колеса вращались впустую, и их вращение беспорядочно и хаотично возвращало нас к историям наших далеких предков: мы философствовали вместе с Маадом, смеялись – с Ваадом, оплакивали случившееся с Даадом. И каждый раз, когда стрелка готова была прийти в движение, тень Тельца обгоняла ее, и она застывала на месте – дрогнет и остановится, дрогнет и остановится, пока совсем нас не придавила... Эти часы так и остаются одним из наших чудес, а под ними написано: «Это часы времени, они указывают линии жизни предков и потомков. Как было, так и будет».

Мухаммад Наги продолжил экспериментировать с постмодернистской эстетикой в романе «Ал-Аика дочь аз-Зайна» (2001), развивая в нем тему взаимной ненависти человека к человеку. Однако в 2008 г. он публикует роман «Ал-Эфенди», написанный в реалистической манере, создает в нем достаточно масштабную картину «рыночного общества» и выводит человеческий тип, составляющий плоть от плоти этого общества, мыслящий и живущий согласно его

законам. Эфенди сохранил лишь детские, сейчас не вызывающие у него никаких эмоций, воспоминания о том времени надежд, которые у его отца были связаны с национализацией Суэцкого канала, со строительством Высотной плотины, с голосами знаменитых певцов и певиц, даже с голосом Гамала Абд ан-Насера – все эти голоса «шли от сердца». Отец не любит голос Садата, «он словно рекламирует товар,.. слова идут не от сердца, а от ума, за ними чувствуются расчеты – одни тебе известны, другие нет, и это настораживает».

Родители нарекли сына именем Хабибулла (любимый Аллахом). Второе имя, ал-Эфенди (господин) он присвоил себе сам. А его возлюбленная Назик, цыганка по матери, торгующая на рынке цветами и предсказывающая будущее по линиям руки и на кофейной гуще, называет его «мой суженый».

Его влечет к ней неодолимая страсть, притягивает исходящий от нее глубокий и терпкий аромат женщины, «запах хлебной опары и свежих гвоздик». Она же убегает от него, словно предчувствуя, сколько горя он ей принесет, но убежать не может. Он стесняется ее, считает, что «она ему не подходит», но Назик единственная женщина, которую он всегда хочет.

В отличие от отца, не любящего новые времена, Эфенди хорошо ориентируется в новой ситуации и видит открываемые ею возможности не только заработать, но и разбогатеть. И использует эти возможности максимально – спекулирует долларами, торгует фальшивыми драгоценностями, обманывает туристов, не знающих местных цен. Назик то надолго исчезает из его жизни, и он даже забывает о ней, то они встречаются и вновь страстно любят друг друга. Но для нее он любовь всей жизни – так ей суждено, верит Назик. А им движет лишь неутолимое желание обладать этой женщиной, в голосе и смехе которой ему слышатся отзвуки «большого взрыва», первой пульсации Вселенной (он прослушал курс астрономии в университете). Однако чувства и жизнь Назик его, по существу, нимало не интересуют. К тому же он знает, как ее вернуть, «когда она будет ему нужна». Эфенди не способен чувствовать, у него нет другой цели, кроме как разбогатеть. Ради этого он обзаводится полезными знакомствами, изучает иностранные языки, внимательно следит за рыночной конъюнктурой.

Как-то Назик пропадает на целый год, а в ответ на расспросы Эфенди о том, где была, рассказывает «дурацкие» истории. Лишь спустя годы выясняется, что у нее есть дочь и ей нужны деньги, чтобы купить девочке свидетельство о рождении. Но Хабибулла Эфенди грубо отказывает ей – пусть дочерью Назик занимается ее неизвестный папаша. К тому же все свои капиталы Эфенди вложил в земельные участки, и у него нет свободных денег.

На перепродаже земли он сделал свой первый миллион.

Деньги Назик дает хаджи Хусейн, богатый ювелир, дальний родственник Эфенди. В романе он антипод Эфенди, человек живущий «по совести», соблюдающий исламские заповеди нестяжательства и помощи ближнему, дорожащий своей репутацией честного торговца.

Никому не верящий Эфенди постоянно подозревает, что помогая Назик, Хусейн преследует какой-то свой корыстный интерес, никаких подтверждений тому не находит, но не способен поверить в человеческую доброту и в то, что для людей могут существовать другие ценности, кроме денег. По существу, в образах Хусейна и Эфенди автор выводит те же два типа – человека, обладающего духовной жизнью, и человека абсолютно бездуховного, которые фигурировали в романе «Утренняя песня», но в данном случае показывает и общественную почву их породившую – Хусейн воспитан в традициях патриархальной мусульманской морали, Эфенди же – продукт «нового времени».

Назик накануне своей смерти предсказывает своему возлюбленному горькую судьбу, говорит, что боится за него. Судьба, действительно, шутит с ним злую шутку. Он чуть не женится на дочери Назик, необычайно похожей на свою мать, и лишь в последний момент узнает, что Нур – его собственная дочь. Узнает, когда девушка сообщает ему, что мать никогда не упоминала имени ее отца, а называла его «мой суженый».

Роман написан от первого лица, Эфенди рассказывает о себе с откровенностью человека, совершенно уверенного не только в своем праве жить исключительно «для себя», блюдя лишь собственный «интерес» и собственное здоровье, но и в том, что таковы все люди. Но в финале он осознает себя «бедным человеком», бедным несмотря на все, что он приобрел и присвоил. Он «беден душевно», ему «нечего вспомнить», его душа «пуста». Это запоздалое «прозрение» Эфенди придает роману оттенок мелодраматичности и просветительской сентенциозности.

В том же 2008 г., что и «Ал-Эфенди», вышел роман Саида Нуха (род. 1964) «Ангел последнего шанса» («Малак ал-фурса ал-ахира»). Мухаммад Наги, высоко оценивший роман коллеги, назвал Саида Нуха «важнейшим из арабских писателей».²⁰ В этом, шестом, своем романе (первый – «Каждый раз завидев красивую девушку, я восклицаю «О Суад!»²¹» – вышел в 1995 г.) Саид Нух с болью и страстью рассказывает о судьбе Палестины и палестинского народа.

Своеобразие романа состоит в том, что гуманистическое содержание выражено в нем постмодернистскими средствами. Роман стилизован под средневековую «обрамленную повесть». Его «рамка» – история «Ангела последнего шанса». Этот Ангел всегда улыбается, он несет людям радость, приходит на помощь в последнюю минуту и протягивает попавшему в беду «пурпурный мешок с вознаграждением». Но на этот раз Ангел оплошал, он увидел «девушку мечты» и забыл о своих обязанностях, о том, что его ждет «несчастный отец семейства». Ангел «расправил крылья, обнял девушку, привлек к себе и поцеловал в щеку». Он забыл о своих обязанностях, и это положило начало трагедии. Ангел кается всю жизнь.

²⁰ Ахбар ал-адаб, 30.11.2008.

²¹ Суад – имя возлюбленной в известной касыде «Ал-Бурда» («Плащ») Кааба ибн Зухайра (VII в.).

В рамках истории Ангела повествователь излагает многие, часто противоречащие одна другой травестированные версии палестинской трагедии, принадлежащие разным рассказчикам. Он употребляет при этом постоянный зачин «рассказывают что...», использует (не называя их) сакральные источники, ссылается на легенды, сказки, народные предания, исторические труды и даже на «слухи». Какая из версий истинная, предоставляется решать читателю, и в тексте звучат время от времени протестующие голоса, утверждающие, что «рассказчик сам не знает, о чем говорит». Согласно одной из версий, Господь имел беседы с архангелом Серафимом, Адамом и Иблисом и разрешил последнему, по его просьбе, подстроить каверзу Ангелу последнего шанса – сделать так, чтобы однажды он совершил ошибку. И Ангел забыл про Палестину, не прилетел к ней на помощь в последнюю минуту.

Повествователь и сам пытается поговорить с Богом, но тот отмахивается от него, как от назойливой мухи.

В романе сконцентрировано, можно даже сказать намешано, множество разнообразных повествовательных форм от древнейших до современнейших. Сюжеты сакральных текстов перекодируются в духе постмодернистской эстетики. Жесткая ирония, сатира выступает в качестве смыслообразующего принципа, но сквозь нее пробивается идущий из глубины души повествователя призыв к состраданию жертве несправедливости.

Многоголосый сказ записан в особой графике: отсутствуют абзацы, строки выровнены по краю и делятся на краткие отрезки. Строка обрывается с окончанием фразы или на ее середине. Следующая фраза начинается с новой строки. Текст напоминает касыду в прозе с элементами рифмы. Бейты касыды самостоятельны и переходы от одной темы к другой неожиданны (от Бога к действующему президенту). Рваный ритм передает крайнюю степень взволнованности повествователя, его отчаяние и возмущение равнодушием людей к страданиям целого народа.

Роман завершается страстным призывом ко всем арабам прийти на помощь «брошенной и забытой» ими Палестине.

Роман вызвал многочисленные отклики, прежде всего – в Интернете. Палестинская проблема – одна из самых болезненных для египтян, она ассоциируется в их сознании с пережитым национальным унижением, и читатели выражали свою поддержку автору, «осмелившемуся» заявить о ней так громко.

К поколению авторов «нового письма» принадлежит и Мираль ат-Тахави (род.1968), ставшая «открытием» 1990-х гг. Ее первый роман «Шатер» («Ал-Хиба») был признан одним из двух лучших романов 1996 г. Написанный в форме «рассказа о себе» (но не автобиографический в буквальном смысле слова), это один из самых трагических египетских романов. В нем полностью переосмыляется образ отца, чрезвычайно важный для египетской литературы XX века. У Нагиба Махфуза, в его эпической семейной саге, трилогии «Бейн ал-

Касрейн» (1956-57) отец семейства олицетворял собой всю мощь патриархального мира, а в «Сынах нашей улицы» (1959) даже символизировал Творца (в «Снах периода исцеления» отец не упоминается ни разу). В романе М. ат-Тахави «Шатер»²² отец героини, богатый бедуин из Верхнего Египта, называет маленькую дочь «аднанской принцессой» и обещает ей будущее, достойное принцессы. Но не сдерживает своего обещания, и любившая его дочь, повзрослев и лишившись ноги, ненавидит постаревшего, сгорбившегося и жалкого отца. А отец, если встречается во дворе дома ползущую по земле дочь, отводит глаза. В «телесных» метафорах романа прочитывается трагедия талантливой, творческой личности, вмещающей в своей душе целый мир, стремившейся к свободному, вольному полету и превратившейся в «хромую утку, распятую на колышке шатра». Впечатление, производимое романом, критики сравнивали с «ожогом».

В следующих двух романах М. ат-Тахави «Синий баклажан» (Ал-Базинджана аз-зарка, 1999) и «Топот газельих копыт» («Накарат аз-зиба», 2001) варьировалась та же тема печальной судьбы женщины в патриархальном обществе, но они не повторили успех первого романа. Вскоре Мираль уехала в США, где преподает арабский язык в Университете Северной Каролины.

Находясь в США, Мираль ат-Тахави написала роман «Бруклинские высоты», вышедший в Каире в 2010 г. и вновь привлечший внимание читателей и критики к ее творчеству. Роман номинировался на арабский Букер²³ и получил в 2011 г. премию Нагиба Махфуза от Американского университета в Каире.

Английское название «Бруклин хайтс» напечатано на обложке книги в арабской транскрипции, без перевода. Это название возвышенной части Бруклина, где находится, как утверждают туристические гиды, «одно из самых романтических мест» в Нью-Йорке – набережная (Promenade), с которой открывается вид на статую Свободы, на береговую линию Манхэттена и на Бруклинский мост.

Как и все предыдущие романы М. ат-Тахави, «Бруклинские высоты» это повествование о женской судьбе, однако оно приобретает совершенно иные масштабы, поскольку в нем описываются судьбы многих людей, иммигрантов из разных стран, живущих бок о бок в Бруклине. И роман, опять-таки, не может быть назван автобиографическим несмотря на то, что в нем полнее, чем ранее, используется автобиографический материал, а в основе повествования

²² О романе «Шатер» см. В.Н.Кирпиченко, В.В. Сафронов «История египетской литературы XIX-XX вв.» Т.2. – М., 2003.

²³ Арабский Букер – международная премия в области арабской литературы, вручается с 2009 г. Премия основана тем же фондом, который вручает и британский Букер, и призвана привлечь внимание к литературе арабского мира за его пределами.

лежат собственные впечатления М. ат-Тахави от жизни в Америке. Автобиографичен непокорный и свободолюбивый характер героини – египтянки Хинд, женщины лет сорока, постоянно рефлексировавшей по поводу своего возраста и своей внешности, матери сына-школьника, уехавшей из Египта после развода с изменявшим ей мужем. Хинд сняла через Интернет однокомнатную квартирку и ежедневно ходит по Бруклину то в поисках работы, то посещая административные учреждения, магазины, кафе, общественную библиотеку (она пишет стихи и рассказы и мечтает случайно встретить кого-либо, кто помог бы ей их опубликовать). Знакомится с обитателями Бруклина, среди них только один американец, сосед Хинд по дому Чарли, зарабатывающий тем, что вечерами дает уроки танго в танцевальном зале. Остальные – арабы из разных стран, иракский курд, женатый на мексиканке, китаец – владелец ресторанчика, где подаются «странные блюда», красивая сомалийка Фатима, мечтающая стать второй Наоми Кэмпбел, молодой афганец, хвастающийся тем, что сотрудничал с американскими военными в Афганистане, чем вызывает неприязненное чувство у Хинд, говорливая еврейка Эмилия, эмигрировавшая из Советского Союза с мужем-профессором физики в 1972 году, муж давно на пенсии, а Эмилия подрабатывает, торгуя на воскресном рынке старой, «винтажной», обувью. Хинд выслушивает их рассказы о себе, правдивые или выдуманные, провожает и встречает сына из школы, удивляясь, как быстро сын осваивает нужную ему английскую лексику – он уже самостоятельно покупает себе жвачки, сэндвичи и сладости, легко выговаривая их названия. Хинд и просто гуляет, держа сына за руку, потому что: сегодня выходной; комната их мрачна; она не спит по ночам; ее не отпускает тревога. Женщина скована внутренней несвободой, кажется себе старой, толстой, некрасивой (сама Мираль ат-Тахави удивительно красива), ей нелегко общаться с людьми, она знает английский, но не любит говорить на нем. Живущие в Бруклине арабы – марокканцы, алжирцы, суданцы, йеменцы – не владеют литературным арабским языком и говорят только на своем диалекте и на убогом английском. Хинд думает о том, что, не имея общего языка, они совсем не знают друг друга. Она же – по профессии преподаватель арабского языка – привязана к своему языку и не может любить никакой другой.

Главы романа носят названия бруклинских улиц, кварталов, баров, рынков, кладбища, парка и других мест, по которым ходит героиня. Эти названия приводятся по-английски и дублируются в арабской транскрипции. Английская лексика присутствует в описаниях городских пейзажей, в разговорах с бруклинскими знакомыми, с сыном, она связана с тем настоящим, в котором живет Хинд. Но настоящее сменяется прошлым, когда что-то вдруг пробуждает в Хинд воспоминания о ее жизни в Египте – о детстве в маленьком городке, о родителях, соседях, школьных подругах и учителях. Думая о том, что она становится все больше похожа на мать, Хинд вспоминает, как мать постоянно ждала отца, приходившего

поздно или не приходившего вообще, как часто она плакала, а отец, возвращаясь ночью, кричал на нее: «Да пропади ты пропадом! Думаешь, ты привяжешь меня кучей детей?» Воскрешая картины прошлого, писательница часто переходит на египетский разговорный язык, дословно приводит свои диалоги с матерью, другими родственниками, с подругами, названия детских игр, кушаний, лекарственных снадобий, народные поговорки и песни, т.е. воссоздает ту языковую культуру, в которой она выросла.

А разглядывая старые дома возле кладбища Green-wood и сидящих перед ними на стульях старых женщин – русских, испанок, латиноамериканок, Хинд вспоминает свою бабушку, мать отца, христианку и ее деревянный крестик, который она прижимала к груди перед смертью.

Запах пива, доносящийся из «Коко-бара», заставляет Хинд вспомнить, как отец регулярно посылал ее за пивом в лавку дядюшки Махмуда, отца ее школьной подруги. В ответ на упреки старшего сына, истового мусульманина, отец утверждал, что пиво «великое изобретение фараонов». Отец был красив, всегда безукоризненно одет, окончил факультет права Каирского университета, но никогда не работал, проводя время в компании друзей и охотно давая юридические советы всем желающим. Некогда богатая семья постепенно беднела, а нарядные платья из приданого матери вынимались из сундука только для перешивания в платья для дочери. Но именно отец в его «добрые минуты» рассказывал детям истории о Мусе, о Йакубе и Йусуфе, сопровождая их айатами Корана, и именно он заронил в душу маленькой Хинд желание писать рассказы и «стать великой» – рассекать палкой море, бегать по пустыне и, чтоб вода брызгала из-под ее ног. И она простила отцу пиво. Один раз отец совершил хаджж, но очень быстро вернулся из Мекки и сказал родным: «Там нельзя жить, Пророк и тот оттуда сбежал!»

А ящики с пивом, которые постоянно носит в свою квартиру сосед Чарли, служат, в глазах Хинд, доказательством пустоты его существования, заполняемой лишь алкоголем и женщинами. И она отвергает его приглашение выпить с ним пива.

Непривычный для романа, написанного женщиной, мотив пива выполняет несколько важных функций: служит нитью между прошлым героини и ее настоящим, выявляет определенное религиозное «вольномудство» отца и пустоту жизни Чарли и вносит дополнительный штрих в характер Хинд. Женщина заказывает себе пива в «Коко-баре» в знак внутреннего протеста против попыток араба-христианина Саида (у него такая же продольная насечка на щеке, как была у ее отца) «переманить» ее в христианскую веру (она-то думала, что просто нравится ему!). Хинд отстаивает не свое «мусульманство», а свою духовную свободу, свое право самостоятельно принимать любые решения. Стремление освободиться от традиционных религиозных табу было одним из главных стимулов ее отъезда в Америку. Но страдая от острого чувства одиночества, она иногда молится по вечерам.

Повествование, подобно маятнику, отклоняется то в одну, то в другую сторону, от происходящего сейчас к бывшему в прошлом и обратно. Постоянные «уходы» в прошлое, в годы детства и юности, подробные и яркие описания людей, сцен, событий тех лет, всплывающих в памяти героини, наводят на мысль о Прусте и его «Поисках утраченного времени». М. ат-Тахави пользуется «прустовскими» приемами в целях параллельного изображения и сопоставления двух возрастов своей героини, уклада жизни в египетском провинциальном городке и в населенном разноплеменными иммигрантами Бруклине, создавая в конечном итоге единый повествовательный контекст. Аналогичную роль в этом играет язык – народный, органичный, впитавший в себя наследие преданий и фольклора египетский разговорный, на котором говорят жители родного городка Хинд (а в школе она учит и литературный арабский, к тому же много читает) и чужой, вымученный, со скудным словарным запасом английский, на котором общаются между собой жители Бруклина. Язык это показатель принадлежности индивида к определенной человеческой общности, основа и стержень национальной идентичности, которую обитатели Бруклина со временем утрачивают.

Функциональны все элементы романа, многочисленные разбросанные по главам колоритные художественные детали ассоциативно взаимосвязаны. Вспоминая свой родной город, Хинд рассказывает истории своих школьных подруг, которых по достижении ими половой зрелости забирали из школы и, не спрашивая их согласия, отдавали, вернее, продавали замуж, а мать одной из подруг, продав дочь в Саудовскую Аравию, затем превратила «пристраивание» девушек в эту страну в качестве жен или прислуги в доходный промысел. М. ат-Тахави не морализирует, рассказанные ею истории сами собой выстраиваются в картину нравов, которые наследуются от поколения к поколению и легко вписываются в законы утверждающегося в провинциальном египетском городке «рыночного общества».

В Бруклине много одиноких женщин, устраивающих свою жизнь, кто как может. Они носят американские платья, учат английский и стремятся приобрести профессию, дающую заработок, выходят замуж за таких же, как они сами, иммигрантов, разводятся: эти браки редко бывают удачными. И самостоятельность, и свобода этих женщин ограничены не какими-либо нравственными или религиозными запретами, а самими условиями их существования.

Если воспоминания о прошлом складываются в цельную, завершенную (смертью отца и матери, отъездом в США) картину, то сцены настоящего обрывочны, Хинд не связывают ни с кем постоянные, длительные отношения. Все более редкими становятся и упоминания о сыне. Сын любит мать и утешает ее, когда она плачет, говорит ей: «Не плачь дорогая, я с тобой». Но он уже не держит ее за руку на прогулках, идет впереди, демонстрируя свою «взрослость». Он не хочет уезжать из Америки, хотя и признает, что «жить здесь трудно». Он хочет взять себе имя Бен. Хинд все чаще оставляет его дома одного.

Наиболее близкие отношения складываются у Хинд с двумя друзьями: армянином Наракком из Баальбека, владельцем магазина компьютерных игр, и Наджибом ал-Халили, приехавшим из Набулуса в 1995 году и держащим магазин «восточных продуктов и напитков». Весельчак Нарак никогда не унывает, а Халили очень тоскует по родине и лелеет несбыточную мечту когда-нибудь туда вернуться. Америку он называет «большой ложью» и «мясорубкой», утверждает, что человек здесь вовсе не свободен и занят только добыванием хлеба насущного и до конца жизни выплачивает кредит за дом и за образование детей.

История сохранившей следы былой красоты, изящной, модно одетой и увешанной драгоценностями старушки Лилит приоткрывает перспективу возможного будущего самой Хинд. Лилит, согласно существующему преданию, имя первой жены Адама, ставшей злым духом и наводящей бесплодие на женщин и порчу на младенцев.²⁴ Настоящее имя Лилит Лейла ас-Саид, она образованная египтянка из родовитой семьи, чуть не потерявшая рассудок из-за постоянных измен мужа. Сначала она читала «Анну Каренину» и плакала, а потом собрала чемодан и уехала, оставив мужу маленького сына. Богатый муж присылал ей деньги. В Америке она превратилась в Лилит и испробовала разные, в том числе и экстремальные, виды «свободы» – сначала училась в Принстоне, пыталась стать художницей, а потом жила в среде хиппи, увлекалась наркотиками, но счастья так и не обрела. Сейчас живет с приехавшим к ней сыном, который разбогател, сотрудничая с иммигрантами-йеменцами, владельцами успешной строительной компании, и женился на американке, принявшей ислам. Лилит часто приходит посидеть в кафе рядом с магазином Халили, она потеряла память и носит в сумочке записку со своим адресом (на случай, если не сможет самостоятельно вернуться домой). Лилит умирает, ее хоронят на мусульманском кладбище, ее вещи выставляют, как это принято в Америке, на улицу на потребу всем желающим. Эмилия роется в куче обуви, ища «туфли времен Мэрилин Монро и Элвиса Пресли», Хинд перебирает книги в коробках. Среди них «Тысяча и одна ночь» и «Книга песен» ал-Исфাহани на арабском языке, «Пророк» Джебрана, персидская поэзия – все то, что читала в детстве и юности сама Хинд. Платья покойной напоминают Хинд те, что были в приданом ее матери и бабушки. Она находит и бумаги Лилит, ее записки, воспоминания, автопортреты, фотографии сына разных лет. Она потрясена, ей кажется, что все это написано ее собственной рукой, словно она сама прожила жизнь Лилит.

Старая Эмилия на своем «чуждом» англо-русском языке утешает Хинд: «Не переживай, доченька. Такое часто случается в жизни, когда все смешивается, и мы верим в то, во что хотим верить, а потом внезапно приходит забвение и стирает память. И нам уже трудно понять, кто мы и кем были. Мы становимся, к сожалению, очень похожими друг на друга. Но ты еще молода, девочка, слишком молода, чтобы к тебе пришло забвение».

²⁴ См. Мифы народов мира, т.2. – М., 1982.

Роман Мираль ат-Тахави абсолютно лишен мелодраматизма и впечатляет силой заложенной в нем художественной правды человеческих характеров, чувств, судеб. Его персонажи, во всяком случае большинство из них, имеют своих реальных прототипов. А индивидуальная проблема самостоятельной, образованной и талантливой женщины, стремящейся освободиться от сковывавших ее на родине уз традиционной несвободы и, одновременно, сохранить свою национальную и культурную идентичность является таковой для многих иммигрантов. По прочтении романа проясняется символика его названия: персонажи могут любоваться Америкой с Бруклинских высот, но редко кому из них удастся перебраться через Бруклинский мост и ощутить себя «своим» в Америке.

В интервью, данном М. ат-Тахави во время пребывания ее в августе 2011 года в Египте, писательница призналась: «Да, в этом романе я стала более свободной от давления запретов и табу. Мне всегда хотелось поломать их. Все это связано с моим воспитанием, с жизнью в провинции, там я не могла писать о чем хочу. Вдали от этой жизни я избавилась от страхов и могу писать о связи женщины с ее телом, с мужчиной. Мне уже не мешает автоцензура, не волнует вопрос о том, как это будет воспринято читателями и критикой. Возраст тоже имеет значение. Хочется высказать правду, как бы она ни была мучительна. Я больше не боюсь скандалов, не опасаясь за честь семьи. Я научилась сама относиться к себе критически, не пыталась создать образ идеальной героини.»²⁵

В этом же интервью М. ат-Тахави высказалась и по поводу отношения к арабам в Америке: «Когда ты живешь внутри другой культуры, вольно или невольно возникают противоречия. Именно это происходит со вторым поколением арабов в Америке. Вопрос стоит о том, чтобы сохранить свою идентичность, находящуюся постоянно под угрозой... Это общество неспособно понять арабскую культуру, отделить ее от политической борьбы,.. ислам непременно ассоциируется с проявлениями насилия... В Северной Каролине я всегда была окружена консерваторами, «любителями чаепития». Неподалеку, во Флориде, в церквях сжигали Коран. И я чувствовала, что принадлежу к культуре, отмеченной печатью терроризма и потому подозрительной... Преподавая арабский язык, я была врагом для студентов, большинство которых служит в американской армии. Они изучают язык в политических целях. И я была вынуждена ежедневно защищать его, язык арабской культуры, которую в другом месте я критикую. Возникло некое раздвоение личности».²⁶

Выразила писательница и свое отношение к исламскому фундаментализму: «Я еще несколько лет назад говорила о том, как изменилась обстановка в египетских университетах, особенно в провинциальных, где возникла благодатная почва для крайних течений. Тогда мои

²⁵ Ахбар ал-адаб, 28.8.2011.

²⁶ Там же.

слова вызвали бурю негодования. А когда я поднималась на кафедру и начинала читать лекцию, «братья» дружно вставали и покидали аудиторию, заявляя, что их не может учить женщина, да еще без хиджаба. Мне присылали письма с угрозами».²⁷

Свет на ситуацию, в которой находится светски мыслящая египетская интеллигенция, проливает и небольшая заметка «Интеллигенция в резервации религиозного государства», опубликованная в газете «Ахбар ал-адаб» за подписью д-ра Хазима Ахмада Хусни:

«С тех пор как три четверти века назад Таха Хусейн опубликовал свою книгу «Будущее культуры в Египте», ал-Азхар и христианская церковь представляют собой источник особой тревоги за судьбу любого светского культурного начинания в Египте, поскольку культурное движение, в целом, не поддавалось соблазну призывать к ликвидации религиозных структур, будь то исламских или христианских. Культурное движение выступило и выступает за реформирование религиозной организации, за стимулирование ее развития, которое помогло бы ей адаптироваться к реалиям нового века и взаимодействовать с обновительскими тенденциями в жизни Египта и египтян, не подстрекая к противодействию им и не игнорируя их».²⁸

На самом деле истоки подобной ситуации восходят не ко времени публикации книги Таха Хусейна «Будущее культуры в Египте» (1939), написанной уже после того, как Таха Хусейн еще в 1925 г. предстал перед судом за проявленное им (в книге «О доисламской поэзии») «неуважение» к тексту Корана и с тех пор соблюдал осторожность в высказываниях. Смелая для своего времени (конец XIX в.) мысль о том, что «религия друг науки» принадлежит реформатору ислама шейху Мухаммаду Абдо. Попытка сохранить, в ходе модернизации религии, синкретизм науки и веры имела серьезные последствия для литературы, и мысль М. Абдо до сих пор довлеет сознанию значительной части египетской творческой интеллигенции.

Но значительная часть литературного сообщества выступает против религиозной цензуры, против создания в египетском Высшем совете по культуре комиссии по делам религии и против «политического ислама» в целом.

Проблеме религиозного сознания посвящено самое нашумевшее произведение последних лет, исторический роман Йусуфа Зайдана (род. 1958) «Азазель» (2008), побивший все рекорды продаж, переизданный в том же году, а к настоящему времени выдержавший двадцать переизданий, переведенный на семь иностранных языков и получивший в 2009 г. арабскую Букеровскую премию. Ученый-историк, доктор исламской философии, специалист по арабскому (мусульманскому и христианскому) рукописному наследию, директор Центра рукописей Александрийской библиотеки и автор еще двух романов («Тень змеи», 2007, и «Набатеец», 2010) Йусуф Зайдан написал художественное произведение, ставшее новым

²⁷ Там же.

²⁸ Ахбар ал-адаб, 3.7.2011.

словом в арабской романистике. Он сумел воссоздать в нем эпоху смены религий и цивилизаций, а именно эпоху утверждения христианства на Ближнем Востоке (действие романа происходит в середине V в.н.э.), его превращения в официальную имперскую религию и вытеснения, слома прежних «языческих» религий. Когда уже не христиане были жертвами гонений, а вместе со старыми богами изгонялась и эллинистическая наука, уничтожались памятники культуры, фанатики-христиане жестоко расправлялись с «многобожниками». И в то же время происходили расколы в самом христианстве.

Роман умело стилизован под рукопись, якобы найденную при раскопках развалин монастыря неподалеку от Алеппо – прием, неоднократно использовавшийся в мировой исторической романистике. Текст на арамейском языке на листах пергамента принадлежит монаху из Верхнего Египта, описавшему события собственной жизни и своего бурного времени. Герой не только монах, он еще и врач, и поэт – в церковной школе в родном городе Ахмиме и в монастыре в Наг-Хаммади он читал философские труды Плотина, жизнеописание Пифагора, стихи Гомера, драмы Эсхила и Софокла, т.е. хорошо знаком с наследием античной науки и культуры. Он человек мыслящий, рассуждающий и потому часто сомневающийся и стремящийся докопаться до истины. Он покидает родные места после того, как христиане-фанатики на ступенях храма египетского бога Хнума (лепящего человеческие тела из глины) убили его отца, тоже христианина, приняв его за адепта многобожия. Он отправляется в Александрию, еще не христианизированную полностью, где намерен совершенствоваться в искусстве врачевания. Там, случайно оказавшись в доме богатого купца-сицилийца, знакомится с великолепными произведениями античного искусства, с собранием книг из разных областей знания. Он восторгается, слушая публичные лекции ученой и прекрасной женщины Гипатии, философа, астронома и математика, и становится очевидцем ее страшной смерти от рук фанатиков-христиан. Потрясенный сценой жестокого насилия, отправляется пешком в Иерусалим, по дороге совершает обряд самокрещения и в память о Гипатии принимает имя Гипа. В Иерусалиме встречается и сближается с епископом антиохийским Несторием, по его рекомендации отправляется в монастырь возле Алеппо, где становится смотрителем монастырской библиотеки, занимается врачеванием и пишет стихи.

Широкая панорама исторических и религиозных катаклизмов проецируется на индивидуальное самосознание образованного и мыслящего человека той эпохи. Внутренние сомнения и метания Гипы, его искушения плотской страстью к язычнице Октавии, верящей во всех богов, и неодолимой любовью к юной христианке Марте, его постоянные размышления о сущности и догматах веры, о распре между александрийским епископом Кириллом и ставшим константинопольским епископом Несторием (по поводу того, была ли Святая Дева Богородицей или Матерью Мессии) находят свое отражение в бесконечных пререканиях с

дьяволом-Азазелем, который регулярно является монаху, толкает его на «греховные» мысли и поступки и «понукает» записывать все, что довелось ему увидеть и пережить. Гипа сопротивляется дьявольскому наущению вести записи, не перестает ждать знамения от Господа, но не получает его. Он последний раз обращается к Богу: «И сейчас знамение Твое, Господи, удержит меня от писания, но если ты оставишь меня наедине с самим собой, я стану записывать». Закончив рукопись, он аккуратно сворачивает ее, кладет в деревянный ящик, закапывает под монастырской стеной и уходит из монастыря, неизвестно куда, влекомый желанием быть свободным человеком и не участвовать в схоластических спорах церковных иерархов, борющихся за земную власть.

Что же до Азазеля, то роман убеждает читателя в том, что дьявол не существует отдельно от человека, а воплощает собой «темную» сторону его души – слабости, страсти, страхи, побуждающие человека совершать поступки, противоречащие его собственному пониманию нравственности или представлениям его современников о моральных нормах. Свою сущность раскрывает и сам Азазель, говоря: «Я являюсь к тебе из тебя самого, с тобой и в тебе... Я носитель твоего бремени, твоих химер и боли».

В романе приводятся цитаты из Ветхого завета, Евангелий, а также из трудов Плотина и других античных авторов – те просвещенные священнослужители, с которыми общается Гипа, хорошо знакомы с греческой наукой и не отрицают ее огульно, даже усматривая в некоторых ее идеях «корни» христианской веры. Присутствуют в тексте и реминисценции коранических аятов. Арамейский язык, на котором написан манускрипт, Гипа выучил уже взрослым, родной его язык – коптский, греческий он знает со школы, а арабский, «еще не имеющий письменности», как сообщает Гипа в своей рукописи, осваивает, общаясь с арабами из Аравии, купцами и караванщиками. На полях рукописи имеются и комментарии на арабском языке, принадлежащие неизвестному арабскому книжнику, когда-то нашедшему манускрипт, прочитавшему и вновь закопавшему его «до лучших времен». Множественность и взаимодействие языков описываемой эпохи – одна из художественных иллюстраций тезиса (сформулированного и обосновываемого Йусуфом Зайданом в работе «Арабская теософия и религиозное насилие»)²⁹ о том, что три единобожные религии – иудаизм, христианство и ислам – по сути своей разновременные явления одной веры.³⁰ А в заключительной части манускрипта Гипа пишет: «После долгих размышлений я понял, что боги, при всех их различиях, находятся не в храмах и в гигантских сооружениях, а в сердцах верящих в них людей... Моя вера покоится на многих сомнениях».

²⁹ Зайдан, Йусуф. Ал-Лахут ал-'араби ва усул ал-'унф ад-дини. Каир, Дар аш-Шурук, 6-е изд. 2011 г.

³⁰ Указ.соч. с.21.

Роман «Азазель» вызвал бурные и разноречивые отклики. Единодушно осудили его религиозные круги, в первую очередь христианские, но также и мусульманские. Писателя обвиняли в искажении или просто незнании истории, в поругании святынь и даже в том, что он «выдает свое сочинение за рукопись египетского монаха, написанную на арамейском языке в V веке». Серьезный, имеющий под собой солидную документальную базу роман Зайдана сравнивали, абсолютно неправомерно, и с «Кодом да Винчи» Дэна Брауна.³¹

Литературный критик Мухаммад Ид по достоинству оценил «Азазель» как «великолепный роман,.. ставящий Йусуфа Зайдана в число писателей, которыми мы гордимся,.. роман, в котором история не теснит искусство... К тому же автор вторгается в нем в сферу, до сих пор не затрагивавшуюся писателями из-за недостатка источников и трудностей работы с ними».³²

Появление перечисленных выше романов подтверждает уже отмеченную в нашей предыдущей статье тенденцию к выходу египетских авторов поколения 90-х гг. из сосредоточенности на изображении внутреннего мира замкнутого в себе, страдающего, утратившего былые идеалы героя, не видящего для себя перспективы в чуждой ему действительности. Герои новых романов не замыкаются в своем неприятии окружающего мира, они хотят не только понять и осмыслить его сложность, его противоречия и конфликты, но и найти свое место в нем: либо, как герой «Ал-Эфенди», путь преуспевания в мире денег (за этот выбор героя карает судьба), либо путь совместного противостояния жестокости и насилию («Ангел последнего шанса»), либо отстаивания своей индивидуальной свободы («Бруклинские высоты», «Азазель»). Углубление во внутренний мир персонажа скоординировано в этих романах с отображением реалий мира, в котором персонажи родились и существуют, реалий, вызывающих у них отторжение. И если в романе «Ал-Эфенди» «рыночное общество» осуждается с позиций традиционной мусульманской (в действительности далеко не всегда соблюдаемой) морали «нестяжательства» и «честной торговли», то героиня «Бруклинских высот» покидает родину, стремясь освободиться от традиционных запретов и двойных моральных норм, делающих невыносимой жизнь женщины, тем более талантливой, современно образованной и сознающей себя полноправной личностью. Уход монаха Гипы из монастыря символизирует его внутренний протест против религиозного насилия, несовместимого, в его понимании, с истинной верой. А «горячечный» стиль романа «Ангел последнего шанса» заставляет воспринимать это произведение как манифест против насилия, совершаемого над целым народом. И где бы и когда ни происходило действие романа, авторы художественными, образными средствами, используя самые разнообразные жанровые формы, выражают свое

³¹ <http://st-takla.org/.../076-Azazel-Yossef-Zidan-Fake-Story-Book-Scapegoot.html>

³² Ид, Мухаммад ас-Сайид. Азазель... или зло, таящееся в нас. (Азазель ау аш-шарр ал-камин фина).

Ахбар ал-адаб, 14.9.2008.

видение ситуации в Египте, свое отношение к проблемам (следует сказать, традиционным для современной египетской литературы), острота которых неуклонно нарастает, приближаясь к критической отметке.

А непосредственно перед «революцией 25 января» появилось произведение, прямо предсказывающее грядущие события и даже описывающее, как и каким образом свершится революция. Именно с этой точки зрения представляет интерес роман прозаика и драматурга Мухаммада Саламави (р.1945) «Крылья бабочки» (Аджниха ал-фараша»), опубликованный в январе 2011 г., буквально накануне событий на площади ат-Тахрир, и переизданный в феврале и в апреле.

Жанровую форму романа определить затруднительно, условно можно назвать его «революционной мелодрамой». Примечателен выбор автором главных персонажей: Доха, жена высокопоставленного чиновника, одного из лидеров правящей партии, модельер, летит в Милан на презентацию моделей сезона, она собирается представить коллекцию платьев, цветами и покроем напоминающих бабочек – символ рождения новой жизни; Ашраф аз-Зайни, ее случайный сосед в самолете, известный архитектор, один из лидеров оппозиции, направляется в Палермо на международную конференцию организаций «Гражданского общества». Он намерен выступить там с докладом, основанным на теории *Batterfly Effect*³³ (влияние бабочки на мировой климат: взмах крыльев в одном уголке мира влияет на движение ветров в другом, отдаленном). Смысл теории, как разъясняет Дохе Ашраф, в том, что любое, даже самое маленькое, существо способно воздействовать на мироздание, и в этом заключается сила гражданского общества. Доха не любит мужа и принципиально не интересуется политикой, но проговорив весь полет с Ашрафом, проникается его идеями. Молодые люди непреднамеренно встречаются то в римском ресторане, то на презентации мод в Милане, то на конференции в Палермо, и их взаимные чувства крепнут день ото дня. Доха передумывает выставлять свои платья в Милане, прочитав английскую книгу «Бабочки Египта» и поняв, что ее модели должны быть выдержаны в национальном стиле, а не копировать западные образцы. Ашраф, в своем выступлении в Палермо, говорит об «узурпации правящими партиями в странах третьего мира политической власти» и о том, как гражданское общество, только нарождающееся в Египте, прилагает усилия для реформирования политической жизни и внедрения принципа передачи власти демократическим путем, требуя изменить с этой целью конституцию.

Параллельно рассказываются истории других персонажей, Аймана, скромного юноши, на протяжении всего сюжета занятого поисками своей матери, давно разведшейся с отцом

³³ Эффект бабочки – термин, используемый в естественных науках, обозначающий свойства некой хаотичной системы: незначительное влияние на систему может иметь большие и непредсказуемые эффекты где-нибудь в другом месте и в другое время.

(поиски матери должны, по всей видимости, ассоциироваться с поисками Айманом своей идентичности, своей родины, но художественно эта ассоциация не реализуется); его брата Абд ас-Самада, жаждущего быстро разбогатеть и становящегося жертвой аферы, в которой он теряет все деньги, занятые им в долг у друзей и знакомых; друга Аймана студента Хасана, активно участвующего в политической жизни,

Вернувшись в Каир, Доха требует у мужа развода и принимает участие в начавшихся демонстрациях, чувствуя себя в толпе демонстрантов словно «заново родившейся». Ашраф выступает с трибуны, обличая «эту коррумпированную партию, партию личных интересов, партию диктатуры и произвола», и требует достойной жизни для народа. Полиция разгоняет демонстрантов, на Ашрафа надевают наручники. Доха дает интервью журналистке Сальве, любимой девушке Аймана, оно появляется в газете, Доху арестовывают в доме брата, когда она рисует модели новых платьев, вдохновляясь картинкой древнеегипетской бабочки-тигра (с черными и желтыми полосами).

Руководители оппозиции и организаций гражданского общества собираются на заседание и принимают решение о совместных действиях с требованием освободить всех арестованных. К ним присоединяются «многочисленные сторонники из разных слоев общества». Они связываются друг с другом через Интернет и координируют свои действия. По всему Каиру проходят демонстрации, они перекидываются и на другие города Египта. Автор подробно описывает настроение демонстрантов, цитирует лозунги на плакатах и скандируемые речевки. Видимо, он не раз был свидетелем массовых выступлений каирцев в предыдущие годы.

Правительство намерено пустить в ход войска, но благородный министр обороны отказывается выполнить этот приказ, заявив, что «армия существует для защиты родной земли от захватчиков, а не для убийства египтян». Кризис нарастает. Толпы демонстрантов захватывают правительственные учреждения, штаб-квартиру правящей партии. Часть членов парламента и полиции переходит на их сторону. Правительство вынуждено заявить о своей отставке. Формируется коалиция, представляющая силы народа (что это за силы, не уточняется). Ее возглавляет доктор Ашраф аз-Зайни. Страна начинает успокаиваться, жизнь возвращается в нормальное русло.

Финальная сцена: три пары влюбленных – Ашраф с Дохой, Айман с Сальвой и Хасан с Галой – встречаются в кабинете Ашрафа. Все счастливы. Все собираются праздновать свадьбы.

В романе не делается попытки углубиться в причины протестных настроений в обществе (кроме «узурпации правящими партиями политической власти» и коррупции), не названы конкретно общественно-политические силы, участвующие в акциях протеста (просто сказано: «многочисленные сторонники из всех слоев общества»). Главное требование протестующих это изменение конституции и утверждение принципа передачи власти «демократическим путем».

Протестующие проявляют редкостное единодушие и легко берут власть в свои руки благодаря невмешательству армии. Последующее, так, как оно происходило в действительности, развитие событий остается за пределами романа, что понятно, так как роман был написан до того, как события начались. А поверхностный, с высоты полета бабочки, порхающей с цветка на цветок, взгляд на ситуацию, не позволяет автору разглядеть ни существо назревающего в обществе противостояния, ни разницу интересов и позиций сил, выступающих против власти.

Тем не менее, роман, несомненно, отражает настроения определенной части египетского общества, прежде всего тех молодых, получивших современное образование и не могущих найти достойной работы Интернет-пользователей, которые верили или надеялись, что сменой власти и с изменением конституции в стране наступит демократия и начнется новая жизнь.

В статье рассмотрена лишь малая часть романов, опубликованных в течение первого десятилетия XXI века в Египте (без учета романов, размещенных их авторами в Интернете). Но и они позволяют говорить о том, что рост недовольства в различных слоях общества и его причины так или иначе отразились в художественной литературе этого периода.

Сама же «революция 25 января» 2011 года пока нашла свое отображение в поэзии, воспевающей героев событий на площади ат-Тахрир и оплакивающей их жертвы, а также в репортажах, дневниковых записях и воспоминаниях участников и свидетелей событий. Собственно, результаты этих событий еще далеко не очевидны. Ответ на активно дискутирующийся в Египте – в периодике и на различных общественно-литературных форумах – вопрос о характере и перспективах этой революции, четвертой в Египте (если вести отсчет от восстания Ораби-паши 1882 г. – выступления армии против ущемления национальных прав египтян, последствием которого стала английская оккупация страны), может дать только время.